

А. Д. Щеглов

par
vus
libellus

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

ШВЕЦИЯ, ДАНИЯ И НОРВЕГИЯ
В XIV–XV ВЕКАХ

е в р а з и я

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А. Д. Щеглов

«НАВЕКИ ВМЕСТЕ»

Швеция, Дания

и Норвегия

в XIV–XV веках

2-е издание, электронное

ЕВРАЗИЯ

Санкт-Петербург

2025

УДК 94(48).03
ББК 63.3(0)4
Щ33

Рецензенты:
доктор исторических наук *Т. Н. Джаксон*
доктор исторических наук *С. А. Прокопенко*
кандидат исторических наук *О. В. Ауров*

Щеглов, Андрей Джолинардович.

Щ33 «Навеки вместе». Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках / А. Д. Щеглов ; ИВИ РАН. – 2-е изд., эл. – 1 файл pdf : 254 с. – Санкт-Петербург : Евразия, 2025. – (Parvus libellus). – Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0800-5

В истории Дании, Швеции и Норвегии период с конца XIV по начало XVI века – особое время. Формально сохраняя самоуправление, указанные королевства заключили союз под властью общего монарха. Соглашение было составлено в 1397 году в городе Кальмаре; отсюда его название – Кальмарская уния. В данной книге рассмотрены этапы унии, проанализированы источники – документы и хроники, даны обзоры научных дискуссий. В приложении содержатся выполненные автором переводы документов Кальмарской унии.

УДК 94(48).03
ББК 63.3(0)4

Электронное издание на основе печатного издания: «Навеки вместе». Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках / А. Д. Щеглов ; ИВИ РАН. – Санкт-Петербург : Евразия, 2022. – 256 с. – (Parvus libellus). – ISBN 978-5-8071-0568-4. – Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0800-5 © Щеглов А. Д., 2021
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2022
© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2022

Введение

Договор же союзный доставлен будет
Королем, когда он в Стокгольм прибудет.
В нем сказано: все три страны
Навеки вместе быть должны.

«Хроника Энгельбректа»

В истории Дании, Швеции и Норвегии период с конца XIV по начало XVI века — это особое время. Формально сохраняя внутреннее самоуправление, эти три королевства заключили между собой союз под властью общего монарха. Соглашение было составлено в 1397 году в шведском городе Кальмаре; отсюда название союза — Кальмарская уния.

Этот союз интересен по нескольким причинам. Во-первых, неизменно представляет интерес история отношений между соседними странами, близкими по языку и культуре. Кальмарская уния являет пример сложных, противоречивых отношений, где имели место и сотрудничество, и борьба — подчас жестокая и кровопролитная. Многие подробности этой борьбы являются предметом научных споров.

Во-вторых, Кальмарская уния интересна документами, многие из которых отражают политические программы духовной и светской элиты, а порой и чаяния простого народа. Некоторые из памятников сложны, противоречивы. Особенно непрым, в некоторых отношениях загадочным, является главный документ Кальмарской унии – договор от 1389 года, о характере и содержании которого много лет ведутся дискуссии.

Наконец, Кальмарская уния как научный сюжет увлекательна; в ней присутствует то, что выдающийся французский историк Марк Блок назвал «неповторимой прелестью истории». Эта уния включает в себе немало моментов, важных для понимания средневековой истории в целом; вместе с тем она имеет индивидуальный, неповторимый колорит.

Глава I

Накануне Кальмарской унии

Позднесредневековые границы скандинавских королевств — Дании, Швеции и Норвегии — не вполне совпадали с нынешними. Дания на протяжении большей части Средневековья включала не только Ютландский полуостров и острова (Зеландия, Фюн и др.), но и области на юге Скандинавского полуострова — Сконе, Халланд и Блекинге, ныне входящие в Швецию.

Области Херьедален и Емтланд, которые сейчас являются частью Швеции, входили в Норвежское королевство, которому принадлежали также Исландия, Фарерские и Оркнейские острова. Шведское королевство, помимо Швеции, включало Финляндию. Спорным являлся остров Готланд в Балтийском море. В раннее Средневековье он подчинялся шведской короне, но в середине XIV в. был завоеван датчанами.

В зрелое Средневековье (применительно к Скандинавии, примерно XII–XIV в.) в Дании, Норвегии и Швеции оформился местный

вариант общества, которое многие историки называют феодальным. Из древней родовой и служилой знати, из верхушки сельских общинников и отчасти из иноземцев и их потомков сформировалось неподатное сословие — фрельсе (буквально: «свободное»).

Светское фрельсе (рыцари и младшие рыцари — вэпнары, свены) владело поместьями на условии рыцарской службы. Духовное фрельсе — клир — формально не несло обязательств перед светской властью, хотя на практике нередко шло на уступки — в частности, платило «вспоможения», которые считались добровольными.

Земельные владения фрельсе обрабатывали крестьяне-арендаторы: в Швеции и Дании — ландбу, в Норвегии — лейлендинги. Эти крестьяне были лично свободны, но по условиям аренды имели множество обязательств перед землевладельцем. Арендатор заключал с собственником договор на несколько лет. За пользование землей вносил ежегодную плату натурой, возводил постройки, отрабатывал небольшую барщину; за заключение договора платил взнос — «дар». Помесья фрельсисманов и обрабатывающие их крестьяне-арендаторы были освобождены от регулярных налогов в пользу короны. Однако арендаторы, по обычаю, платили королю экстраординарные подати.

Значительную часть угодий составляли тягловые земли. Их возделывали бонды — свобод-

ные сельские домохозяева. Бонды платили налоги и подати, участвовали в строительстве и ремонте кораблей, замков, крепостей, дорог, мостов, изгородей; если на Шведское королевство нападал враг — служили в ополчении. Зажиточные бонды, способные нести рыцарскую службу, могли перейти в неподатное сословие. В свою очередь, обедневшим фрельсисманам разрешалось покинуть свое сословие и стать бондами, что подчас имело место.

Во главе стран стояли короли — преемники древних вождей-конунгов, а со временем монархи европейского типа — государи «милостью Божьей». Порядок восхождения на престол различался. В Норвегии, после затяжной политической борьбы, со второй половины XIII вв. установилась наследственная монархия. В Швеции и Дании должность короля надолго сохранила выборный характер. Фактически монарха избирали светские и духовные аристократы. Официальные выборы осуществлялись на собраниях представителей регионов и сословных групп.

Новоизбранный король приносил присягу, обязуясь оказывать покровительство церкви, блюсти мир, заботиться о подданных. Нередко монархи принимали особые обязательства перед подданными — в первую очередь перед аристократами.

Обретя власть, король формировал Государственный совет — риксрод, вводя новых

членов взамен выбывших. С риксродом (состоявшим, как правило, из духовных и светских аристократов) монарх был обязан совещаться. Нередко риксрод превращался в могущественный орган, стремящийся диктовать правителю свою волю. Порой же риксрод, напротив, утрачивал реальную власть, подолгу не созывался на заседания. В число советников входили назначаемые королем сановники: дротс (верховный судья, помощник короля), марск (верховный военачальник), канцлер (часто – из епископов).

Король жаловал фрельсисманам лены: земельные держания, в Скандинавских странах (до середины XVI века) – срочные, как правило, пожизненные. Лены давались за службу («служебный лен»), а также на условии регулярных отчислений короне фиксированных сумм («лен за плату») либо излишка доходов («лен под отчет»). Распространены были и залоговые лены: доходы от них служили вознаграждением за заем. Особо ценились престижные, стратегически и экономически важные замковые лены. Борьба за них сыграла огромную роль в средневековой истории Скандинавии.

Города были невелики. Крупнейшие – Копенгаген, Мальмё, Рибе, Стокгольм, Кальмар, Осло, Берген – насчитывали по несколько тысяч жителей. Тем не менее города, как и повсеместно в Европе, играли важную роль как центры торговли, ремесла, культуры

и общественной жизни. Города возглавлялись выборными бургомистрами и магистратами и, как правило, подчинялись короне. Во многих скандинавских городах имелось как скандинавское, так и немецкое население. В некоторых городах — например, Бергене, Стокгольме — бюргеры-немцы занимали ведущие позиции.

В политической жизни Скандинавских стран большое значение имели собрания представителей элиты и народа — тинги, херредаги («съезды господ»), а в позднее Средневековье — всеобщие собрания (*allmänt möte*) или риксдаги. Они созывались для принятия важных решений: избрания, утверждения или свержения государя, введения чрезвычайных налогов, разрешения конфликтов.

Отчасти такие собрания были продолжением древних традиций изъявления народной воли. Но, как правило, тинги, херредаги и риксдаги использовались королями, регентами, аристократами, которые, обращаясь к делегатам, добивались выгодных резолюций.

Важнейшим событием позднесредневековой скандинавской истории явилось заключение в 1397 году унии Дании, Швеции и Норвегии. Уния усилила скандинавов, подняла их престиж, позволила успешно противостоять противникам. У унии имелись предпосылки: общность скандинавов, близость

языков и культуры, сотрудничество магнатов, возникновение «скандинавской» знати с владениями по разные стороны границ. Скандинавами был уже накоплен опыт личных уний — шведско-норвежской, норвежско-датской.

Во второй половине XIV в. в условиях ожесточенной внутривластной борьбы часть шведских магнатов провозгласили королем Швеции Альбрехта Мекленбургского (1364–1389), давшего формальные гарантии прав аристократам — уроженцам страны. Однако в дальнейшем усилились противоречия между магнатами и монархом.

Недовольство шведов вызвало то, что король назначал немцев на административные должности. Во второй половине 80-х годов XIV в. в связи со смертью крупного землевладельца и политического лидера Бу Ионссона (Грипа) обострилась борьба за контроль над рядом ленов. В ходе конфликта с королем оппозиционеры взяли курс на союз с Данией и Норвегией, направленный против мекленбургской династии.

К этому времени произошли изменения династического характера. После смерти датского короля Вальдемара IV Аттердага и норвежского монарха Хокона Магнуссона королем Дании и Норвегии был провозглашен малолетний Олаф Хоконссон, сын покойного Хокона Магнуссона и его вдовы, дочери Вальдемара Аттердага — Маргреты.

Несовершеннолетний король, попечительницей которого являлась Маргрета, имел как внук шведского короля Магнуса Эрикссона (1319–1364) серьезные династические права также на шведский престол.

Однако в 1387 г. Олаф Хоконссон умер. Регентшей – полномочной правительницей Дании и Норвегии была провозглашена Маргрета. К ней и обратились за помощью шведские противники Альбрехта Мекленбургского, в 1388 г. также объявившие ее полноправной регентшей, «госпожой» своей страны. В ходе затяжной борьбы с мекленбуржцами фактически сложилась скандинавская уния – союз, юридически закрепленный в 1396 г., когда королем Дании и Швеции был провозглашен внучатый племянник Маргреты – герцог Эрик Померанский, ранее, в 1388 г., ставший также королем Норвегии.

Глава II

Договор об унии

Летом 1397 г. Маргрета и Эрик прибыли в Кальмар, где было созвано собрание государственных советников и других аристократов трех стран. Результатом совещания стало принятие двух документов: акта о коронации Эрика Померанского и соглашения о союзе трех скандинавских государств.

Первый из документов, датированный пятницей после дня святого Кнута (13 июля), записан на пергамене и создан от имени всех шестидесяти семи участников встречи. Акт объявлял о коронации Эрика Померанского на шведский, норвежский и датский престол и о признании его власти над всеми тремя королевствами. За королем, а также за Маргретой, регентшей при новоиспеченном несовершеннолетнем государе, признавалось право распоряжаться замками и ленами (в том числе уже пожалованными), определять условия держания, а также (что было важным нововведением) делать

распоряжения по поводу статуса ленов после смерти суверена.

Маргрете объявлялась благодарность за ее правление и гарантировалась свобода от ответственности за ее политику.

Из акта о коронации Эрика Померанского¹

...Теперь, поскольку Бог и мы, и все жители вышеназванных королевств так поступили и волеизъявили, во всех отношениях, как описано выше, и таким образом во славу Бога признали и провозгласили вышеупомянутого короля Эрика нашим законным государем и коронованным королем этих трех королевств — Дании, Швеции и Норвегии, то все мы, во всех этих трех королевствах, желаем с верностью и любовью оказывать вышеназванному нашему государю все то, что нам подобает оказывать нашему законному государю и коронованному королю; также и он да окажет нам все, что ему подобает оказывать. В отношении же замков, крепостей, земель и ленов и всех подобных вещей, каковы бы они ни были и как

¹ Все переводы источников, цитируемых в книге и приведенных в приложении, выполнены автором книги — А. Д. Щегловым (перевод договора о Кальмарской унии от 1397 г. выполнен в соавторстве с А. Ю. Кузиной под руководством и редакцией автора). Переводы ранее публиковались в книгах: Хроника Энгельбректа. М., 2002; *Олаус Петри*. Шведская хроника. М., 2012; Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007 и в журнале «Средние века».

бы ни назывались, которые вышеназванный наш государь король Эрик и сестра его бабки, наша милостивая госпожа королева Маргарета вверили нам и вверят впредь, мы все, во всех вышеуказанных королевствах, желаем, как при их жизни, так и после их смерти, отплатить той службой, которую они нам вверили и которую вверят впредь, и за которую мы желаем держать ответ перед Богом и людьми. Отныне Бог да воздаст нашей дорогой госпоже королеве Маргарете всяческим добром: она так обращалась с нами во всех этих трех королевствах и так правила этими вышеуказанными королевствами, что все мы, жители указанных трех королевств, ни в чем ее не виним. Бог да уготовит ей Царствие Небесное за то, как она обращалась с нами; мы же от души благодарим ее за все добро. И с Божьей помощью, дабы все вышеперечисленные статьи во имя Бога блюлись дословно, нерушимо и прочно, и для большей сохранности всех этих вышеперечисленных статей мы, все вышепоименованные, сознательно и по доброй воле привесили свои печати к этой грамоте, писанной в Кальмаре от Рождества Господа нашего в тысячный, трехсотый, без половины пятижды двадцатый и в седьмой год, в ту пятницу, которая следовала за днем святого Кнута — короля и мученика.

Второй документ — договор о вечной унии — датирован тем же 1397 годом, но днем святой Маргариты, который по разным календарям выпадал на 13 или на 20 июля².

² В Скандинавских странах днем блаженной Маргариты было 13 июля. Однако возможно, что при

Акт был, таким образом, составлен одновременно с дипломом о коронации, либо неделю спустя. В заключительной части акта перечислены лица, от имени которых он создан: архиепископы Лундский и Уппсальский, епископы Роскильльский и Линчёпингский, пять шведских и четверо датских рыцарей, настоятель кафедрального собора в Осло и три норвежских рыцаря – всего 17 человек. В соглашении говорилось, что документ должен быть скреплен их вислыми печатями. В действительности только десять из перечисленных лиц приложили печати, причем непосредственно под текстом соглашения³. Документ был записан на бумаге.

издании акта имелись в виду немецкие календари, по которым этот праздник выпадал на 20 июля. Историки – сторонники последней датировки – считали, что нелогично обозначать одну и ту же дату – 13 июля – двумя разными способами: как пятницу после дня святого Кнута (акт о коронации) и как день святой Маргариты (договор об унии). В целом вопрос о датировке документа остается дискуссионным.

³ Одна из печатей – частично поверх текста (нижние четыре строки). См. факсимиле рукописи: Svenska skriftprof från Erik den heliges tid till Gustaf III:s // Utg. E. Hildebrand et al. H. I: Medeltiden. Stockholm, 1894. Pl. X. См. также приложение-вкладку монографии: *Christensen A. E. Kalmarunionen og nordisk politik*. Copenhagen, 1980. Существует ряд других репродуктивных изданий источника.

Текст соглашения содержал описки и исправления.

В документе говорилось: он создан в связи с избранием Эрика Померанского королем Дании, Швеции и Норвегии. Король Эрик в течение жизни будет союзным монархом. После его смерти королевствам также надлежит иметь общего суверена; он должен быть избран в каждой из стран. Если у предыдущего монарха имеются сыновья, королем следует избрать одного из них.

Между королевствами заключается союз. Каждая из стран во внутренних делах руководствуется своим правом, а король довольствуется полномочиями, которыми его наделяют законы и обычаи данной страны. Законы одного из королевств не могут применяться в другом.

Страны-участницы унии впредь не должны воевать друг с другом, «но да будут все как одно королевство под одним королем». Они обязаны оказывать друг другу военную помощь и не предоставлять убежище лицам, объявленным в любом из трех королевств вне закона. Король, в каком бы из этих королевств он ни находился, и «те его советники, которые там будут присутствовать, но обязательно по скольку-то от каждого королевства», получают полномочия вести международные переговоры и заключать внешние соглашения от имени всех стран-участниц унии.

Из договора об унии Дании, Швеции и Норвегии

Всем, кто услышит или увидит эту грамоту, как ныне живущим, так и потомкам, да будет известно, что... в названное время и в указанном месте было обсуждено и заключено соглашение о крепком и нерушимом согласии, мире и союзе, с совета и одобрения нашего выше-названного государя короля Эрика и нашей вышеназванной госпожи королевы Маргреты и с истинно единодушного одобрения и согласия всех советников и государственных мужей всех трех королевств было постановлено следующее.

Прежде всего, что отныне указанные три королевства должны иметь означенного короля, а именно короля Эрика, в течение его жизни. Затем эти три королевства навечно должны иметь одного короля, и не более, над всеми тремя королевствами, дабы те, если Богу будет угодно, никогда более не разделялись. Затем, после смерти этого короля, над всеми тремя королевствами должен быть избран и провозглашен один король и не более, и ни одно королевство не должно провозглашать или избирать короля иначе как с полного согласия и единодушного одобрения всех трех королевств...

И все три королевства должны пребывать в согласии и любви, так чтобы одно не отходило от другого из-за каких-нибудь разногласий или раздора, но если одно из этих королевств постигнет война или какое-либо нападение иноземцев, то она должна постигнуть все три, и каждое из них должно прийти на помощь другому со всей преданностью и всеми силами, однако таким образом, чтобы каждое

королевство оставалось в своем законе и праве и король довольствовался тем, что ему надлежит иметь.

Отныне король должен править в своем королевстве Дании замками и крепостями, блюсти законы и отправлять правосудие в соответствии с тем, что там является законами, правом и тем, как следует поступать королю; таким же образом и в Швеции и Норвегии – в соответствии с их законами, правом и тем, как там следует поступать королю; и не должен никакой закон или право одного королевства вводиться в другом, те, которые там ранее не были законом или правом, но пусть король и каждое королевство остаются в своих законах и праве, как было сказано выше и как надлежит тому быть впредь.

Если же случится так, что на какое бы то ни было из этих королевств обрушится война, с каким бы из них это ни произошло, два других королевства, когда король или уполномоченные им должностные лица предпишут, должны со всеми силами и полной преданностью прийти на помощь и защиту этому королевству...

Настоящим вся вражда и распри, которые между королевствами велись долгое время, прекращаются и никогда более не должны возобновляться, и никогда впредь одно королевство не должно воевать с другим или предпринимать что-то, от чего может произойти война или ссора, но да будут все как одно королевство под одним королем, как сказано выше.

Кроме того, в документе регулировался статус владений и ленов Маргреты Датской

во всех трех скандинавских королевствах. Оговоренные в тексте полномочия Маргреты были более ограниченными, чем ее права согласно акту о коронации: за правительницей признавалось лишь право пожизненного распоряжения ленами. В завершающей части документа содержалось обязательство изготовить акты о заключении унии, содержащие перечисленные положения, по два экземпляра для каждого из королевств, выполненные на пергамене и скрепленные печатями короля, правительницы Маргреты, членов государственных советов, а также полноправных торговых городов Дании, Швеции и Норвегии⁴.

Свидетельства о том, что указанные экземпляры были созданы, отсутствуют⁵. Известно

⁴ Norges gamle love. II. Række. 1388–1604 / Utg. A. Taranger. Christiania, 1912. Bd. I. (Далее: NGL. R. II. Bd. I). S. 31–37.

⁵ Существует ряд источников XV–XVI веков, содержащих ссылки на документы, которые могли являться копиями союзного договора 1397 г. Одним из документов, в которых присутствует подобная информация, является представление членов норвежского Государственного совета датскому королю Кристиану II от 1513 г. Авторы документа ссылаются на то, что на встрече в Кальмаре уполномоченные от Государственных советов трех королевств заключили соглашение о вечной унии под властью одного монарха; в связи с этим королем был избран Эрик Померанский, о чем

другое: в 1425 г. в Дании по повелению короля Эрика была изготовлена нотариальная копия договора. В акте освидетельствования указывалось: оригинал, написанный на бумаге, не имеет повреждений. На соглашении сохранились три печати: архиепископов Якоба и Хенрика, а также рыцаря Стена Бенгтссона. Из остальных печатей, ввиду их древности или по другим причинам (*propter vetustatem aut alias*), некоторые частично повреждены, некоторые полностью уничтожены⁶. Таким образом, из нотариального акта следует: на момент освидетельствования договор имел по существу тот же вид, что и сегодня. При этом весьма вероятно, что большинство печатей, которыми скреплено соглашение, по

свидетельствует соглашение, заключенное в Кальмаре. Копии этого соглашения, говорится далее, имеются в Норвегии «в древних регистрах» (здесь: книгах копий, снимаемых с документов). Однако позднейшие ссылки на указанные дубликаты отсутствуют. Из указанного источника нельзя с уверенностью предположить, что речь идет о тексте союзного договора, а не акта о коронации. Существует и версия, выдвинутая У. Рюдбергом, о том, что в данном случае за союзный договор был ошибочно принят более поздний проект соглашения о возобновлении унии от 1436 г. — ошибка, которую несколько позже совершил Олаус Петри. Не исключено также, что речь в данном случае шла о копиях, снятых с оригинала соглашения между 1397 и 1425 г.

⁶ NGL. R. II. Bd. I. S. 36.

каким-то соображениям были повреждены намеренно.

Кальмарская уния и обстоятельства ее заключения начали привлекать внимание историков уже в XVI в. Первым автором, который в историческом сочинении указал, что на встрече в Кальмаре было заключено соглашение об унии, стал шведский реформатор, богослов и хронист Олаус Петри. Однако, не имея возможности ознакомиться с подлинным текстом договора, он принял за такой более поздний проект нового шведско-датско-норвежского соглашения от 1436 г. Этой ошибкой были обусловлены неточности, допущенные Олаусом Петри при интерпретации содержания и изложении условий унии⁷. Новая стадия в изучении унии наступила на рубеже XVI–XVII веков, когда выдающийся датский историк того времени Арильд Витфельд обнаружил единственный текст союзного договора и опубликовал его в своей хронике⁸.

⁷ См., в частности: *Petri Olaus. Samlade skrifter. Uppsala, 1914. Bd. IV. S. 142–143.* Ср.: *Westin G. T. Historieskrivaren Olaus Petri: Svenska Krönikans källor och krönikeförfattarens metod. Lund, 1946. S. 232–233; Christensen A. E. Kalmarunionen og nordisk politik. S. 138.*

⁸ *Huitfeldt A. Danmarks Riges Krønike. Chronologia. P. III. København, 1977 (пер. изд. 1603 г.). S. 135–144.*

Витфельд и несколько последующих исследователей договора не сомневались, что речь идет об официальном акте. Однако с конца XVIII в. ученые стали обращать внимание на странные особенности документа⁹. Повод для сомнений дало содержание договора. Из шестидесяти семи аристократов, что присутствовали на съезде в Кальмаре, в качестве учредителей унии указаны только семнадцать. Нет сведений, что указанные семнадцать человек были наделены соответствующими полномочиями. Отсутствуют данные о выполнении обязательства изготовить по два экземпляра договора для каждого из королевств. На этом основании ученые предположили, что дошедший до нас текст соглашения носил предварительный характер и не был ратифицирован странами – участницами унии.

Начиная с трудов датского специалиста К. Палудан-Мюллера (40-е годы XIX в.) объектом анализа стала форма акта: употреблена бумага, а не пергамен; печати поставлены прямо под текстом¹⁰; из семнадцати участ-

⁹ О раннем этапе изучения документа см.: *Lönneroth E. Sverige och Kalmarunionen 1397–1457*. Göteborg, 1934; *Weilbull L. Unionsmotet i Kalmar // Idem. Stockholms blodbad och andra kritiska undersökningar*. Stockholm, 1965. S. 90–119.

¹⁰ Ряд авторов считали эти обстоятельства доказательством неофициального характера доку-

ников соглашения печати приложили только десять, хотя согласно договору должны присутствовать все семнадцать печатей. Палудан-Мюллер предположил, что документ представлял собой протокол о намерениях, созданный скандинавскими магнатами и записанный по их указанию. Он не устроил Маргрету и не был ратифицирован.

С тем, что Кальмарский документ – предварительный протокол, соглашался и другой специалист – К. Эрслев. С иной концепцией выступил в 80-е годы XIX в. шведский ученый У. С. Рюдберг¹¹. Он подверг анализу поставленные под документом печати. Итог был таков: гарантами договора выступили семь шведов и три датчанина; норвежских печатей под документом нет. Рюдберг

мента. В Скандинавских странах бумага в рассматриваемую эпоху иногда употреблялась в качестве официального писчего материала, однако договор подобного уровня было бы гораздо более уместно записать на пергамене. Редким являлся также способ скрепления документа печатями. Если к пергаменным дипломам печати привешивались, то в отношении актов, материалом для которых служила бумага, было принято ставить печати на их оборотной стороне. См.: *Sandström J. Vad beslöt Kalmarmötet 1397 // Historisk tidskrift. Stockholm, 1931. S. 51, 58–77).*

¹¹ См.: *Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar / Utg. O. S. Rydberg. Stockholm, 1883. B. II. S. 567–585.*

пришел к выводу: Кальмарское соглашение являлось не проектом или предварительным протоколом, а проработанным документом. Перечисленные в нем 17 человек, очевидно, являлись авторитетными участниками встречи, уполномоченными подписать союзный договор. Но этот договор не вступил в силу, поскольку в полном составе поставили печати представители только одной из стран – Швеции, а из шести датчан это сделали лишь трое. Главным обстоятельством, которое привело к срыву соглашения, стал отказ норвежцев присоединиться к договору, после чего уже не было смысла создавать шесть официальных экземпляров.

Так обозначились контуры научной полемики вокруг документа. Чем являлось Кальмарское соглашение – официальным актом, промежуточным проектом или предварительным протоколом?

Поиски ответа были связаны с палеографическим исследованием памятника. Уже ученые XIX века – К. Эрслев и А. Тарангер заметили исправление в заключительной части документа, где говорится об изготовлении шести подлежащих ратификации экземпляров¹². В 20-е годы XX в. исправление расшифровал шведский историк Г. Карлссон. Содержащиеся в тексте слова *oc at breff*

¹² См. коммент. А. Тарангера к изданному им тексту договора: NGL II: I. S. 35.

sculae (и что грамоты будут...), как оказалось, написаны вместо изначального *tha hafue wi* — подлежащего «мы» с частью сказуемого, указывающего на совершение какого-то действия — скорее всего, официального утверждения акта.

Открытие стимулировало новые идеи. Г. Карлссон развил следующую теорию. Акт 1397 года являлся официальным документом. Однако изначальное это был не договор об унии, а протокол встречи скандинавских магнатов. Достигнутое соглашение, вероятно, носило устный характер. Протокол записан от имени семнадцати уважаемых и знатных участников встречи. После слов *tha hafue wi* должен был, очевидно, следовать список этих лиц. Однако, когда участники встречи работали над документом, обострилась международная обстановка, и авторы соглашения решили заручиться поддержкой государственных советов и торговых городов трех стран.

Карлссон считал: указанное решение, возможно, было вызвано известием о прибытии флота Мекленбургского герцогства, которое продолжало боевые действия. После окончательной победы над сторонниками Альбрехта Мекленбургского ратификация стала ненужной. Впоследствии соглашение рассматривалось современниками как имеющее силу; протокол встречи расценивался как официальный документ, и к нему апеллировали при

решении спорных вопросов. Что касается печатей, то для всех семнадцати, по мнению Карлссона, не хватило места: печати стоят плотно друг к другу, одна из них даже частично закрывает текст¹³.

С других позиций рассматривал документ современник Г. Карлссона — Л. Вейбулль. Анализируя форму акта, он сделал вывод: акт является проектом договора, но не трехстороннего, а двустороннего — между скандинавскими аристократами и правительницей Маргретой. Разногласия двух сторон привели к тому, что соглашение не было утверждено¹⁴.

Концепция Вейбулля, с интересом встреченная историками, все же не безупречна. Подчеркнутые Вейбуллем особенности документа, такие, как отсутствие обращения к Богу (*invocatio*) характерны не только для скандинавских международных договоров, но и вообще для множества документов на скандинавских языках. Перечисление пунктов резолюции, которое Вейбулль также считал чертой договоров, характерно и для

¹³ См. *Carlsson G. Kalmarunionen. Till frågan om rättsgiltigheten av 1397 års unionsavtal // Historisk Tidskrift Stockholm, 1931. Bd. 15. S. 405–481.*

¹⁴ *Weilbull L. 1397 års unionsbrev och dess rättsgiltighet // Scandia. Stockholm; København; Oslo, 1931. Bd. 4. S. 115–142. Ср.: Idem. Unionsmötet i Kalmar.*

актов других типов — статуты, открытых писем.

Важно и то, что в договоре Маргрета не значится в качестве контрагента скандинавских магнатов (как то считал Вейбуль), а указана как гарант соглашения; регулируются ее права, а также полномочия монарха; но ни правительница, ни король не являются договаривающимися субъектами.

Еще один специалист — Ю. Сандстрём осуществил сравнительный анализ документов, созданных на встрече в Кальмаре, выявив общие моменты и различия. В первом документе речь идет о временной унии, а в союзном договоре — о вечной. Акт о коронации предоставлял Маргрете и Эрику Померанскому значительно большие права в отношении замковых ленов, чем соглашение об унии.

Сандстрём предложил объяснение: акт о вечной унии являлся проектом, который был отвергнут. Вместо него было принято постановление о временной унии под властью Эрика Померанского. Однако союзный королевский режим, интересы которого таким образом были ущемлены, получил своеобразную компенсацию в виде более широких прав на замковые лены¹⁵.

Значительное влияние на исследования Кальмарской унии оказала концепция

¹⁵ *Sandström J. Op. cit. S. 61–65.*

Э. Лённрута¹⁶. В основополагающих документах Кальмарской унии, по мнению Лённрута, отразилась разница между двумя программами: монархической, проводимой в жизнь датским режимом, и конституционной, выражавшей интересы шведских магнатов. Если в документе о коронации подчеркивалось, что Эрик Померанский является общескандинавским королем «Божьей милостью» (*aff Gudz nadhe*), «во имя Бога» (*j Gudz nafn*), то в соглашении об унии не говорилось, что союзная власть общескандинавского монарха — от Бога. Напротив, акцентировалось, что король избран (*valder*). Его полномочия делегированы снизу, сословными группами стран-участниц соглашения, и прежде всего аристократией каждого из королевств. В связи с этим власть короля ограничена законодательством.

Подобная программа, считал Лённрут, не устраивала Маргрету, целью которой была сильная скандинавская монархия с наследственной властью датского короля. Отсюда, по мнению Лённрута и его последователей, с неизбежностью следовал провал соглашения; программные расхождения между шведской аристократией и датскими правителями унии обусловили дальнейшую борьбу между

¹⁶ *Löhnroth E. Sverige och Kalmarunionen. Cp.: Idem. Mötet i Kalmar 1397 // Unionsdrottningen. Margareta I och Kalmarunionen. Köpenhamn, 1996. S. 33–41.*

ними в период существования тройственного союза.

Последующие исследователи продолжали попытки взглянуть на союзное соглашение под новым углом, в то же время опираясь на достижения предшественников. Шведский специалист С. У. Пальме проанализировал условия межскандинавского договора в контексте вассально-ленных отношений в скандинавских странах¹⁷.

По мнению Пальме, при заключении соглашений 1397 г. ключевым являлся вопрос о распределении замковых ленов, а также о правах распоряжения и условиях обладания ими¹⁸. В ходе переговоров был затронут вопрос о владениях и ленах Маргреты; договор 1397 г. ограничил полномочия Маргреты, предоставляя ей лишь пожизненные гарантии.

Датский исследователь А. Э. Кристенсен полагал: на характере союза сказалась позиция аристократов Дании. Во многом их интересы совпадали с интересами королевской власти. Однако усиление монарха в то же время представляло угрозу для их прав и свобод, ресурсов, военного и политического

¹⁷ *Palme S.-U.* Till den statsrättsliga tolkningen av 1397 ars acta // *Scandia: Stockholm et al.*, 1951. Bd. 20.

¹⁸ Ср.: *Palme S.-U.* Sten Sture den äldre. Stockholm, 1950.

могущества. Поэтому в ряде ключевых моментов истории датские магнаты, выступая за ограничения власти союзного монарха, проявляли солидарность со шведскими аристократами: сословные интересы возобладали над государственными¹⁹.

Характерные особенности имела интерпретация проблемы специалистами Норвегии. Они разделяли мнение, что роковую роль на кальмарских переговорах сыграли норвежские участники. Норвежская делегация в Кальмаре была значительно менее представительной, чем шведская и датская. Отсутствовали архиепископ и епископы; для Норвегии – страны, где борьба прелатов за участие церкви в государственных делах имела давние традиции, такое положение было неприемлемо²⁰.

В норвежской делегации, в отличие от датской и шведской, отсутствовал канцлер королевства, что также, вероятно, затрудняло заключение союзных соглашений. Возможно, присутствовавшие на кальмарской встрече

¹⁹ *Christensen A. E. Erik af Pommerens danske kongemagt // Scandia. Stockholm et al., 1951. Bd. 21. S. 44–60.* Относительно противоречий между датской аристократией и королевской властью в эпоху унии см. также: *Olesen J. E. Rigsråd, kongemagt, union. 1434–1449. Århus, 1980.*

²⁰ Ср., например: *Helle K. Norge blir en stat. 1130–1319. Oslo, 1993.*

норвежцы не имели полномочий заключать подобные соглашения. Наконец, для Норвегии, которая, в отличие от Дании и Швеции, на тот момент являлась наследственной монархией, принятие условий унии было чревато серьезными политико-правовыми изменениями.

На основании этих фактов и умозаключений был сделан следующий вывод. Участники встречи в Кальмаре заключили предварительное соглашение. Текст был отправлен в Норвегию, чтобы государственные мужи и прелаты этой страны могли с ним ознакомиться. Норвежцы, очевидно, сочли условия неприемлемыми: уния, по словам классика норвежской историографии Х. Кута, «была похоронена в Норвегии»²¹.

Исследователи конца XIX – середины XX в. опирались на вывод У. С. Рюдберга о том, что под текстом Кальмарского соглашения нет норвежских печатей. Однако в 1960 г. была опубликована работа Н. Скъюм-Нильсена, обнаружившего в штудиях Рюдберга недочеты. Анализ Скъюм-Нильсена показал: одна из поврежденных печатей могла принадлежать норвежскому делегату²². В связи с этим

²¹ *Koht H. Dronning Margareta og Kalmarunionen. Oslo, 1956. S. 73–104.*

²² *Skyum-Nielsen N. Ett vetenskapligt falsum i debatten om Kalmarunionen // Scandia. Stockholm et al., 1960. Bd. 26. S. 1–40.*

ряд исследователей пересмотрели свои концепции: отказ норвежцев присоединиться к соглашению уже не расценивался как очевидный факт.

Несколько ранее, в 50-е годы XX в., получила известность гипотеза, сформулированная Г. Карлссоном и А. Мулином: указанные в тексте соглашения шесть экземпляров были созданы, но впоследствии уничтожены²³. С критикой выступил Э. Лённрут: источники, на которые опирались авторы версии, не располагают к однозначному толкованию; нелогичным являлось изготовление в 1425 г. нотариальной копии записанного на бумаге текста, если были известны официальные, изготовленные на пергамене экземпляры договора²⁴.

Лённрут подверг критике и ряд других историографических версий, прежде всего — теорию о ключевой роли норвежцев, основанную на труднодоказуемых гипотезах и преувеличивающую роль Норвегии в средневековых отношениях скандинавских стран. Лённрут призвал исследователей к историзму, отказу от сугубо источниковедческого подхода к изучению Кальмарской унии,

²³ Ср.: *Carlsson G. På tröskeln till Kalmarunionen // Historisk tidskrift. Stockholm, 1964. Bd. 3. S. 264–269.*

²⁴ *Lönnroth E. Unionsdokumenten i Kalmar 1397 // Scandia. Stockholm et al., 1958. Bd. 24. S. 32–67.*

отметил, что ее было бы полезно сравнить с другими униями²⁵.

Последующие историки обобщили накопленный опыт²⁶. С современных позиций, но во многом опираясь на предшествующие работы, договор об унии проанализировал А. Э. Кристенсен²⁷. Его интерпретация такова. Известно, что в 1396 г., за год до кальмарской встречи, в качестве темы будущих переговоров обсуждалось заключение договора, содержащего обязательства не вести друг с другом войну и не проводить внешнюю политику, ущемляющую интересы какого-либо из трех королевств.

Однако на переговорах 1397 г. был поднят и вопрос о вечном политическом союзе. Разногласия по этому поводу оказались, очевидно, велики; полноценного договора заключено не было. Были созданы своего рода протокол встречи и акт о коронации. Результатом стало создание скандинавской монархии под властью датского режима, что и было целью Маргреты.

²⁵ См. в этой связи: *Сванидзе А. А.* Эпоха уний в Северной Европе. С. 91.

²⁶ *Rosén J.* Svensk historia // Carlsson S., Rosén J. Stockholm, 1962. В. I. S. 225–238; *Enemark P.* Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad. København, 1979; *Sjödell U.* Historiker inför Kalmarunionen. Lund, 1981.

²⁷ *Christensen A. E.* Kalmarunionen og nordisk politik. S. 166–171.

В то же время документ об унии рассматривался как имеющий реальное политическое значение — об этом свидетельствует хранение в королевской канцелярии среди особо важных актов²⁸. Исправление, внесенное в документ, несомненно, свидетельствует, что участники переговоров не взяли на себя ответственность за принятие акта, имевшего юридическую силу.

Ратификация государственными советами и торговыми городами трех королевств, о которой говорится в окончательном варианте документа, по каким-то причинам не состоялась. Тем не менее документ, оказавшийся, таким образом, неутвержденным проектом, был скреплен печатями части участников переговоров.

В том, чтобы Кальмарское соглашение было признано документом, имеющим реальную силу, были, по Кристенсену, в первую очередь заинтересованы правители Дании. Маргрете, а впоследствии и Эрику Поморанскому документ был необходим — как единственный акт о вечном, а не временном, скандинавском союзе, как основание для шведской и норвежской военной помощи и как гарантия того, что противники Маргреты или Эрика не получают убежища в Швеции или Норвегии.

²⁸ Ibid. S. 168.

Не в последнюю очередь союзный договор был нужен датским правителям унии как основание и доказательство престижа их монархии, в частности в свете переговоров о династических браках Эрика Померанского и его сестры с наследниками английского престола²⁹.

Таковы основные концепции и тезисы относительно союзного договора 1397 г. Как можно убедиться, с формальной точки зрения заключенный (или планируемый) союз представлял собой нечто среднее между конфедерацией и унитарной монархией. Одним из основополагающих принципов являлось то, что каждое государство управляется по своим законам и обычаям, которые союзный монарх не имеет права изменять или нарушать.

В то же время уже одно требование проводить общую внешнюю политику делало союз чем-то большим, чем конфедерация. Обязательство избирать единого монарха из числа наследников по мужской линии подразумевало унификацию трех политических систем, которые на момент принятия документа об унии являлись различными.

Наконец, важным являлся принцип, согласно которому скандинавские государства

²⁹ Планы были частично реализованы: Эрик Померанский вступил в брак с принцессой Филиппой, дочерью английского короля Генриха IV.

должны быть «едины, словно одно королевство». При всей неопределенности конкретного содержания, эта формула недвусмысленно указывала на политическое единство стран – участниц унии.

Вопрос об осмыслении Кальмарской унии современниками, на первый взгляд, не вызывает трудностей. В историографии XX века даже такие непримиримые противники, как Л. Вейбуль и Г. Карлссон, соглашались: уния в глазах современников была реалией. Известно, что на нормы союзного договора ссылались на переговорах с датчанами в середине 30-х годов XV в. шведские оппозиционеры Эрика Померанского³⁰.

Вместе с тем, отношение современников к документу было противоречивым. Многие письменные памятники скандинавских стран XIV–XV вв., повествующие о событиях 80–90-х годов XIV в., содержат сведения об избрании Эрика Померанского королем Швеции, Дании, Норвегии, а также о коронации в Кальмаре. Однако относительно вечного союза анналы и хроники молчат – при том, что по крайней мере некоторые из авторов были осведомленными людьми, имевшими

³⁰ См. например: *Sveriges traklater med främmande makter* / Utg. O. S. Rydberg. Stockholm, 1895. B. III. S. 167. Ср.: *Engelbrektskrönikan / Redigering, inledning och kommentar* S. B. Jansson. Stockholm, 1994. S. 89.

личные связи с церковными и светскими аристократами, в том числе с участниками переговоров 1397 года³¹. Очевидно, что содержание договора и факт его заключения либо не афишировались, либо демонстративно игнорировались.

Многое в истории акта об унии 1397 г. останется тайной. При отсутствии сведений о ходе переговоров суждения историков носят гипотетический характер. До нас дошел результат: на Кальмарской встрече обсуждались и были приняты два документа. Первый — акт о коронации — проработан,

³¹ *Islandske Annaler indtil 1578* / Utg. G. Storm. Christiania, 1888. S. 283, 366, 418, 490; *Annales suecici medii aevi* / Svensk medeltidsannalistik kommenterad och utgiven av G. Paulsson. Lund, 1974. S. 288, 301, 308–310, 340–341, 349–350, 397–398; *Vadstenadiariet. Latinsk text med översättning och kommentar* / Utg. C. Gejrot. Stockholm, 1996. S. 64. *Olai Ericus. Chronica regni gothorum: Textkritische Ausgabe* von E. Heuman und J. Öberg. Stockholm, 1993. S. 147–148; *Småstycken på fornsvenska* / Saml. G. E. Klemming. Stockholm, 1881. S. 238–239; *Scriptores rerum svecicarum medii aevii. T. I: Sectio prior* / Ed. E. M. Fant. Uppsala, 1818. P. 259; *Engelbrektskrönikan* / Redigering, inledning och kommentar S. B. Jansson. Stockholm, 1994. S. 27–30. Ср.: *Axelson S. Sverige i utländsk annalistik, 900–1400*. Stockholm, 1955. S. 282–283; *Idem. Sverige i dansk annalistik, 900–1400*. Stockholm, 1956; *Christensen A. E. Kalmarunionen og nordisk politik*. S. 138.

утвержден и надлежащим образом оформлен. Второму документу – договору об унии – придан своего рода полуофициальный характер.

Не исключено, что акт изготовлен намеренно небрежно – возможно, для того чтобы впоследствии его было проще пересмотреть, аннулировать или выйти из соглашения в одностороннем порядке. Вполне вероятно, что мы имеем дело с намеренным принятием документов, различных по своей фактической силе.

Подобная тактика соответствовала стилю правления Маргреты, которая предпочитала неформальные действия официальным постановлениям. В этой связи она подчас прибегала к бумаге, как к менее обязывающему писчому материалу³². Известно, что в 1405 году, инструктируя Эрика Померанского перед поездкой в Норвегию, Маргрета советовала не изготавливать скрепленных печатями документов, особенно – актов на пергамене с вислыми печатями, дабы не связывать себя³³.

Что касается Кальмарской встречи 1397 г., то у нее в формальном отношении было два

³² *Linton M.* Drottning Margareta. Fullmäktig fru och rätt husbonde. Göteborg, 1971.

³³ *Schück H.* Drottning Margareta och Norges och Sveriges statsakter / Nordiska historikermötet // Historiallinen arkisto. Helsingfors, 1968. 63. S. 33–42.

Договор об унии

результата: надлежащим образом оформленная, всеми признанная личная уния под властью Эрика Померанского и юридически спорная, мало афишируемая, многими явно не признанная бессрочная уния. Реальным итогом стала фактическая уния, для которой были характерны центростремительные и центробежные тенденции, взаимные интересы и противоречия.

Глава III

Первые правители унии

Историки разных стран и эпох давали различные оценки первой правительнице унии – Маргрете. Датские хронисты Средневековья и раннего Нового времени восхваляли Маргрету за мудрость. Иначе оценивали ее шведские хронисты. Автор «Хроники Энгельбректа» обличал Маргрету: она старалась для иноземцев:

Как только страной завладела она,
Шведы горя хлебнули сполна.
Замки, земли – все иноземцам досталось,
А шведам совсем ничего не досталось³⁴.

Недовольство нашло выражение и в других шведских источниках позднего Средневековья. Вадстенский диарий (хроника монахов-биргиттинцев) сообщает: Маргрета наводнила Швецию датчанами – и немцы показались ангелами³⁵. Хронист Эрикус Олаи

³⁴ Хроника Энгельбректа. С. 5.

³⁵ Буквально: «и немцы были причислены к лику блаженных» (*et alemanni sunt beatificati*).

(XV в.) описал бедствия в правление Маргреты: правительница разоряла Швецию; замки достались иноземцам; шведов заставили платить непомерные налоги, которые вывозились в Данию. Отрицательное отношение к политике Маргреты разделяли и шведские хронисты XVI века, в частности Олаус Петри:

И шведов постигла та же участь, что и при короле Альбрехте: ими пренебрегали, иноземцам жаловали замки и лены... В конце концов, Швеция от длительных войн и от незаконных податей полностью разорилась³⁶.

Разница взглядов шведских и датских историографов на Маргрету сохранилась до XVIII века, когда у скандинавской интеллигенции обрела популярность идея единства скандинавских народов. Датчанин Людвиг Хольберг и швед Свен Лагербринг одобряли политику Маргреты: эта правительница добивалась единства скандинавских стран — блага для народов Дании, Швеции и Норвегии.

По-иному трактовали образ Маргреты (и унию как таковую) либеральные шведские и норвежские историки XIX века. По их мнению, бонды Швеции и Норвегии в эпоху унии являлись носителями прогрессивного начала, боролись за независимость; аристократы предали народ и вступили в сговор с датским режимом.

³⁶ Олаус Петри. Шведская хроника. С. 114–115.

Более объективную оценку дали историки XX века: целью Маргреты являлось усиление королевской власти — во многом за счет ослабления аристократии. Были подвергнуты критике и миф о Маргрете как благодетельнице народов, и представления о ней как жестокой угнетательнице шведов и норвежцев. Маргрета предстала волевым человеком, расчетливым прагматиком.

Чтобы пополнить казну, Маргрета вводила новые налоги. Они выразительно описаны Олаусом Петри:

Она учредила похвостный налог: бондам надлежало теперь платить налог со всей скотины, с каждого хвоста. Она постановила, что каждый бонд — владелец собственного очага — должен уплатить одну марку. И это не говоря уже о «марке королевы» и многих других повинностях и поборах, которые она наложила на страну.³⁷

Налогам дело не ограничилось. Маргрета провела редукцию тягловых земель, ранее перешедших к светским магнатам и церкви. Мера вызвала недовольство; особенно обострились отношения Маргреты с Вадстенским монастырем, которому пришлось расстаться с частью угодий.

Весьма последовательной являлась административная политика Маргреты. Ни в Дании, ни в Швеции, ни в Норвегии она не

³⁷ Олаус Петри. Шведская хроника. С. 114.

назначала дротса и марска – помощников и заместителей короля. Ни в одном из трех королевств она не созывала собрания местных магнатов; в то же время она не раз собирала аристократов всех трех стран на совещания в Дании.

Замковые лены, которые при Альбрехте Мекленбургском стали залоговыми, вновь обрели статус административных. Управляющими в Швеции и Норвегии нередко становились датчане – ставленники Маргреты. Подчас замки передавались немцам, переселившимся в Скандинавские страны.

Своих ставленников Маргрета навязывала и клиру при назначении на церковные должности. Такие духовные лица, обязанные выдвижением правительнице, становились ее политической опорой, а также вносили значительный вклад в казну, идя навстречу фискальным требованиям Маргреты.

Подобная политика ещё более усилилась при Эрике Померанском, который стал самостоятельно править в 1412 году, после смерти Маргреты. Это вызвало недовольство шведских магнатов. Причиной особого возмущения было то, что король Эрик раздавал ключевые, экономически и стратегически важные замковые лены иностранцам, нередко – «выскачкам», авантюристам, подчас темного происхождения, делавшим при датском монархе головокружительные карьеры.

Возмущение местной аристократии вызвало и то, что Эрик заставил ленников признать переход замков и ленов в случае смерти короля бездетным, под юрисдикцию его кузена герцога Бугислава Померанского – мера, фактически грозившая превращением Швеции в вассала померанских герцогов.

В свою очередь, политика короля в отношении церкви привела к конфликту со шведскими прелатами. Причиной были попытки Эрика Померанского возводить на архиепископский престол и вакантные епископские кафедры угодных кандидатов. В этих условиях частные столкновения церкви и короля переросли в борьбу духовенства под лозунгом «свободы церкви» – независимости духовенства от светской власти.

Недовольство различных слоев общества вызвала фискальная политика Эрика Померанского, элементом которой была коммутация (перевод в денежную форму) государственных налогов, в условиях значительного обесценивания денег особенно тяжело отразившаяся на положении податного крестьянства, налоги с которого взимались «хорошей» монетой или натуральными продуктами в пересчете на деньги по невыгодным для крестьян расценкам³⁸.

³⁸ Подробно об этом см. *Сванидзе А. А. Средневековый город. С. 296–297.*

Неблагоприятной для Швеции была финансовая политика короля, наводнившего рынок монетой с неполноценным содержанием серебра, а в 1422 г. пустившего в обращение медную монету по номиналу серебряной (т. н. «черные деньги»).

Обострению отношений между шведскими сословиями и Эриком Померанским способствовала внешняя политика короля. Длительные войны с Голштинией из-за Шлезвиг, в которых должны были участвовать шведские фрельсисманы (не имевшие в этих войнах собственных интересов), ложились всей тяжестью на народ, вынужденный платить огромные поборы.

Еще более усилил противоречия конфликт Дании с Ганзой. Он нанес удар по экономике Швеции и негативно отразился на хозяйстве горнорудного района — Бергслагена, чье население почти полностью зависело от экспорта металлургической продукции, который контролировали ганзейцы.

Все же в 20-е — 30-е годы XV века между королем и шведским фрельсе — как светским, так и духовным — поддерживался диалог, имели место компромиссы. Но в феврале 1432 г., после смерти архиепископа Иоханнеса Хакуини (Йенса Хоконсона) начался конфликт, в ходе которого капитул выдвинул требование о свободе выбора архиепископа, без вмешательства короля.

Вместо угодного Эрику Померанскому кандидата (впоследствии – известного шведского поэта – стренгнесского епископа Томаса) неожиданно, без уведомления короля, капитул единогласно избрал архиепископом настоятеля уппсальского кафедрального собора Олауса Лаврентии (Улофа Лауренссона) – кандидата, не пользовавшегося доверием монарха.

Новоизбранный архиепископ отправился в Рим, чтобы получить конфирмацию от папы. Только спустя три дня после его отъезда капитул в категорической форме известил короля об избрании архиепископа³⁹. В результате в Швеции оказалось два претендента на уппсальский престол: избранный шведами Олаус Лаврентии и ставленник короля датчанин Аренд Клемитссон, которого после его смерти сменил другой угодный королю кандидат – норвежец Торлейф Олафссон.

Очевидно, что действия уппсальского капитула носили характер вызова. Поэтому трудно принять мнение А. Э. Кристенсена, что конфликт изначально носил «исключительно церковно-политический характер» и лишь впоследствии перерос в крупномасштабное

³⁹ Akter rörande ärkebiskopsvalet i Uppsala 1432 // Utg. A. Lindblom. Uppsala, 1903 (далее Akter...) S. 1–4. Cp. Lönnroth E. Op. cit. S. 93–95; Christensen A. E. Op. cit. S. 200–203.

политическое столкновение⁴⁰. Хотя капитул отстаивал традиционное требование свободы церкви, можно предположить, что в данном случае имел место политический заговор духовных и светских аристократов, которые стремились ослабить позиции Эрика Померанского и усилить собственное могущество.

Между королем и уппсальским капитулом началась полемика, получившая огласку. Капитул поначалу признавал за королем право определять кандидата в архиепископы. Однако затем члены капитула заявили, что выборы архиепископа являются их правом и обязанностью⁴¹.

В дальнейшем спор перешел в политическую плоскость: Эрик Померанский пытался обосновать вмешательство в дела церкви, ссылаясь на обычай, а также на то, что епископы являются членами риксрода, а архиепископ — первым советником короля и главой государства в отсутствие монарха. Поэтому, заявлял король, кандидат, чья

⁴⁰ *Christensen A. E. Op. cit. S. 203.*

⁴¹ Akter... S. 8–9. Указанное противоречие, по мнению Э. Лённрута, свидетельствует о том, что конфликт был не частным столкновением по политико-юридическим вопросам, поскольку поначалу правовая тема в полемике не фигурировала: стороны признавали соответственно формальные и обычные права друг друга. Таким образом, изначально это было политическое противостояние.

деятельность заведомо направлена против суверена, непригоден для архиепископского престола⁴².

Капитул возразил: заместителем короля в Швеции является не архиепископ, а дротс, должность которого является вакантной. Оппозиционное духовенство выдвинуло встречные обвинения: король, принося присягу, поклялся следовать законам и обычаям страны, назначать советниками со стороны Швеции только шведов, а также уважать права церкви, к которым относится право на свободные выборы архиепископа. Конфликт получил международную огласку. Эрика Померанского поддержали несколько европейских государей и коллегия кардиналов; однако папа в сентябре 1433 г. утвердил на архиепископском престоле Олауса Лаврентии. В результате того, что одновременно с этим король возвел на уппсальский престол Аренда Клемитссона, борьба еще более обострилась⁴³.

Новая стадия конфликта последовала за смертью Аренда Клемитссона (начало 1434 г.), на место которого король послал настоятеля бергенского кафедрального собора Торлейфа Олофссона, поручив принять архиепископские полномочия. В Швецию этот ставленник Эрика Померанского привез

⁴² Akter... S. 27–29, 30–34.

⁴³ Ibid. S. 88–91, 102–104, 108–109 и др.

послание короля, в котором тот требовал подчинения своим приказам.

Это дало мятежному капитулу повод объявить: правление Эрика Померанского противоречит шведским законам. В этой ситуации мятежные прелаты по существу выступили вдохновителями вооруженного сопротивления аристократии королю под лозунгом защиты «свободы родины и церкви» (*libertas patriae pariterque ecclesiae*)⁴⁴.

Решительное противодействие капитула королю вряд ли можно трактовать только как следствие частного конфликта из-за назначения архиепископа. Еще Э. Лённрут дал убедительное объяснение: прелаты стремились к независимости от светской власти и желали оградить от посягательств церковные финансы, дабы ими распоряжался не ставленник монарха, а человек из их круга, способный противостоять Эрику Померанскому и отстаивать интересы капитула и духовенства в целом⁴⁵. Весьма вероятно, что конфликт из-

⁴⁴ Ср.: *Christensen E. A. Op. cit. S. 203*. См. также: *Söderlind N. Striden om Uppsala ärkebiskopsstol åren 1432–1435 // Kyrkohistorisk årsskrift. Uppsala, Stockholm, 1932. Bd. 32. S. 1–104*. Высказывалось также мнение, что указанный конфликт стал первым шагом на пути к выходу Швеции из унии: *Westman K.-B. Reformationens genombrottsår i Sverige. Stockholm, Uppsala, 1918. S. 54*.

⁴⁵ *Lönnroth E. Op. cit. S. 95–96*.

за выборов архиепископа являлся не столько причиной, сколько поводом для столкновения духовных и светских аристократов Верхней Швеции с королем. Именно упландская знать, как известно из источников, первой выступила на стороне Энгельбректа и составила радикальное крыло оппозиционной аристократии⁴⁶.

Также показательно, что летом 1434 г., в день св. Иоанна, шведские прелаты официально пригласили архиепископа Улофа Лауренссона вернуться в Швецию из изгнания и с оружием в руках отстаивать право на архиепископский престол⁴⁷.

Таким образом, к началу 1430-х гг. сложился комплекс противоречий между режимом Эрика Померанского и различными группами населения Швеции. Результатом обострения противоречий было восстание 1434–1436 годов, возглавленное незнатным фрельсисманом, сыном горного мастера Энгельбректом Энгельбректссоном.

⁴⁶ Кроме того, в ходе конфликта имело место сотрудничество Уппсальского капитула с бургомистрами и членами городского совета Уппсалы, которые, по существу, поддерживали мятежных прелатов (Akter... S. 48–49).

⁴⁷ Akter... S. 123–124.

Глава IV

Восстание Энгельбректа

Восстание 1434–1436 годов под руководством Энгельбректа Энгельбректссона всколыхнуло современников и оставило след в истории. Оно сыграло важную роль в формировании политических традиций средневековой Швеции, а в Новое время стало символом борьбы за права и свободы. Для специалистов в Швеции и за ее пределами восстание Энгельбректа стало своего рода зеркалом особенностей и ключевых проблем истории страны.

Документальные источники немногочисленны: два десятка документов – писем, резолюций, соглашений. Они отражают историю восстания односторонне – сквозь призму официальной пропаганды и требований восставших. Лишь некоторые документы содержат сведения о ходе восстания, организации, масштабе, тактике. Однако существует источник, содержащий подробный рассказ о движении – стихотворная «Хроника Энгельбректа».

Уже из первых строк хроники следует: главное в ней – социально-политическая

тематика. Во вступлении автор обещает рассказать о «бедствиях шведов»: аристократы сделали правительницей Маргарету; она стала ущемлять интересы шведов и навязала им в качестве короля своего внучатого племянника — герцога Бугислава, принявшего имя Эрик. Последний был избран в Швеции в соответствии с законами, принеся присягу.

Хроника содержит рассказ о противоречии политики датских правителей интересам жителей Швеции. Маргарета и Эрик Померанский начинают войны с Голштинией из-за Шлезвига — ненужные и разорительные для Швеции. Тяжелые последствия, указывает хронист, имела внутренняя политика Эрика как шведского короля: вопреки законам и присяге раздал замки и лены иноземцам, не считался с интересами Швеции, не согласовывал политику с риксродом.

Король пытался упразднить выборность лагманов и херадсхёвдингов — лиц, наделенных судебной и административной властью в провинциях — ландах и сотенных округах. Он разорял страну, вывозя в Данию весь налог. Духовенству Эрик Померанский навязывал датских клириков — по мнению хрониста, жестоких и безнравственных:

Имел капеллана он одного —
Герр Аренд Клемитсон звали его.
Хуже мошенника мир не видал —
Всею своею жизнью он то доказал.

Пьянству он отдавался,
Разврату он предавался.
Много он пиратов отправил
На море: купцов непрерывно он грабил.
Пираты у тех все добро отбирали,
Самих же нередко за борт бросали.
Добро, что пираты разбоем добыли,
С ним пополам непременно делили.
Часто клялся он кровью и смертью Христа:
То-то совесть мерзавца была нечиста.

Главное зло, говорится в хронике, состояло в том, что король превратил право распоряжения замками страны в наследственное право померанских герцогов, а эта мера грозила Швеции утратой независимости:

Вы, думаю, поймете вскоре,
В чем главное было для шведов горе:
Свободно он Швецию получил,
А получив ее, так порешил:
Когда умереть его срок придет,
К наследникам Швеция перейдет.
О замках, полученных им во владенье,
Новое сделал он распоряженье:
Герцог Буггеслеф их обретет
В том случае, если король умрет.
Если ж, однако, умрет и он,
Все ж будет Швецией править грифон⁴⁸.
Хотел он, чтоб силы у шведов не стало,

⁴⁸ Герб померанских герцогов.

Чтоб больше уж Швеция не восстала,
Хотел, чтоб ослабла шведов земля,
Чтоб шведам уж не избирать короля,
Как избирали они испокон
И как велит им шведский закон.

От политики короля и от действий его представителей страдали купцы и терпели бедствия крестьяне. Притеснения бондов области Даларна одним из фогдов – датчанином Йоссе Эрикссоном – привели к восстанию. Повстанцы избрали вождем Энгельбректа Энгельбректссона – «достойного человека», ранее, по сообщению хрониста, взявшего на себя роль заступника за бондов перед королем.

Восстание, сообщает хроника, перекинулось на соседние области. К Энгельбректу присоединилась часть верхнешведской аристократии. Отряды повстанцев захватили замки, охраняемые гарнизонами фогдов и ленников короля. В результате нажима и угроз со стороны вождя восстания, к движению примкнули члены Государственного совета Швеции, объявив об отказе от присяги королю:

Энгельбрект отправился в Вадстену сам
Нвстречу прибывшим господам.
Едва он в Вадстене очутился,
К членам риксрода он обратился:
«Все вы королевству должны послужить,
Если хотите жить.
И могу вам сказать –

Свободу Швеции сможем мы отвоевать».
Ответили те, что на то не пойдут,
От короля они не отойдут.
Энгельбрект их просил королю объявить,
Что ему они больше не будут служить:
«Ведь вам он немало зла причинил,
Воистину всякий бы то подтвердил».
Поспешно они ответили «нет».
Энгельбрект за горло схватил их в ответ.
Епископа Кнута велел он схватить
И в руки народа немедля вручить.
Епископа скарского Сигге
Такая же участь постигла.
С епископом Томасом тоже
Они поступили похоже.
А вслед за ним и других схватили.
Тогда они все Энгельбректа молили
Взять их в полон, только лишь не казнить:
Каждый хотел свою жизнь сохранить.
Клятву на верность Швеции заставил он их
принести,
Коль жизнь желают они спасти.
Они ему поклялись тогда
Шведского права держаться всегда.
Энгельбрект затем предписал,
Чтоб риксрод письмо написал,
Что все, кто на встрече в Вадстене были,
Между собою так порешили:
Королю не будут они больше службу нести,
Свой закон они будут блюсти.
Присягу они свою разрывают,
Верность хранить королю не желают,

За все то зло, что стране причинили,
О коем не раз ему говорили.
Каждый печать свою поставил.
Энгельбрект письмо королю отправил.

Эрик Померанский с большими силами прибыл в Швецию. Между ним и восставшими, осадившими Стокгольм, начались переговоры. Подписание соглашений (Хальмстадское перемирие и после вынужденной для короля отсрочки Стокгольмский мирный договор) знаменовало конец первого этапа восстания.

В обмен на соблюдение лояльности Эрик Померанский согласился выполнить политические требования шведских аристократов – жаловать лены и замки в Швеции только уроженцам страны, не передавать право распоряжения замками померанским герцогам, не вводить иноземцев в риксрод, назначить высших должностных лиц Швеции – дротса и марска, притом из числа шведов.

Несоблюдение королем обязательств, оговоренных в соглашении, привело к новой стадии конфликта. Отряды шведов, возглавляемые Энгельбректом и его временным союзником – марском Карлом Кнутссоном идут походом на Стокгольм и помощи городской бедноты, открывшей ворота, занимают город и осаждают охраняемый датским гарнизоном Стокгольмский замок.

Вскоре обнаруживаются противоречия между Энгельбректом и Карлом Кнутссоном.

В результате борьбы за титул вождя-хёвитсманна оба лидера становятся соправителями. Энгельбрект, в привычной роли военного руководителя, предпринимает поход в южношведские и пограничные датские области.

Между тем у Энгельбректа обостряется конфликт с Бенгтом Магнуссоном и Магнусом Бенгтссоном — отцом и сыном, представителями рода Натт-о-Даг. Причины хроника описывает отчасти конкретно (ссора из-за нарушения привилегий ганзейских купцов, которым, как можно заключить из хроники, покровительствовал Энгельбрект), отчасти туманно. Кульминацией конфликта стало убийство Энгельбректа Магнусом Бенгтссоном на острове в озере Ельмарен:

Топор в руке Магнус Бенгтссон нес,
Им он удар Энгельбректу нанес.
Шутить с Энгельбректом он не собирался.
Энгельбрект защититься пытался
Костылем, что в руках его был.
Три пальца Магнус ему отрубил.
Энгельбрект тогда отвернулся.
Во второй раз злодей размахнулся,
Ударил его изо всех он сил,
В шею топор глубоко вонзил.
Третий удар ему он нанес,
Вонзил топор в голову, в самый мозг.
И пал Энгельбрект, герой прекрасный,
О камень челом ударился ясным.
Так убийство то совершилось.

Много стрел затем в мертвое тело вонзилось.
То скорбью для Швеции будет всегда,
Как злодейски его убили тогда.
Воистину, мук тех он не заслужил:
Жизни для Швеции он не щадил.
За эту доблесть и много других
Должен был избежать он страданий таких.
Господь, дай ему то, что он заслужил
За то, что он Швеции верно служил.
Дева Мария, молитвой святой
Содей душе его дар неземной.
Святые, пекитесь о нем непрестанно,
Бога молитесь о нем неустанно!
Так героя смерть наступила.
Пред Invencio crucis то, в пятницу, было.
С Рожденья Христова в четырнадцать сот
Тридцать шестой то случилось год.

При чтении хроники бросаются в глаза симпатии автора к восставшим шведам, а также пропагандистский характер повествования. Вместе с тем, как отмечалось специалистами, это серьезный, заслуживающий внимания источник по социально-политической и военной истории восстания.

Источниковедческие представления об этом произведении претерпели эволюцию⁴⁹. Долгое время считалось, что существует

⁴⁹ Подробнее об истории исследования хроники см. *Schück Herman. Engelbrektskrönikan. Tillkomsten och författaren. Stockholm, 1994.*

единая «Большая рифмованная хроника». В 60-е годы XIX в., шведский ученый Г. Клемминг сделал вывод о самостоятельности частей «Большой хроники»⁵⁰. Первая из них — «Хроника Эрика», созданная в XIV в., сохранилась в позднейших списках; следующая за ней «Хроника Карла» дошла в оригинале, в единственном списке.

Десятилетие спустя источниковед Г. фон дер Ропп заключил, что «Хроника Карла», в свою очередь, была создана в несколько этапов. В дальнейшем мнения относительно самостоятельности «Хроники Энгельбректа» разделились.

По итогам дискуссий специалисты пришли к компромиссной теории: «Хроника Энгельбректа» — самостоятельное произведение, созданное в конце 1430-х годов. Она заключала в себе апологию восстания, а также прославляла погибшего в 1436 г. Энгельбректа. В 50-е гг. XV века это произведение и позднейший текст о событиях конца 1430-х гг. были включены в хронику о правлении Карла Кнутссона⁵¹. Результатом утверждения этой концепции стало издание

⁵⁰ *Nya eller Karls-krönikan // Svenska medeltidens rim-krönikor // Utg. G. E. Klemming. Stockholm, 1866.*

⁵¹ *Rosén J. Karlskrönikan // Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid. Bd. VIII. S. 290–294. Ståhle C.-I. Medeltidens profana litteratur // Ny illustrerad litteraturhistoria. Stockholm, 1955. Bd. 1.*

«Хроники Энгельбректа» как самостоятельного произведения, осуществленное в 1994 г. шведским филологом и историком культуры С.-Б. Янссоном.

Полемика о тексте «Хроники Энгельбректа» имела значение и для ответа на вопрос о причинах восстания. В исторических исследованиях трактовка восстания претерпела эволюцию.

Изучение восстания 1434–1436 годов было тесно связано с развитием историографии, появлением новых школ и методов, эволюцией источниковедения, развитием культуры и общественной мысли.

Это в первую очередь относится к «романтической» концепции историка Э. Г. Гейера. Особенности исторического развития Швеции Гейер считал наличие свободных крестьян – бондов и их союз с правителем, нередко направленный против аристократии, игравшей, по мнению Гейера, реакционную роль. Свободное крестьянство Гейер рассматривал как главную силу в борьбе за независимость.

Гейер рассматривал восстание Энгельбректа как народное движение против датского владычества. Деятельность высшего фрельсе Гейер оценил негативно: аристократы предали интересы освободительной борьбы и пошли на сговор с королем.

Сменившая «романтическую» школу либеральная историография во многом уна-

следовала указанные воззрения. Взгляды либеральных историографов нашли законченное выражение в работе историка Хенрика Шюка. В его интерпретации лидер восстания — вождь шведского народа — вел борьбу против датского короля и шведской аристократии.

В либеральной исторической мысли Энгельбрект изображался как зачинатель национально-освободительной борьбы шведов, основатель риксдага — института, через который народ осуществлял свою власть⁵².

Среди вопросов, важных для понимания характера восстания, оказался вопрос о роли горнорудной области Даларна. Оттуда началось восстание; далекарлийцы, судя по ряду источников, составляли ударную силу восставших; наконец, Даларна — родина Энгельбректа. Даларна и после восстания Энгельбректа не раз выступала как оплот и своего рода эпицентр восстаний и освободительных движений. Историки XIX — начала XX вв. объясняли это тем, что в свободолобивой и воинственной Даларне ярко проявлялся национальный дух шведского народа, его патриотизм и демократизм.

Современная историография внесла коррективы в представления о восстании Энгельбректа. Историки пришли к выводу, что во взрыве народного возмущения была

⁵² *Schück Henrik*. Engelbrekt. Stockholm, 1915.

повинна политика Эрика Померанского, которую претворяли в жизнь его фогды и ленники. По свободному крестьянству, бюргерству, светскому фрельсе и церкви ударили экономические и политические мероприятия короля: девальвация денег и налоговая реформа, налоги и повинности, связанные с войнами, которые Эрик Померанский вел против Голштинии и ганзейцев.

Войны Эрика Померанского с ганзейскими городами негативно отразились на экономике Швеции, торговые связи которой с Ганзой были важными для страны. Это объясняет, почему восстание началось именно в Даларне: ганзейская торговая блокада имела отрицательные последствия для экспорта продукции горнорудных промыслов, которые составляли основу экономики области⁵³.

⁵³ Уместно вспомнить, что эта концепция социально-экономических предпосылок восстания, впервые выдвинутая Э. Лённрутом, была изначально связана с источниковедческой полемикой о «Хронике Карла». Считая, вслед за И. Андерсоном, что стихотворная хроника — позднейший, не имеющий самостоятельного значения источник, Лённрут искал ответа на вопрос о причинах и предпосылках восстания прежде всего в документальных источниках — т. н. «Жалобе» шведов и письмах шведского риксрода ганзейцам. В последних, как известно, выражалось желание возобновить прерванную торговлю и, более того, звучали просьбы о поддержке в борьбе против

По знаменательному совпадению, восстание в Даларне вспыхнуло почти одновременно с началом мирных переговоров с Ганзой. Какие-либо данные о координации действий восставших и ганзейцев отсутствуют. Но объективно повстанцы действовали в интересах Ганзы и фактически лишили Эрика Померанского всех завоеваний в борьбе с последней⁵⁴.

Эти соображения, восходящие к работам Э. Лённрута, развитые в трудах таких историков, как Й. Русейн, Л.-У. Ларссон, А. А. Сванидзе, объясняют социально-экономические предпосылки восстания. Сложным остается вопрос: почему движение началось, когда война с Ганзой уже закончилась, было подписано перемирие, начались мирные переговоры и появилась надежда на возобновление внешней торговли, в частности — экспорта продукции горнорудных промыслов? Знаменательным совпадением является тот факт, что восстание 1434 г. в Даларне вспыхнуло и превратилось в общешведское после того,

короля. Впоследствии, когда источниковедческие построения Андерссона и Лённрута были опровергнуты, социально-экономическая концепция последнего, тем не менее, утвердилась в исторической литературе и приводилась уже вне контекста дискуссии о стихотворной хронике как источнике по истории восстания.

⁵⁴ *Rosén J. Op. cit. S. 285–294.*

как в Швеции разразился политический кризис 1432–1434 годов и лидеры шведского духовенства, поддержанные частью светской аристократии, выступили против Эрика Померанского.

Во многом именно в связи с той ролью, которую сыграло в движении 1434–1436 гг. дворянство, специалисты констатируют сложный, комплексный характер восстания⁵⁵. Показательна вызвавшая интерес скандинавских ученых⁵⁶ концепция А. А. Сванидзе, подчеркивавшей значимость восстания как освободительного движения, которое положило начало борьбе против иноземцев, за независимую государственность. По мнению Сванидзе, особенности восстания – умеренность, отсутствие четко выраженной программы податных сословий, смешанный социальный характер движения – были связаны со спецификой общественного строя Швеции: личной свободой и высокой политической ролью бондов, относительной

⁵⁵ Исключение составляла шведская марксистская историография, видевшая в восстании 1430-х гг. вспышку классовой борьбы (по более старой версии – раннебуржуазную революцию) горняков и крестьян. Относительно этих работ см. *Larsson L.-O. Engelbrekt Engelbrektsson och 1430-talets svenska uppror*. Stockholm, 1984. S. 18–19.

⁵⁶ *Jungar S. Sovjethistorikernas Sveriges historia // «Historisk tidskrift för Finland»*. 1975. S. 194–197.

слабостью господствующего, отсутствием жестких сословных границ. В восстании, по Сванидзе, присутствовали две программы: аристократическая и народная, направленная против усиления налогового бремени. В ходе восстания имело место подчинение интересов бондов — главной движущей силы движения — интересам аристократии — «наиболее собранной, осознавшей себя и целеустремленной силы»⁵⁷.

В целом, несмотря на разногласия, историки констатируют: аристократия сыграла в восстании значительную роль. По мнению исследователей, восстание не имело целью выход из Кальмарской унии, а было направлено против гнета Эрика Померанского и нарушения прав шведов, в первую очередь — прав шведской аристократии⁵⁸. Важную роль

⁵⁷ Сванидзе А. А. Северная Европа... С. 424–425; *Ее же*. Швеция в период Кальмарской унии... С. 121–128; *Ее же*. Понимание свободы и законности в шведском обществе XV в. (к трактовке восстания 1434–1436 гг.) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1987. С. 139–146.

⁵⁸ Ср.: *Olesen J. E. Rigsråd, kongemagt, union. 1434–1449. Aarhus, 1980; Enemark P. Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad. København, 1979. S. 29–32; Более современное исследование — Reinholdsson P. Uppror eller resningar? Samhällsorganisation och konflikt i senmedeltidens Sverige. Uppsala, 1998. Автор полагает, что восстание Энгельбректа*

играла апелляция восставших к законам, что нашло отражение в «Хронике Энгельбректа». Дискуссионным является вопрос о роли аристократии до присоединения шведского Государственного совета и значительной части магнатов к восстанию на встрече Энгельбректа с риксродом в Вадстене и вопрос об оценке самой встречи.

и другие подобные выступления в позднесредневековой Швеции нельзя считать народными движениями — актами социального протеста, поскольку они не были направлены против господствующего сословия — фрельсе. Крестьяне участвовали в восстании в качестве военной силы, откликаясь на агитацию фрельсманов, которые использовали крестьян в своей политической борьбе. Указанная концепция отнюдь не бесспорна. Использование народного недовольства верхами не отрицает сам факт этого недовольства, социальный характер которого очевиден и хорошо отражен в источниках. Несомненно и наличие на протяжении позднего Средневековья серьезных противоречий между королевским режимом и податным населением Швеции. Эти противоречия отражены как в нарративных памятниках, так и в документах. О социальной природе этих конфликтов и о роли податного сословия в политической истории Швеции см., в частности, работы: *Bøgh A.* «Med Guds og Sankt Ericks hjælp». *Sociale oprør i Sverige-Finland 1432–1438 // Til kamp for friheden. Sociale oprør i nordisk middelalder.* Ålborg, 1988. S. 138–165; *Olesen J. E.* *Oprør og politisering i Sverige 1463–1471 // Ibid.* S. 168–198.

Рассказ о начале восстания, содержащийся в «Хронике Энгельбректа», дополняется сообщениями других источников, в частности письма Берндта Осенбрюгге, секретаря стокгольмского фогда Ханса Крепелина магистрату Данцига, датированного 1 августа 1434 года. В письме говорится: Энгельбрект Энгельбректссон, «коренной швед из Даларны, где добывают медь и железо», собрал крестьянские отряды общей численностью от сорока до пятидесяти тысяч человек, «и несомненно может, если захочет, собрать и больше».

Восставшие, сообщается далее, захватили и предали огню множество городов, замков и деревень, подошли к Стокгольму и подступили к городу с одной из сторон — наподобие того, как это сделали гуситы под Данцигом. Требования участников восстания заключаются, пишет Осенбрюгге, в том, чтобы иметь в Швеции собственного короля; датского же монарха они намерены изгнать из [всех] трех [скандинавских] государств, «и хотят сами быть господами». Они желают вернуться к «законам святого Эрика»: «тогда не было ни пошлин, ни налогов, ни крестьянских повинностей, как теперь»⁵⁹.

⁵⁹ *Christensen E. A. Op. cit. S. 208. Ср. Сванидзе А. А. Понимание свободы... С. 141. Популярное в позднесредневековой Швеции требование соблюдения «Законов Святого Эрика» было основано*

О происхождении вождя восстания известно немного. Предками Энгельбректа Энгельбректссона являлись осевшие в Швеции немцы, имевшие двойственный статус: бюргеров Вестероса и горных мастеров Бергслегена. К концу XIV в. род был аноблирован: отец Энгельбректа предстает в источниках фрельсисманом, имеющим герб. Известно, что ряд его земельных владений были редуцированы Маргретой. Возможно, это отразилось на отношении Энгельбректа к датскому режиму⁶⁰.

Сведения документальных источников об Энгельбректе Энгельбректссоне до 1434 г.

на том, что этому королю (правил около середины XII в.) по традиции приписывалась большая законотворческая деятельность. Однако сведения или представления о том, какие именно законы установил Святой Эрик, отсутствовали. Сам по себе указанный лозунг имел со стороны народа социально-политическое значение — как требование возврата к древним свободам общинников, еще сохранявшимся при Эрике Святом (подробно см. *Сванидзе А. А. Указ. соч. Ее же. Требования шведских крестьян в восстании XV века // Социальные движения в Средневековье. М., 2001. С. 58–63.* Но он употреблялся также и как лозунг борьбы за государственную самостоятельность Швеции, и в этом случае его реальным содержанием было требование соблюдать обычаи страны.

⁶⁰ *Carlsson G. Engelbrekt Engelbrektssons släkt // Svenskt biografiskt lexikon. 13. Stockholm, 1950. S. 569–572.*

скудны: он фигурирует только в двух документах, скрепленных печатью с личным гербом. В одном он именуется горным человеком — *montanus*⁶¹. Он являлся, таким образом, бергсманом — горным мастером и одновременно помещиком⁶². Помимо этих данных, имеется сообщение хрониста Эрикуса Олаи о том, что Энгельбрект был воспитан при дворе государя — *in curiis principum*⁶³, т. е., возможно, в усадьбе какого-то магната. Подобное воспитание могло дать Энгельбректу навыки военного и политического руководства, пригодившиеся ему как лидеру восстания.

В августе 1434 года, когда вся верхняя Швеция находилась в руках восставших, состоялись переговоры вождя восстания с членами риксрода в Вадстене. Результатом стало письмо от 16 августа 1434 г. об отказе от вассальной присяги Эрику Померанскому⁶⁴.

⁶¹ *Idem.* Engelbrekt Engelbrektsson // *Ibid.* S. 572–589.

⁶² Ср.: Сванидзе А. А. Средневековый город. С. 231–244.

⁶³ *Olai Ericus.* Chronica regni gothorum // Textkritische Ausgabe von E. Heuman und J. Öberg. I. Stockholm, 1993. S. 151.

⁶⁴ ST III. S. 122–123. Ср: Diplomatarium Norvegicum // Saml. og utg. af Chr. C. A. Lange og C. R. Unger. V Saml. Christiania, 1861 (далее: DN). S. 644; SMR. № 129. S. 38.

Помимо указанного письма, подписанного «с согласия всего народа Швеции» тремя епископами и шестнадцатью рыцарями и свенами, единственным источником, описывающим события, является «Хроника Энгельбректа». Там сообщается: отделившись от основных сил, осаждавших замок Рингстадахольм, Энгельбрект отправился в Вадстену, где находились члены риксрода, вернувшиеся из Дании с совещания членов Государственных советов стран – участниц Кальмарской унии.

По сообщению хрониста, Энгельбрект потребовал, чтобы члены риксрода присоединились к восстанию. После двукратного (по тексту хроники) отказа магнатов Энгельбрект якобы применил насилие и заставил членов государственного совета расторгнуть клятву верности королю и присоединиться к восстанию.

Письмо Эрику Померанскому, под которым поставили печати участники встречи, сохранилось в списке и, как и вадстенская встреча в целом, является предметом полемики в среде специалистов. Содержанием послания была мотивация отказа от присяги. Энгельбрект, заявляли авторы письма, «внезапно напал на нас с большими силами, схватил нас и с оружием в руках принудил, угрожая лишить жизни, владений и чести»⁶⁵,

⁶⁵ Буквально: если мы не хотим лишиться жизни, имущества и чести. Такая формулировка сохраняла

присоединиться к нему и к народу и защищать земли и право нашего королевства от всех несправедливых налогов, повинностей и беззакония, которое Вы и многие от Вашего имени творят уже долгое время». Далее следовала политическая мотивировка: шведы — авторы письма — отказывают в верности королю, поскольку тот не сдержал клятв, которые дал жителям Швеции. Разрыв с королем вступит в силу, указывалось в письме, через 14 дней со дня написания письма: эта отсрочка, говорилось в документе, с огромным трудом вымолена у Энгельбректа.

Изучение и интерпретация вадстенской встречи прошли несколько этапов. «Старая» историография (XIX — начало XX в.) воспринимала события буквально: вождь восставших бондов одержал победу над аристократами и заставил примкнуть к восстанию. Рассказ хрониста расценивался как повествование очевидца. В новом свете увидел события И. Андерссон. Он высказал мнение, что версия хроники основана на тексте письма королю; очевидцем хронист, по мнению Андерссона, не являлся.

внешнюю двусмысленность (можно было подумать, что угроза шведскому фрельсе исходит не от вождя восстания, а от датского короля). Та же двусмысленность сохранена в «Хронике Энгельбректа» и хронике Эрикуса Олаи.

Развернутую интерпретацию событий дал Э. Лённрут: отказ аристократов от присяги Эрику Померанскому не давал, по его мнению, никаких гарантий Энгельбректу: как показала практика того времени, любой из авторов письма мог отказаться от своих слов, заявив, что действовал по принуждению. По мнению Лённрута, аристократы ссылкой на насилие как бы подготовили оправдание своих действий на тот случай, если восстание потерпит поражение⁶⁶.

Иную интерпретацию предложил А. Э. Кристенсен: характер письма Эрику Померанскому обусловлен выжидательной позицией аристократов, как бы намекнувших столь необычным посланием на возможность компромисса⁶⁷. С новыми гипотезами выступил шведский медиевист Л.-У. Ларссон⁶⁸. Проанализировав состав участников, он высказал мнение, что собрание в Вадстене являлось не сессией риксрода, а встречей аристократов нижнешведских обла-

⁶⁶ *Lönnroth E.* Op. cit. S. 105–111. Ср.: *Idem.* Engelbrekt // *Lönnroth E. Från svensk medeltid.* Stockholm, 1959. S. 102–112.

⁶⁷ *Christensen E. A.* Op. cit. S. 210–211.

⁶⁸ *Larsson L.-O.* Det svenska rådet och Engelbrektsupprorets inledningsskede // *Historisk tidskrift.* Stockholm, 1984. S. 266–282. *Idem.* Engelbrekt Engelbrektsson och 1430-talets svenska uppror. Stockholm, 1984. S. 152–153.

стей⁶⁹. Результатом их переговоров с вождем движения было их присоединение к восставшим.

В полемику с Ларссоном вступил Херман Шюк: вадстенское собрание являлось сессией риксрода и имело достаточный для того кворум⁷⁰. Насилие Энгельбректа над аристократами, по мнению Шюка, действительно имело место⁷¹. В пользу этого, полагал исследователь, говорит путанный характер письма королю Эрику, его непродуманный стиль, с грубейшими нарушениями принятых формальностей, в особенности обращение в начале письма: «Вашей досточтимой милости королю Дании Эрику» (*Eder värdige nåd konung Erik i Danmark*). Анализируя рассказ «Хроники Энгельбректа» о вадстенских событиях, Шюк предположил, что автор мог основываться на личном опыте, но пользоваться и письмом шведов королю как дополнительным источником.

⁶⁹ Подобные собрания местного уровня были достаточно традиционны для средневековой Швеции.

⁷⁰ *Schück Herman. I Vadstena 16 augusti 1434 // Historisk tidskrift. Stockholm, 1985. S. 135–149.*

⁷¹ Также задолго до указанной полемики Шюк высказывал мысль о том, что нет оснований сомневаться в реальности давления на риксрод со стороны Энгельбректа (*Schück H. Ecclesia Lincopensis. Studier om Linköpingskyrkan under medeltiden och Gustav Vasa. Stockholm, 1959. S. 108*).

На мой взгляд, письмо королю было написано не в спешке, как то доказывал Шюк. Напротив, оно было хорошо продумано: налицо аффектация пренебрежения и официального непризнания. Мы видим, что шведы признают за Эриком Померанским только датскую корону и обращаются к нему нарочито неуважительно.

В то же время письмо заключает своего рода политическую концепцию, возможно состоящую в следующем. Аристократы, констатируя факт злоупотреблений короля Эрика и признавая справедливость народных претензий и требований, считают для себя возможным на данном основании присоединиться к восстанию исключительно по принуждению. Но будучи принужденными к участию в движении, они декларируют и собственные политико-правовые причины расторжения присяги: нарушение королем своих монарших обязательств. Такой вариант разрыва не сжигал за восставшими мосты в отношениях с монархом и ставил их в нейтральное положение в свете предстоящих переговоров.

По-видимому, тезис о принуждении был фикцией; в лучшем случае оно было инсценировано. Каждого магната такого уровня, в особенности светских членов риксрода и епископов, обычно сопровождала в поездках вооруженная свита. В силу этого «схватить» членов риксрода Энгельбректу, не

сопровождаемому, как следует из хроники, большими военными силами, было невозможно.

Кроме того, насилие над членами риксрода было бы большим риском, влекло бы негативные последствия для движения в случае, если хотя бы часть потерпевших не согласилась участвовать в восстании. Особенно скандальным фактом являлось бы насилие над епископами. Но «схватив» епископов и светских магнатов, «принудив» их, Энгельбрект, напротив, обеспечил им своего рода алиби как будущим участникам вооруженного выступления.

Таким образом, хроника и документальный источник выражают одну и ту же идеологию, отражают одинаковый менталитет. Как аристократы – авторы послания королю, так и создатель хроники разыгрывают из себя простачков, преподнося хорошо продуманную политическую концепцию. При всей условности и относительной недостоверности повествования, хроника, тем не менее, вполне реалистична.

После вадстенской встречи отряды восставших овладели замками Нижней Швеции и принадлежавшего Дании Северного Халланда и подошли к границам Сконе, где, встретив отпор жителей области, поспешили заключить мир.

В то время как военное руководство восстанием продолжал осуществлять Энгельбрект,

полноту государственной власти получил риксрод⁷², члены которого, находясь в Стокгольме, подготовили письмо на немецком и шведском языках, разосланное гроссмейстеру, сословиям и городам Тевтонского ордена; магистру, сословиям и городам Ливонского ордена, Любеку и другим городам Вендской Ганзы, а также сословиям Норвегии.

Письмо содержало обоснование свержения короля Эрика, который не желал править

⁷² Handlingar rörande Skandinaviens historia. 8. Stockholm, 1820. S. 4–5. Шведский медиевист Й. Паульссон (*Paulsson G. Studier i Strängnäs martyrologiet // Historia och samhälle. Studier tillägnade Jerker Rosén. Malmö, 1975. S. 22–37*) цитирует упоминание в исследованном им памятнике средневековой шведской анналистики — Стренгнесском мартирологе о том, что Энгельбрект *leges patriae reformavit*. Паульссон, переводя указанное место, интерпретирует его как указание на то, что вождь восстания «реформировал законы отечества» (*han reformerade fäderneslandets lagar*). Однако ни в «Хронике Энгельбректа», ни в документах того времени нет упоминаний о подобной деятельности Энгельбректа; нет ее следов и в шведском средневековом законодательстве. Скорее всего, латинское слово *reformare* употреблено здесь в другом значении — восстановить (нечто разрушенное, попорченное). Энгельбрект восстановил законы, вернул им силу. Такое толкование источника соответствует требованиям, идеологии и пропаганде восставших шведов.

справедливо, по законам страны и попустительствовал фогдам, угнетавшим народ и облагавшим его тяжелыми налогами⁷³. Эрик Померанский обвинялся и в нарушении присяги: он изгонял законно избранных епископов и навязывал церкви кандидатов, не соответствующих должности; назначал чиновников, непригодных к исполнению обязанностей; не принимал во внимание жалобы; обрек страну на «вечное рабство», нарушив принцип выборности монарха; истощил народ непомерными поборами; обделяя шведов, раздавал замки и лены иноземцам. Послание содержало просьбу поддержать борьбу шведов и обещание избавить торгующих в Швеции купцов от высоких пошлин, действовавших при Эрике Померанском.

Как доказали современные историки, послания не были отправлены, несмотря на то что их подготовили к отправке и частично скрепили печатями. В историографии высказывались различные объяснения этого факта. Вероятно, ситуация с данным посланием отразила раскол в риксроте или, по крайней мере, расхождения между партией радикальных сторонников Энгельбректа и умеренным крылом аристократии.

В ноябре 1434 г. Эрик Померанский с большими войсками прибыл в Швецию — с целью

⁷³ DN V. S. 459–462. Ср.: SMR. S. 42–44. LECUB VIII. S. 504.

подавить восстание, либо, по другой версии, для того чтобы показать свою мощь. Результатом явились переговоры короля с мятежными аристократами. Переговоры завершились подписанием перемирия, не распространявшегося на Энгельбректа Энгельбректссона, Эрика Пуке и их ближайших сподвижников. Перемирие было заключено на год; указывалось, что до его истечения в сентябре 1435 г. в Стокгольме должно состояться собрание, которому надлежит разрешить взаимные претензии и противоречия; было постановлено, что оно должно руководствоваться Ландслагом Швеции, что, очевидно, являлось уступкой со стороны Эрика Померанского⁷⁴.

Компромисс, достигнутый на предварительных переговорах, не устраивал радикальное крыло шведской аристократии: вероятно, этим объясняется проведение в январе 1435 г. так называемого риксдага в Арбоге⁷⁵ — в историографии долгое время фигурировавшего в качестве «первого шведского риксдага», хотя участие в нем, помимо аристократии и дворянства, делегатов от бюргерства Швеции, о чем сообщает «Хроника Энгельбректа», не подтверждается ни протоколом этого собрания, ни какими-либо другими документами.

⁷⁴ ST III. S. 124–125.

⁷⁵ *Lönnroth E.* Op. cit. S. 156–157.

Что касается рассказа хроники о собрании в Арбоге, состоявшемся в январе 1435 г. и являвшемся по сути съездом радикальной оппозиции из числа фрельсе, то, вероятно, будет правильным вслед за Х. Шюком признать достаточно достоверным рассказ о его решениях: избрании Энгельбректа руководителем, вождем — «хёвитсманом» Шведского королевства и назначении местных «хёвитсманов» в каждой провинции.

Целью этих решений, как предположил Шюк, был переход контроля над страной в руки радикальной оппозиции. Результатом собрания явилась также ратификация писем на немецком и шведском языках о разрыве с Эриком Померанским, которые опять были не отосланы по назначению. Ратификация посланий, таким образом, скорее имела значение как демонстрация силы и решимости радикальной оппозиции и средство давления на датчан.

Вскоре последовали переговоры оппозиционеров с королем при посредничестве Ханса Крёпелина и представителя Тевтонского ордена, комтура Хенрика Ровердере. Было достигнуто соглашение о встрече в Хальмстаде 1 мая 1435 г. шведских и датских аристократов.

В свете предстоящих переговоров шведы составили новые письма о разрыве с королем, которые на сей раз были разосланы. По тону они были умереннее: в них говорилось не

о свержении короля Эрика как свершившемся событии, а о намерении свергнуть короля, если он откажется выполнить требования восставших. В письмах выражалось желание восстановить торговые отношения с ганзейцами и провести встречу с представителями Ганзы⁷⁶.

Переговоры в Хальмстаде прошли успешно. Главным результатом стало соглашение о переговорах шведов с королем по всем спорным вопросам. Король обязывался держаться шведских законов и обычаев; проявлять умеренность, вводя налоги, и согласовывать эти налоги с риксродом; назначить в Швеции дротса и марска. Оговаривалось, что военные лидеры восстания Энгельбрект и Эрик Пуке получают амнистию и станут ленниками короля. Энгельбрект по условиям соглашения получил замковый лен Эребру⁷⁷.

Несмотря на компромисс, вскоре, в июне 1435 г., непримиримые оппозиционеры провели новое собрание. Его участники, именую себя риксродом Швеции, постановили: все дела королевства должны вершиться «с совета риксрода» и по шведским законам; король должен жаловать лены только уроженцам Швеции; право распоряжаться замковыми ленами должно быть отобрано у иноземцев. В противном случае, заявляли авторы постановления, они снова станут

⁷⁶ SMR. S. 66.

⁷⁷ Ibid. 232. S. 73; ST III. S. 126–127.

с оружием в руках отстаивать свободу и законы Швеции. А те, кто в этом случае сохранит верность королю и окажет ему помощь, будут считаться предателями и подвергнутся казни с конфискацией имущества.

В тот же день открытым письмом было объявлено, что все фрельсисманы и другие коренные шведы, состоящие на службе у иноземцев, должны в течение 15 дней перейти на шведскую службу; в противном случае они утратят принадлежность к фрельсе и обрекут себя на изгнание.⁷⁸

Через три дня (9 июня) участниками собрания были составлены от имени фрельсе, бюргеров и народа новые послания для Ганзы и Тевтонского ордена. Ссылаясь на опасения, что король желает нарушить достигнутое перемирие, авторы просили оказать помощь в борьбе против короля, взамен обещая ганзейским купцам свободу от пошлин. Однако официального отклика эти послания не встретили⁷⁹.

Король был в это время занят переговорами с Ганзой, затяжка которых вызвала перенос прибытия в Швецию. Неявка короля породила опасения, что он не желает соблюдать условия перемирия. С трудом был достигнут компромисс; шведы получили от

⁷⁸ Historiska handlingar. Hft. 7. Stockholm, 1870. S. 10–11. Ср.: SMR. S. 76.

⁷⁹ SMR. S. 77.

датских и норвежских аристократов гарантии того, что Эрик Померанский будет соблюдать хальмстадские соглашения. Подписание мирного договора было перенесено на более поздний срок — 8 сентября. Крайние оппозиционеры вновь заявили, что откажутся повиноваться королю, если он не будет соблюдать условия перемирия в их трактовке.

На осеннюю встречу со шведами король прибыл вовремя. Начались переговоры со шведскими аристократами. Энгельбрект и его сторонники не входили в шведскую делегацию и были размещены отдельно от нее.

На переговорах шведская сторона предъявила «жалобу» — перечень претензий к королю. Этот обвинительный документ был составлен от имени риксрода, фрельсе, бюргеров и бондов.

Претензии шведов по тексту «жалобы»⁸⁰ были следующими. Король не пребывает в Швеции, где в его отсутствие не имеется также дротса и марска. Многие годы в Швеции не заседал королевский суд; на единственном заседании, которое имело место, этот суд не смог отстоять интересы короны и пресечь произвол фогдов. У риксрода в свою очередь не было полномочий, чтобы защитить крестьян. Последние, отчаявшись найти правосудие на родине, пытались добиться справедливости за пределами страны.

⁸⁰ *Huitfeld A. Op. cit. S. 536–541.*

Однако они возвращались домой «столь же бесправными, что и ранее» и становились жертвами насилия со стороны фогдов. В результате произвола значительная часть земель по всему королевству пришла в запустение. «Поскольку из страны вывозилась монета», налоги взимались из расчета заниженной стоимости продуктов. Так, бык, который в торговых городах стоит 4 марки⁸¹, оценивался в 12 эре; корова, за которую в городах дают 2 марки, взималась в счет 6 эре. В случае смерти бондов или покидания земель сумма налога оставалась столь же большой, что и ранее. Вопреки законам, весь собранный налог вывозился из страны.

Далее следовали претензии, исходившие от шведского фрельсе. Король, указывалось в тексте, ущемлял права церкви, навязывая ей архиепископов-иноземцев. Вследствие этого церковь потерпела огромные убытки. К ущербу для светского фрельсе, король жаловал замки и лены иноземцам. В войнах короля Эрика шведы, потерпев огромный ущерб и не снискав чести королю и себе, оказывали королю военную помощь, причем в большем объеме, нежели допускает шведское право. Участвуя в этих войнах, шведы сами обеспечивали себя провиантом.

⁸¹ 1 марка = 8 эре. Подробно о шведской денежной системе см. *Сванидзе А. А. Средневековый город*. С. 317–322.

Король не желал возместить им понесенный в ходе военных действий ущерб. Шведы, взятые в плен, не вызволялись королем, подвергались насилию в Дании со стороны подданных Эрика Померанского. Король нарушил обязательство хранить верность Швеции, не вводить в стране иноземных законов. Будучи избранным королем, чьи выборы на камне Мура были произведены в соответствии с законами страны⁸², он незаконно распорядился

⁸² Заявления о том, что король Эрик был выборным, а не наследственным государем (*rex natus*), играли важную роль в пропаганде шведской оппозиции еще в ходе конфликта 1432–1434 гг. В связи с этим 21 мая 1434 г. по инициативе уппсальского капитула было произведено освидетельствование камня Мура. В составленном по результатам освидетельствования нотариальном акте указывалось следующее: на камне высечена надпись об избрании Эрика королем Швеции в 1396 г. В месте для даты, согласно акту, в надписи пропуск: указано лишь, что избрание произошло в некий день августовских календ (... *sicqve præcise, ut sequitur, in eodem lapide sculptum inveni: Anno domini mcccxcvi^o electus est in regem Sveciæ in hoc loco illustris rex dominus Ericus &c... calend. augusti. Locus autem pro numero kalendarum vacuus erat*). Однако, отмечено в том же акте, «все говорят, знают и пишут», что данное избрание состоялось в день блаженной Марии Магдалины, приходящийся на одиннадцатый день августовских календ (т. е. 22 июля). См. Akter... S. 121–123.

сделать Швецию вассалом иноземцев. Страна ослаблена в результате тяжелых податей и налогов. В Швеции не остается средств на нужды королевства, в том числе военные, в случае возможных столкновений с Русью и другими внешними врагами. От пошлин и торговых запретов страдают как торговые города, так и королевство в целом. В стране невозможно найти описи имущества короны. Король попрал привилегии церкви, занимался разбоем и грабежом. Вопреки законам, он лично назначал лагманов и херадсхёвдингов, «и по какому праву они заняли эту должность, такое право они и проводили в жизнь». Он не наказывал фогдов, притеснявших народ, и таким образом попустительствовал еще большим злоупотреблениям. Фогды ежегодно требовали с бондов налог на строительство кораблей, которых в результате шведы не получали. Раздача ленов иноземцам и невозможность для шведских рыцарей определить детей на государственную службу разоряют рыцарство страны. Схожим образом ущемляются и права шведского духовенства в результате назначения иноземцев епископами.

Содержание мирного договора, подписанного 14 октября, достаточно точно воспроизводится стихотворной хроникой. Стороны прощали друг другу ущерб и обязывались соблюдать данные клятвы и положения

шведских законов. Эрик Померанский восстанавливался в своих правах. Замки и лены Швеции должны были перейти под управление уроженцев страны, за исключением трех замков — Стокгольмского, Кальмарского и Нючёпингского, над которыми король сохранял право поставить датчан или норвежцев.

Соглашением регулировались и другие вопросы: было постановлено, что Швеция должна иметь дротса и марска; право решающего голоса при их назначении будет принадлежать королю. Суверенитет над замками перейдет к риксроду — в случае, если король не оставит законнорождённого сына. Каждая страна, говорилось в договоре, должна иметь копию соглашения об унии и руководствоваться в своей политике этим документом. Гарантами договора выступило большое число скандинавских магнатов: 46 от Дании и Норвегии и 32 от Швеции⁸³.

Часть вопросов была вынесена на рассмотрение комиссии, которая начала заседать четыре дня спустя. Комиссия постановила, что король должен в отношении государственных дел Швеции совещаться с риксродом, но не обязан подчиняться в случае разногласий. Еще одним результатом разбирательства стало предписание архиепископу Улофу

⁸³ ST III. S. 147–151; SMR. S. 96, *Huitfeld A. Op. cit.* S. 541–547.

и мятежным прелатам отречься от обвинений в адрес Эрика Померанского и соблюдать лояльность в отношении короля⁸⁴.

Стокгольмское мирное соглашение являлось успехом Эрика Померанского, вынужденного считаться с требованиями шведов, но в то же время продемонстрировавшего твердость и нежелание идти на поводу. Определенную строгость король проявил и при выборах дротса и марска. Показательна последующая политика короля в отношении замковых ленов: в соответствии с мирным договором король пожаловал Стокгольмский, Нючёпингский и Кальмарский замки датчанам; остальные были отданы в держание или управление шведам, однако зачастую достаточно низкого происхождения, в обход ведущих магнатов.

Успех Эрика Померанского имел несколько причин. Несомненно, что в среде восставших шведов отсутствовало единство, существовали различия и противоречия как между аристократией и народом – участниками восстания, так и внутри аристократии, часть которой устраивал компромисс ценой политических уступок. Возможно, определенную роль сыграло и то, что многие из аристократов решали в восстании, среди прочего, личные цели – прежде всего, округления

⁸⁴ ST III. S. 152–154; SMR. S. 97; *Huitfeld A. Op. cit.* 551–552.

владений и получения замковых ленов. Очевидно, захватив замки и получив определенные политические гарантии, они сочли свои задачи выполненными. Однако последующая политика короля не оправдала их ожиданий.

В пользу короля сложилась и международная ситуация: король приехал в Швецию, заключив мир с Ганзой. Это укрепило его позиции и развязало руки в отношениях с мятежными шведами. Не принесли успеха попытки повстанцев апеллировать к потенциальным внешним союзникам. Внутри Кальмарской унии короля поддерживали норвежские аристократы, на солидарность которых рассчитывали восставшие. В разгар движения, после отказа шведов от вассальной верности монарху, норвежский риксрод в особом послании призвал их блюсти верность Эрику Померанскому⁸⁵. Кроме того, как можно предположить по результатам встречи – мирному договору и резолюции арбитражного разбирательства, король и его сторонники хорошо подготовились к переговорам, изучив шведские законы и юридически обосновав права монарха. Наконец, на данном этапе могло сыграть существенную роль и то, что большинство аристократов – гарантов мирного договора составляли представители Дании и Норвегии.

⁸⁵ DN V. S. 457–459.

Энгельбрект и Эрик Пуке не участвовали в переговорах. В литературе это принято объяснять неудовлетворенностью Энгельбректа компромиссом с королем или нежеланием короля вести переговоры с мятежниками. Очевидно, что сам факт неучастия демонстрирует слабость Энгельбректа, отсутствие у него политической опоры, власти и авторитета. Возможно, в таком положении Энгельбректа была заинтересована и шведская аристократия, отстранившая лидера восстания от большой политики.

Стокгольмский мир оставил многие спорные вопросы нерешенными. Закономерен был новый этап конфликта, предпосылками которого явились три основные группы противоречий, с одной стороны которых стоял король, с другой же — 1) недовольные результатами восстания крайние оппозиционеры — сторонники Энгельбректа и Эрика Пуке; 2) шведская аристократия, получившая частичные формальные гарантии своих прав, но не добившаяся политического и экономического усиления за счет уступок короля; 3) шведский народ, чаяния которого в отношении избавления от тяжелого налогового бремени не оправдались.

Политическая система, сложившаяся по итогам стокгольмского мира, также создавала предпосылки для нового этапа борьбы. Немаловажную роль сыграл вопрос о формальном лидере шведов. Кристер Нильссон

(Васа) получил титул дротса, а фактически являлся, как и ранее, наместником короля в Финляндии. В метрополии единственным человеком, наделенным формальной властью, остался не столь лояльный Карл Кнутссон (Бунде). Последний в связи с начавшимися волнениями бондов, вновь не желавших, если верить источникам, платить налоги, повел двойную игру: официально уверял короля в лояльности, но одновременно вместе с рядом аристократов Швеции взял курс на создание новой мятежной коалиции.

Обострение отношений вскоре нашло формальное выражение: оппозиция провела новое собрание в Арбоге, поданное как встреча представителей сословий, но в очередной раз являвшееся совещанием фрельсисманов: архиепископа Улофа, епископов Кнута и Томаса и восьми светских аристократов. Сведения хроники об участии Энгельбректа и Эрика Пуке документами не подтверждаются.

Резолюция, принятая в Арбоге и датированная 11 января 1436 г., носила характер ультиматума, трудновыполнимого как по срокам, так и по содержанию требований. В письме двенадцати магнатов, именующих себя риксродом, сообщалось о намерении расторгнуть присягу верности королю, если тот до 15 февраля текущего года не исправит свои нарушения мирного договора, заклю-

чающиеся в следующем: замки не находятся в руках шведов, право распоряжения замковыми ленами в случае смерти короля перейдет к риксроду не безоговорочно, а только если король не оставит наследников; дротс и марск не получили надлежащих полномочий; высказывание короля о том, что он не хочет быть «да-государем» (*ja-herre*) шведов (т. е. безвольно на всё согласным правителем), породило опасение, что он не хочет выполнять обещание амнистии. Письмо было оглашено публично; помимо экземпляра, отсланного Эрику Померанскому, копия была отправлена государственному совету Дании; к копии прилагалась просьба склонить короля к тому, чтобы он принял требования оппозиции. Одновременно были начаты военные действия, подробно описанные в стихотворной хронике ⁸⁶.

На этом этапе восстания произошло убийство Энгельбректа шведским магнатом Магнусом Бенгтссоном. Несомненно, что во многом причиной расправы был затяжной конфликт Энгельбректа с убийцей и его отцом, возможно, восходящий к спорам из-за замкового лена Эребру. Однако нельзя не согласиться с концепцией, содержащейся в работах современных историков, о том, что убийство было обусловлено политическими причинами.

⁸⁶ SMR. S. 108.

Как вождь бондов, сосредоточивший в своих руках большую военную власть, Энгельбрект был опасен для аристократов. Огромную угрозу представляли вооруженные бонды, расценивавшие движение как борьбу за освобождение от налогового бремени (или по крайней мере за облегчение его). Политика вождя восстания отчасти соответствовала этим чаяниям: известно, что в ряде охваченных восстанием местностей Энгельбрект Энгельбректссон значительно сократил налоги бондов.

Убийство популярного лидера было средством обезглавить народное движение, лишить его руководства и деморализовать крестьян — участников восстания. Неслучайно после убийства Энгельбректа со стороны аристократии началась реакция — запрет на ношение бондами оружия, восстановление в полном объеме крестьянских повинностей⁸⁷.

Вместе с тем, сама аристократия, как уже говорилось выше, не была единой. Энгельбрект был ставленником ее радикального крыла, опиравшегося на поддержку младшего рыцарства. Для этих фрельсисманов были характерны бескомпромиссность, стремление продолжать борьбу, в том числе

⁸⁷ Сванидзе А. А. Швеция в период Кальмарской унии. С. 126–127. Ср.: Carlsson G. Engelbrekt Engelbrektsson. S. 584–586.

ценой уступок потенциальным внешним союзникам — ганзейцам. И неслучайно стихотворная хроника подчеркивает, что поводом к вооруженному конфликту Энгельбректа и Эрика Пуке с Бенгтом Магнуссоном и Магнусом Бенгтссоном было попрание последними торговых привилегий любекских купцов. Таким образом, убийство Энгельбректа могло явиться и результатом внутренней политической борьбы между фрельсисманами — участниками восстания.

После трагической смерти Энгельбректа началось складывание посмертного мифа о нем, создание его культа как вождя и героя освободительной борьбы. Энгельбректу даже приписывались посмертные чудеса, как видно из сообщения Вадстенского диария:

В том же году (1434 г.) отряд крестьян, именуемых далекарлийцами, начал воевать с королевскими фогдами; вначале они напали на вестеросского фогда Иоханна Эрикссона, изгнали того из области и разграбили его имущество. Затем они захватили замки Эребру, Нючёпинг, Стегеборг, Рингстадахольм и Рёнё; деревянные замки они сожгли, и повсюду в Швеции нападали на владения короля. Их вождем был человек по имени Энгельбрект; он находился у власти три года, после чего был убит знатным человеком Магнусом Бенгтссоном, сыном господина Бенгта Стенссона. Теперь же, как говорят, он явил множество чудес,

излучая сияние в церкви [города] Эребру, где он похоронен⁸⁸.

Но почитался ли Энгельбрект как святой?

Мифологизация и идеализация образа вождя восстания (несомненно, в пропагандистских целях) свойственна в значительной степени самой «Хронике Энгельбректа». Хронист неоднократно демонстрирует симпатию к вождю восстания, в ряде мест хроники прославляя его выдающиеся личные качества, особенно в кульминационном эпизоде хроники – сцене убийства Энгельбректа.

Это описание мученической смерти Энгельбректа также считается одним из оснований для популярной в историографии версии о неофициальном «культе святого Энгельбректа», которую впервые разработал известный шведский историк Г. Карлссон в специально посвященной этому вопросу статье⁸⁹. Но доводы Карлссона и его последователей все же, на наш взгляд, располагают к не столь однозначной трактовке. По сути они объединили в данном случае отдельные (крайне немно-

⁸⁸ Vadstenadiariet. Latinsk text med översättning och kommentar / Utg. C. Gejrot. Stockholm, 1996. S. 206.

⁸⁹ Carlsson G. Engelbrekt som helgon // Kyrkohistorisk årsskrift. Uppsala, 1920. Bd. 21. S. 236–243. Последующие работы, в которых поднимался вопрос о культе Энгельбректа как святого, прямо или опосредованно восходят к указанной статье Карлссона. Ср. напр.: Lunden T. Svenska helgon. S. 206–207.

численные, хотя и бесспорно красноречивые) источники о культе Энгельбректа как святого с произведениями, содержащими посмертное прославление Энгельбректа скорее как светского героя — вождя, народного освободителя. Вообще единственным документальным источником в данном случае является протокол стокгольмского магистрата от 24 октября 1487 г., в котором подмастерью кузнеца Дирику Хеммингссону предписывается во искупление совершенного им убийства совершить среди прочего паломническую поездку в Вадстену, Эребру, Свинегарн и Уппсалу⁹⁰. Ввиду отсутствия в Эребру каких-либо известных реликвий (в отличие от других объектов паломничества), этот город, по гипотезе Г. Карлссона, возможно, был выбран в силу наличия там «мощей святого Энгельбректа».⁹¹ Однако вполне можно предположить, что объектом посещения в Эребру был городской кармелитский монастырь; выбор был в таком случае вполне закономерен: связи Стокгольма с Эребру, Вадстенной, Уппсалой являлись традиционными: в частности, стокгольмские бюргеры нередко выступали донаторами монастырей в этих городах.

Более убедительными доказательствами существования «культа Энгельбректа» выгля-

⁹⁰ Stockholms stads tänkeböcker 1483–1492 / Utg. genom Gottfrid Carlsson. Stockholm, 1944. S. 225.

⁹¹ Ibid. S. 236–237.

дят данные нарративных источников: упомянутый фрагмент «Вадстенского диария» и написанная в XVI в. немецкоязычная хроника Йёрана Гюльта.⁹² Но если первый из указанных фрагментов описывает лишь слухи о посмертных «чудесах», то хроника Гюльта ценна тем, что содержит прямые указания на народное поклонение Энгельбректу как святому. В тексте этого поныне не опубликованного памятника (автограф) говорится, что после того, как найденное тело Энгельбректа было перевезено в Эребру и предано там захоронению, оно стало объектом поклонения со стороны крестьян. Последние, указывает хронист, почитают Энгельбректа наподобие святого, как невинно убиенного, и совершают паломничества к его могиле для искупления грехов⁹³.

Отдельную группу источников, привлекавшихся для аргументации версии о культе Энгельбректа, составляют памятники политической пропаганды XV в.: Хроника Эрикуса Олаи, «Песнь о свободе» епископа Томаса. В последней, в частности, недвусмысленно говорится о посмертном культе героя, паломничестве к его могиле. Но в целом Энгельбрект, уподобляемый ветхозаветным персонажам – Моисею, Давиду, прославляется

⁹² Ibid. S. 237.

⁹³ *Gylta Göran Kurtze Cronika der Könige in Sueden von Christi unsers Herren Geburdth biss üfs Jar MDXII.* (D 21, Kungliga biblioteket, Stockholm). S. 368.

в данных произведениях все же именно как светский герой, вождь-освободитель, борец за свободу и законность — величайшие, по заявлениям авторов, блага⁹⁴.

Образ Энгельбректа в самой хронике противоречив. Его действия включают откровенные угрозы и насилие. Но он, как подчеркивает хроника, борется за правое дело. Притом он близок как к элите, так и к народу. Он действует от имени народа, выражает народную волю, ведет народную войну.

Достоинства Энгельбректа, на первый взгляд, совершенно затмевают образ Карла Кнутссона — его временного союзника и соперника в борьбе за власть. Но и у последнего есть преимущества перед Энгльбректом и его союзником Эриком Пуке. Марск предстает в хронике прагматиком, умелым и расчетливым руководителем. В этом смысле он выглядит своего рода антиподом Пуке и отчасти самого Энгельбректа, проявляющих самонадеянность и подчас халатность, допускающих трагические ошибки. Смелость и решительность лидера восставших сочетаются подчас с горячностью и безрассудством. Энгельбрект неосмотрителен, доверчив: он приближает к себе негодяев, изменников, не обращает внимание на подозрительность их поведения; пренебрегает мерами предосторожности, что ведет

⁹⁴ *Сванидзе А. А. Понимание свободы... С. 144–145.*

к трагическим последствиям для его войска и для него лично.

Интерес представляет эволюция образа Энгельбректа в произведениях XV–XVI вв. Прежде всего следует назвать «Песнь о свободе», написанную около 1439 г. В ней говорится о том, как Энгельбректа вынудили начать войну бесчинства иноземных фогдов и страдания шведов, которые автор сравнивает со страданиями народа Израиля под властью фараона⁹⁵. Король Эрик не только ничего не сделал, чтобы исправить положение, но и, напротив, усилил бремя, стремясь ослабить Швецию. Из страны вывозились золото и серебро, попирались закон и право, процветали разбой и насилие, творилась крайняя несправедливость, шло всеобщее обнищание.

Эти страдания, длившиеся полвека, были посланы Богом шведам как наказание за грехи. Но Господь смилостивился и послал шведам Энгельбректа – «маленького человека», наделенного многочисленными достоинствами. Энгельбрект изгнал врагов; герой был предательски убит, но его дело довел до конца Карл Кнутссон⁹⁶. Заключительная,

⁹⁵ Svenska medeltids dikter och rim // Utg. G. E. Klemming. Stockholm, 1881–1882. S. 385–392.

⁹⁶ Трактровка этой части произведения вызвала в историографии споры, связанные с тем, что деятельность Карла Кнутссона описана отчасти

самая знаменитая часть «Песни» прославляет свободу — важнейшее благо и главное условие жизни человека⁹⁷.

в туманных и двусмысленных выражениях. Так, про него говорится, что он обратил себя «против умных» (*han vände sig mot dem kloka*). Поэтому образ правителя — будущего короля Швеции — в призыве епископа Томаса можно трактовать и как негативный или противоречивый. Однако наиболее распространено мнение, что Карл Кнутссон — положительный герой «Песни о свободе», изображенный преемником Энгельбректа (Ср. *Сванидзе А. А. Понимание свободы...*). Об указанной полемике см. *Lönnroth E. Biskop Thomas' Frihetsvisa // Scandia. Lund, 1931. Bd. 4. S. 30–54.*

⁹⁷ По мнению Э. Лённрута (Op. cit. S. 39), свобода трактуется епископом Томасом в характерном средневековом смысле — как право, привилегия. На идеи произведения, по мнению исследователя, оказала влияние разработка средневековой церковью политико-правового понятия «libertas» — «свобода», «вольность». (Ср. также: *Hjärne E. Biskop Thomas' av Strängnäs visa om striden för Sveriges frihet // Historisk tidskrift för Finland. N. 1. Årg. 4. Helsingfors, 1919. S. 96–134.*) Лённрут полагал, что «Песнь о свободе» — программное произведение, выражающее интересы шведской аристократии. С этим можно спорить. Так, в заключительных строках произведения образно говорится, что свобода берет под защиту «как высоких, так и низких» (*badhe högh och lagh*). Вряд ли здесь имеется в виду только высшее и низшее фрельсе. Скорее всего, употребляя это выражение, фигуриру-

Идеализированный образ Энгельбректа дан и в произведении любекского хрониста Хермана Корнера «*Chronica novella*».⁹⁸ Уподобляя вождя восстания библейскому Саулу, хронист подчеркивает его выдающиеся личные качества. Энгельбрект изображен вождем борьбы против датского угнетения, от которого страдали все жители страны – знать, горожане и весь народ⁹⁹.

По мнению исследователей, рассказ о восстании 1434–1436 гг., содержащийся в хронике Корнера, испытал влияние шведской политической пропаганды второй половины 1430-х годов. Однако совпадения можно объяснить и близостью интересов Любека и Швеции, наличием общего врага и сходством политической пропаганды.

Новый этап в изображении Энгельбректа знаменовала собой «Хроника готского королевства» крупного шведского ученого и деятеля культуры Эрикуса Олаи – автора, стоявшего на позициях гетицизма – теории, прославлявшей шведов как потомков древних готов. В контексте своей патриотической концепции Эрикус Олаи дает идеализиро-

ющее также в документальных источниках (ср.: DN V. S. 459), средневековый поэт-епископ подчеркивал именно социальную универсальность свободы.

⁹⁸ *Korner H. Die Chronica Novella // Hrgst. von J. Schwalm. Göttingen, 1895. S. 530–531.*

⁹⁹ *Ibid. S. 530.*

ванный, героический образ Энгельбректа — вождя освободительного восстания, направленного против датчан¹⁰⁰.

Эрикус Олаи дал понять, что убийство героя совершено в интересах и, скорее всего, по приказу Карла Кнутссона, взявшего убийцу под свою защиту. При описании событий 1434–1436 гг. единственным героем восстания изображается Энгельбрект; о Карле Кнутссоне применительно к этому периоду не говорится почти ничего, а о его избрании регентом сообщается вскользь, задним числом, после описания убийства Энгельбректа.

Совершенно иной образ вождя восстания дал в своей «Шведской хронике», написанной в 30-е — 40-е годы XVI в., Олаус Петри. Его интерес к восстанию Энгельбректа был велик в контексте тех главных задач, которые он ставил в предисловии к своему труду: проследить, как в исторических событиях и поступках реализуется воля Бога; показать в истории повторяющиеся, закономерные явления. Олауса Петри в особенности интересовала эволюция политических режимов средневековой Швеции. Во многом в связи с этим он проявил большое внимание к отношениям соседей — Швеции и Дании, историческое родство и близость которых он констатировал¹⁰¹.

¹⁰⁰ *Olai Ericus*. Op. cit. S. 147–165.

¹⁰¹ *Petri Olavus*. Svenska krönika. Stockholm, 1860. S. 158–190.

На этих принципах Олаус строил повествование об Энгельбректе, образ которого лишился всякой идеализации и стал скорее негативным. Так, Олаус полагал, что Энгельбрект возглавил восстание из-за личной обиды, полученной от датского короля. Автор «Шведской хроники» с одобрением относится к первоначальному отказу шведского риксрода выступать против короля, сколь бы плох тот ни был, и к аналогичному заявлению стокгольмского фогда Ханса Крёпелина. В связи с этим в повествование о восстании вставлено рассуждение о том, что нельзя восставать против плохого короля, что лучше плохой король, чем никакого и что восстание может привести к еще большим бедствиям.

По содержательности и глубине эпизод хроники Олауса Петри, посвященный восстанию Энгельбректа, уступает части того же произведения, повествующей о последующих событиях. Но именно рассказ об Энгельбректе — кульминация «Шведской хроники». Здесь ставится важная этическая проблема: аргументы Энгельбректа, призывающего к вооруженному выступлению, не вызывают сомнений, восстание выглядит необходимым и оправданным¹⁰². Вопрос, однако, заключается в следующем: уместно ли на деле восстание,

¹⁰² Ср: *Westin G. T. Historieskrivaren Olaus Petri. Lund, 1946. S. 68.; Gardemeister C. Den suveräne Guden. En studie i Olavus Petriteologi. Lund, 1989. S. 89–91.*

когда оно, по всем признакам, представляется необходимым? Пример восстания 1434–1436 гг. Олаус Петри использует для того, чтобы сформулировать проблему в парадоксальном виде: автор полностью оправдывает восставших и, тем не менее, осуждает восстание как факт: даже такое, справедливое по своей сути, восстание является несправедливым поступком.

С другой стороны, на примере Энгельбректа Олаус Петри показывает противоречивость организаторов подобных выступлений — тех, кто «восстает против законного государя», и их неизменно трагический конец. В заключительных строках повествования «Шведской хроники» о восстании заключены одновременно неприятие программы Энгельбректа и сознание его обреченности.

Олаус Петри о смерти Энгельбректа

Так окончил свой век Энгельбрект. Была ли такая смерть наградой за подвиг, за освобождение страны от рабства, в котором та пребывала? Плохо же он был вознагражден: ко всему прочему, за его убийство даже никого не наказали. Монсу Бенгтссону — убийце — был торжественно дарован мир; марск объявил письмом по всему королевству: пусть никто не отвергает и не карает его за то, что он совершил. Кто-то, видимо, решил: избавились от Энгельбректа — и ладно. И надо признать: был он бунтовщик, мятежник против законного государя. Пусть и все мятежники видят на его примере, какой конец ждет их самих.

В иных тонах описывают лидера восстания 1434–1436 гг. современники Олауса Петри, сторонники гетицистской теории, братья Олаус и Иоханнес Магнусы¹⁰³. Особенно в творчестве последнего дается идеализированный образ Энгельбректа — борца за свободу, законность и, как многократно подчеркивается этим автором, — против тирании. Последнее обстоятельство симптоматично. Прошло более ста лет, сменилась, по существу, эпоха, и изменилось восприятие знаменитого восстания. На первое место выходят распространившиеся в среде скандинавской элиты ренессансные представления о человеке, его свободе, достоинстве. И столь разные авторы, как Олаус Петри и братья Магнусы, рассматривают личность и деятельность Энгельбректа во многом именно с этих позиций.

¹⁰³ *Magnus Olaus Historia om de nordiska folken*. II. Komm. J. Granlund. [Stockholm], 1976. S. 91–92; *Magnus Johannes Gothorum sveorumque historia*. [Wittenberg], 1617. P. 803–826. Cp: *Grape H. Olaus Magnus. Forskare, moralist, konstnär*. Stockholm, 1970. S. 11–12.; *Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker*. Stockholm, 1982. S. 182–185.

Глава V

Проект нового договора: попытка усовершенствовать унию

Как уже говорилось, в ходе восстания Энгельбректа Энгельбректссона шведские аристократы вступили в переговоры с датчанами. По-видимому, в связи с этими переговорами скандинавские магнаты создали новый проект договора об унии, в котором учитывались причины противоречий и конфликтов и была предпринята попытка укрепить унию — отчасти на новых началах, в большей степени устраивающих магнатов и других подданных союзного монарха. Этот проект сохранился в списках.

Из документа следует, что он выполнял функцию предварительного протокола и одновременно содержал образец предполагаемого соглашения. Указывалось, что договор надлежит заключить от имени архиепископов и членов государственных советов — риксродов Швеции, Дании и Норвегии. Авторы проекта ссылаются на некий документ, утвержденный Маргретой и государственными

советниками трех стран. Этот документ авторы расценивают как предварительное соглашение; возможно, речь идет о договоре 1397 года о Кальмарской унии. Упомянуты также некие скрепленные печатями грамоты (возможно, акт о коронации Эрика Померанского и другие акты, созданные в связи с его провозглашением королем Дании, Швеции и Норвегии). Авторы заявляют, что намерены следовать договоренностям Маргреты с государственными мужами трех королевств и сохранить вечный союз Швеции, Дании и Норвегии. Как и ранее в договоре о Кальмарской унии, в данном документе оговаривалось: каждое королевство должно жить по своим законам; новые законы не могут быть введены без согласия жителей соответствующего королевства. Вместе с тем проект содержал ряд новшеств. Прежде всего, были обозначены конкретные полномочия высших должностных лиц – дротса, марска, гофмейстера, верховного канцлера¹⁰⁴. Указывалось, что король должен проводить примерно по четыре месяца в году в каждом из

¹⁰⁴ Подробно относительно высших придворных должностей Дании и Швеции эпохи Средневековья см.: *Christensen W. Dansk statsforvaltning i det 15. århundrede. København, 1903; Alin O. Om svenska rådets sammansättning under medeltiden. Uppsala, 1872; Schück H. Rikets råd och män: Herredag och råd i Sverige 1280–1480. Stockholm, 2005.*

трех королевств. Как и ранее в договоре об унии, оговаривалось, что королевства обязаны оказывать друг другу военную помощь, но в данном случае еще и уточнялся ряд деталей — в частности, регулировались вопросы, связанные с обеспечением союзных войск провиантом. Подробно регламентировался порядок выборов нового короля после смерти общего суверена. В этих выборах, по замыслу создателей документа, должны были участвовать по 40 человек от каждого королевства — духовных лиц, рыцарей, бюргеров и крестьян. В случае, если у умершего короля не имелось законнорожденного сына, надлежало жребием определить, из какого королевства будет избран новый король.

Как можно заключить из документа, создатели проекта преследовали такие цели: 1) соблюсти интересы аристократов (добивавшихся, среди прочего, назначения на государственные должности и широких властных полномочий); 2) обеспечить формальное равенство стран-участниц унии; 3) устранить причины разногласий и конфликтов. Вместе с тем, можно с уверенностью заключить, что значительную роль в создании проекта играли представители Швеции: во всех списках документа шведы как потенциальные выборщики короля указаны в первую очередь; остров Готланд, являвшийся предметом споров между Швецией и Данией, упомянут как владение Швеции.

Отдельные положения проекта, регламентирующие избрание монарха, обнаруживают сходство с процедурами церковных выборов. По мнению некоторых ученых (Э. Лённрут, Г. Карлссон, Б. Лосман), на текст документа оказало влияние соборное движение, и значительную роль в составлении проекта сыграли ведущие церковные деятели Швеции и Дании¹⁰⁵.

* * *

Проект унии от 1436 года не был воплощен в жизнь. Очевидно, именно поэтому он был надолго забыт и дошел до нашего времени только в позднейших списках на шведском и датском языках. В некоторых рукописях он обозначен как договор об унии Дании, Швеции и Норвегии, созданный в конце XIV века¹⁰⁶. Указанную ошибку допустил и Олаус Петри. Изложив содержание документа в своей «Шведской хронике» (и процитировав документ в сокращении), он указал, что текст представляет собой договор об унии, заключенный в 1397 году в Кальмаре.

¹⁰⁵ Обзор мнений по этому поводу см.: *Ene-mark P. Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad*. København, 1979. S. 33.

¹⁰⁶ Ср.: *Rübner Jørgensen K. Kopibogen B 9 og det turvise kongevalg // Grannar emellan / Årsbok för Riksarkivet och landsarkiven*. Stockholm, 1997. S. 32–53.

По мнению Олауса Петри, указанный договор был возобновлен в ходе шведско-датских переговоров в 1435 году¹⁰⁷. Подобные ошибки были устранены на рубеже XVI–XVII веков, когда Арильд Витфельд обнаружил и опубликовал договор 1397 года о Кальмарской унии.

Как бы то ни было, исследователи сохранили интерес к проекту 1436 года – важной вехе в истории Кальмарской унии. В 1676 году печатную публикацию указанного проекта осуществил шведский ученый Ю. Хадорф. В XIX веке документ был издан У. С. Рюдбергом; в основе указанного издания – рукописный текст из книги копий В 9 (Государственный архив Швеции). Для критического аппарата публикации Рюдберг использовал списки, вошедшие в сборники копий документов, созданные в конце XVI века и хранящиеся в Государственном архиве Швеции и Уппсальской университетской библиотеке, а также несколько списков, хранящихся в Дании – всего 14 списков. Рюдберг не упоминает о каких-либо списках данного проекта, хранящихся за пределами указанных двух стран. В этой связи интерес представляет тот факт, что рукопись, содержащая текст

¹⁰⁷ См.: *Олаус Петри. Шведская хроника* / Пер., послесл., коммент. А. Д. Щеглова. М., 2012. С. 116–117, 129–130; *Olaus Petri. En Swensk Cröneka // Olaus Petri Samlade skrifter*. Uppsala, 1917. Bd. IV. S. 142–143, 160–161.

указанного документа, имеется в Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург), которая до 1917 года была известна как Императорская Публичная библиотека.

Текст проекта союзного договора от 1436 года содержится в рукописной книге *in folio*, хранящейся под шифром Швед. F. IV. 2. Указанная книга (как и ряд других шведских рукописей) перешла к Публичной библиотеке из собрания русского дипломата и библиографа П. К. Сухтелена. Почти все тексты рукописи выполнены одним и тем же писцом примерно в конце XVI века. В качестве материала использована бумага; письмо – неоготический курсив. Главным текстом, входящим в указанный кодекс, является список «Шведской хроники» Олауса Петри.

Содержание кодекса Швед. F. IV. 2 впервые было подробно описано петербургским филологом А. Ю. Желтухиным. Он отметил, что книга начинается поэтическим произведением «Книга о шведском законе» (*Rijm öfver Sveriges lag*); далее следуют хроника Олауса Петри, список Тявзинского договора между Швецией и Россией; завещание Густава Васы; трактат «Правдивые разъяснения шведов относительно трех корон», а также перечень шведских христианских королей¹⁰⁸. Вместе

¹⁰⁸ См.: Zheltukhin A. Orthographic codes and code-switching: A study in 16th century Swedish orthography. Stockholm, 1996. P. 190–191.

с тем, Желтухин не отметил, что в указанном кодексе присутствует и список проекта союзного договора между Швецией, Данией и Норвегией. Впервые об указанном списке упомянул автор этих строк в статье, посвященной шведским манускриптам Российской Национальной библиотеки¹⁰⁹.

Из особенностей петербургской рукописи значительный интерес представляет дополнение к разделу об обязанностях верховного судьи – дротса: он должен делать устные предупреждения королю, если тот не выполняет свои обязательства. Этот момент ценен для историков, изучающих вопрос о праве подданных на сопротивление монарху в Средние века и раннее Новое время. Мы затронем его в следующей главе этой книги, где пойдет речь об еще одном эпохальном документе Унии – Кальмарском рецессе и о других соглашениях и проектах унии конца XV века.

¹⁰⁹ См. *Щеглов А. Д.* Шведское Средневековье и XVI век в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки // *Средние века*. М., 2007. Вып. 68 (2). С. 129.

Глава VI

Сотрудничество и противостояние

Противоречия между Эриком Померанским и скандинавскими магнатами привели к смене власти. В 1439 г. датские и шведские аристократы объявили о свержении Эрика Померанского. В 1440 г. датчане в одностороннем порядке провозгласили королем герцога Кристофера Баварского – племянника Эрика Померанского. Так был нарушен договор 1397 г., согласно которому скандинавы должны были сообща избирать монарха. Вскоре Кристофер Баварский, также сепаратно, был провозглашен королем Швеции (фактически правление сосредоточилось в руках риксрода этой страны). Несколько позже Кристофер стал и королем Норвегии: у трех государств вновь оказался единый суверен. Идея союзной монархии осталась актуальной, но политико-правовые основы унии надлежало либо возродить, либо создать заново.

Изменения произошли и внутри скандинавских стран. В ходе восстаний и войн

подверглись разрушению многие замки; впоследствии они не были восстановлены. Соответствующие лены были упразднены, присоединены к более крупным. Такие крупные лены (которые раньше нередко дробились и доставались иноземцам и «выскочкам») теперь сосредоточились в руках аристократов, которые в итоге борьбы 1430-х годов добились усиления своих позиций.

Политические интересы магнатов различались. Датские аристократы в основном стремились к сохранению унии, возглавляемой датским монархом. В Швеции сформировались два крыла аристократии. Одно – датское – было заинтересовано в короле, который находился бы «далеко» – в Дании, не вмешивался в политику магнатов, оказывал им поддержку, соблюдал привилегии, жаловал лены. Другое крыло сделало ставку на правителя из своей среды, на которого местные магнаты могли бы опереться. В национальном правителе были заинтересованы и мелкие дворяне, бюргеры, горные мастера, свободные крестьяне. Народ верил, что правитель-швед сократит налоги, отменит обременительные поборы, защитит от произвола, окажет покровительство.

Схожая расстановка сил присутствовала в Норвегии. Часть магнатов стремилась опереться на датского короля, сблизиться с датской аристократией. Другие аристократы (и представители иных слоев населения)

добивались самоуправления, соблюдения древних местных традиций.

После смерти Кристофера Баварского (1448 г.) вновь началась сложная политическая борьба. В Дании королем был провозглашен граф Кристиан Ольденбургский (Кристиан I, 1448–1481). Норвегия до конца XIV века являлась наследственной монархией. Прекращение королевской династии и вхождение Норвегии в тройственную унию повлекли перемены: теперь норвежцам полагалось участвовать в выборах союзного короля. После низложения Эрика Померанского Норвегия стала выборной монархией. В Швеции началась сложная борьба за власть; победили сторонники Карла Кнутссона — противники унии под властью датского короля.

Из хроники Олауса Петри

В связи со смертью короля Кристофера было назначено всеобщее собрание господ в Стокгольме, в праздник Святого Тела Господня. Туда явился и марск со множеством людей... Собравшись вместе, участники встречи стали совещаться, как управлять страной, и долго не могли прийти к согласию. Некоторые считали: нельзя избирать короля, пока, согласно союзному договору, не соберутся вместе государственные советники всех трех королевств — ведь столько раз присягали на верность этому союзу; стало быть, не годится его расторгать. Другие участники — и в их числе марск — утверждали, что союз уже

распался: вопреки условиям договора, он оказался на благо одного королевства и во вред двум другим. И очевидно: если союз сохранит силу, шведов он погубит. Да и датчане, в сущности, вышли из союза, когда избрали государем короля Кристофера, не посоветовавшись предварительно со шведами. Вот почему нужно срочно, без промедления, дать королевству короля – такого, чтоб мог защитить Швецию.

Несколько дней члены риксрода не могли договориться; спорили так горячо, что даже подрались. В конце концов верх одержали те, кто хотел срочно дать Швеции короля.

На норвежский престол претендовали Кристиан I и Карл Кнутссон. Норвежская знать разделилась. Летом 1449 года на сессии риксрода в Осло было принято решение избрать Кристиана I. Однако норвежские сторонники Карла Кнутссона пошли на раскол и пригласили в Норвегию короля Карла. Жители восточных областей Норвегии провозгласили Карла королем. 20 ноября архиепископ Аслак Болът короновал Карла. Кристиану I от имени норвежского народа было направлено письмо, где сообщалось: решение о его избрании отменено, поскольку принято под нажимом со стороны датского монарха.

Несмотря на народную поддержку, которую имел в Норвегии Карл Кнутссон, большинство аристократов – членов Государственного совета Норвегии – являлись сторонниками Кристиана I.

На шведско-датских переговорах в Хальмстаде весной 1450 г. стороны заключили договор: после смерти Кристиана I и Карла Кнутссона Швеция и Дания будут находиться в вечной унии под властью общего короля (датчанина либо шведа), которого изберут представители Швеции и Дании. Внутренним управлением каждого из королевств будут ведать его жители, руководствуясь местными законами. Норвегии предоставлялась возможность присоединиться к соглашению.

Шведские делегаты заявили об отказе Карла Кнутссона от прав на норвежский престол. Договор явился дипломатическим поражением Карла Кнутссона; сам король расценил соглашение как следствие сговора между шведскими и датскими аристократами. Все же Карл Кнутссон утвердил отказ от прав на норвежский престол, но оговорил за собой право на титул «король Норвегии». Упомянутое соглашение так и не было превращено в жизнь; через некоторое время Дания и Норвегия заключили отдельный договор о двусторонней унии.

В Швеции участниками борьбы за власть и за лены стали три коалиции. Первую возглавили выходцы из верхнешведских родов Оксеншерна и Васа, которые нередко (хотя не всегда) поддерживали датского монарха. Оппозицию составили Карл Кнутссон его родичи и другие сподвижники — в том числе

незнатные. При их поддержке Карл Кнутссон дважды приходил к власти.

Третьей силой явился клан Аксельссонов – магнатов, имевших владения в Дании и южной Швеции. Несмотря на датское происхождение, Аксельссоны, имея противоречия с королем Дании, примкнули к шведской патриотической оппозиции. Союз Аксельссонов и соратников Карла Кнутссона (в том числе родственника Карла Кнутссона – Стена Стуре старшего) был скреплен династическими браками. Последовал новый этап борьбы, завершившийся победой «антидатской» группировки.

Из хроники Олауса Петри

Тогда жители Даларны и всей Швеции написали тем членам риксрода, которые оставались верны королю Кристиану, чтобы те перестали хранить ему верность. К письмам прилагались положения, над которыми членам риксрода следовало поразмыслить. Самое важное из этих положений было вот какое: король Кристиан незаконно пришел к власти в Швеции – поскольку простой народ, с которым на этот счет надлежало посоветоваться, ничего не знал до тех пор, покуда король не взошел на трон. И создатели писем просили членов риксрода отречься от короля Кристиана. Простые шведы, говорилось в письмах, хотят, чтоб вернулся король Карл. Никаких регентов им не надо: Швеция издревле – королевство, а не воеводство и не церковный приход.

Карл Кнутссон в третий раз взошел на трон. В ответ в Швецию вторглось войско Кристиана I. В ходе войны умер Карл Кнутссон. Регентом Швеции (при неясных обстоятельствах) был провозглашен Стен Стуре старший, представивший свое избрание как народную волю. Война окончилась в 1471 г. битвой при холме Брункеберг (близ Стокгольма). Датские рыцари, иностранные наемники и шведские союзники Кристиана I потерпели поражение от рыцарей и народных ополченцев, возглавляемых Стеном Стуре.

Олаус Петри о битве при Брункеберге

И герр Стен со своим войском направился на Нормальм. Король Кристиан же разделил войско на три части. Один отряд стерег корабли; часть войска расположилась на Брункеберге и часть — возле монастыря Святой Клары. В лагере короля Кристиана находился большой отряд бондов...

И когда часы показывали одиннадцать утра, герр Стен пошел в решительное наступление и молниеносно напал на отряд короля Кристиана, что расположился возле монастыря Святой Клары. А стокгольмские ополченцы на лодках ударили королю в тыл; и настолько приблизились к врагу, что сумели поджечь укрепления короля. Король Кристиан увидел: его воинам, находящимся возле монастыря, приходится туго, они вот-вот потерпят поражение. Тогда он послал им на помощь войско, стоявшее на холме. Началась отчаянная схватка; герру Стену пришлось отступить; и он уже

чуть было не проиграл сражение, но тут на подмогу подоспел герр Нильс Стуре. Он подошел к Брункебергу с тыла, из лесу, с большим войском. Еще один отряд выступил из Стокгольма; знаменосцем в том отряде был Кнут Поссе.

Тогда шведы вновь прижали короля со всех сторон; Кнут Поссе яростно наступал и очутился так близко от короля, что тот своей рукой нанес ему тяжелую рану. А король получил в рот заряд из гаковницы, лишился нескольких зубов и бежал на корабль. Также и воины короля, обратившись в бегство, устремились к мосту... Но бюргеры, подплыв на лодках, так подрубили мост, что, когда на нем очутилось много людей, он рухнул, и множество народу утонуло. И многие лодки оказались настолько переполнены, что потонули; затонуло великое множество людей. Возле Данабрука — главного знамени короля — полегло более пятисот человек, и еще множество убитых лежало тут и там. Около девятисот человек были взяты в плен... Были убиты и большинство бондов, что выступили на стороне короля Кристиана. Немногие из них добрались до кораблей; датчане хотели было выбросить их за борт. Но король не допустил этого, а приказал высадить их на берег.

В шведской историографии эта победа долгое время преподносилась как веха в освободительной борьбе шведов. Современные историки уточняют: сражение 1471 г. явилось прежде всего итогом противостояния двух шведско-датских дворянских группировок.

После брункебергской победы 1471 г. над войсками Кристиана I в Швеции сложилась следующая расстановка сил. Стен Стуре старший стремился к закреплению успеха и к упрочению собственных позиций. Вокруг правителя сплотились те представители общества (из числа дворян, бюргеров, вольных горняков, свободных крестьян), чаяния которых были связаны с независимостью Швеции и наличием сильной центральной власти. Таким людям правитель и адресовал свою политическую пропаганду.

В историографии нет единого суждения по вопросу о том, можно ли считать Стена Стуре старшего непримиримым противником унии с Данией и Норвегией. По мнению некоторых исследователей, этот правитель, напротив, являлся умеренным сторонником унии. Так или иначе, Стен Стуре старший был лидером «прошведской» группировки аристократии – наименее лояльной по отношению к датскому королю.

Напротив, для оппозиционеров, недовольных политикой регента, была характерна ориентация на Данию, стремление к компромиссу с датским королем. Лидерами оппозиции стали бывшие союзники Стена Стуре – аристократы из клана Аксельссонов, шведской ветви датского рода Тоттов. Наряду с политической борьбой (и в связи с ней) между регентом и Аксельссонами (и вообще между представителями

аристократии) шла напряженная борьба за лены и поместья.

В изменившихся условиях еще более возросла роль Государственного совета Швеции, по сути превратившегося в орудие стремившейся к всевластию аристократии. Изменения отразились в новой присяге риксрода. Члены риксрода нового образца присягали на верность не королю, а королевству — фактически сами себе; они получали право самостоятельно действовать от имени королевства. Решениям риксрода должны были подчиняться регент и другие высшие должностные лица. Члены совета обязывались блюсти тайну в том, что касается государственных интересов и частных интересов собратьев по риксроду. В новой присяге содержалось беспрецедентное обязательство не участвовать в каких-либо действиях, имеющих целью нанесение ущерба члену риксрода или его имуществу. Таким образом, риксрод того времени являлся мощным противовесом правителю.

Возобновившиеся в 1470-х годах переговоры об унии имели место на фоне следующих основных противоречий: 1) между регентом и риксродом; 2) между регентом и Аксельссонами; 3) между шведскими аристократами (в особенности регентом) и датским монархом. Важное значение для Швеции имели и разногласия между датским королем и магнатами Норвегии, недовольными политикой монарха в отношении этой страны.

Вскоре после завершения военных действий в январе 1472 г. шведский риксрод обратился к Государственному совету Дании, предложив начать мирные переговоры. Потерпевшие военное поражение датчане были вынуждены откликнуться на эту инициативу. В мае 1472 г. к Стену Стуре перешли остававшиеся в руках датчан стратегически важные Кальмарский и Боргхольмский замки. Вслед за этим в Кальмаре 2 июля того же года был подписан шведско-датский договор о вечном мире и взаимопомощи в случае войны.

В договор вошло соглашение о том, что спорные вопросы, включая вопрос о притязаниях Кристиана I на шведский трон, будут решены на особой встрече членов датского и шведского риксродов. Встречу назначили на июль 1473 г. Однако разбирательство по спорным вопросам неоднократно переносилось и состоялось лишь на четвертой подобной встрече в 1476 г. Там было достигнуто принципиальное соглашение о признании Кристиана I шведским королем на условиях, сформулированных шведами¹¹⁰. Король, в соответствии с Ландслагом, обязался править Швецией, руководствуясь шведскими законами, и не чинить кому-либо из своих шведских подданных ущерб иначе как в законном

¹¹⁰ Содержание этих условий изложено в монографии: *Carlsson G. Kalmar recess 1483. S. 5–8.*

порядке по приговору местного суда¹¹¹. Впервые в истории шведского законодательства за подданными короля признавалось право на восстание: если монарх нарушит свои обязательства, то государственные советники и «достойные мужи» всех трех королевств должны пресечь это злоупотребление; при этом не будет считаться, что они нарушили присягу, которую дали королю. Монарх не должен жаловать или отбирать лены по своему усмотрению, без содействия риксрода; после его смерти верховные права на замковые лены перейдут к четырем достойным людям на все время отсутствия у страны короля. Монарху разрешается отдавать в залог замки, земли и лены только в случае крайней необходимости и только с совета риксрода. Налоги и другие поступления в казну должны оставаться в пределах королевства, ими должен ведать камермейстер (казначей), назначенный риксродом из числа членов риксрода же; он должен быть подотчетен риксроду и королю. Экстраординарные налоги следует взимать в порядке, утвержденном в Ландслаге. Когда король не пребывает в Швеции, страной должны править высшие должностные лица – дротс и марск, назначенные королем с совета риксрода. Должностные лица и придворные короля должны являться уроженцами Швеции. Риксрод имеет право

¹¹¹ *Carlsson G. Kalmar recess 1483. S. 5.*

навсегда изгнать из своих рядов человека, который разгласил тайну Государственного совета. Король не имеет права пользоваться доходами короны в Швеции, покуда он не уплатит долги, ранее сделанные в этой стране. Ему надлежит немедленно в судебном порядке разрешить вопрос о правах на спорные территории, в том числе экономически и стратегически важный остров Готланд. «Все достойные люди» (фактически в первую очередь Аксельссоны) должны получить назад земельные владения, которых они лишились в ходе военных действий. Королю надлежало принять на себя ряд обязательств в отношении различных слоев населения Швеции, а также в отношении монеты и таможенных правил. Наконец, среди условий шведов содержалось требование, чтобы провозглашение короля в каждом из трех скандинавских королевств совершалось после специальной встречи государственных мужей этих трех королевств. Участники встречи должны договориться относительно единой кандидатуры короля. В случае, если договориться на этот предмет не удастся, между королевствами, тем не менее, должен сохраниться мир и союз. Вопросы, связанные с соблюдением условий унии, подлежали обсуждению на ежегодных совещаниях представителей трех стран. Такие встречи предлагалось проводить поочередно в Йенчёпинге, Хальмстаде и Нью Лёдёсе.

Таким образом, текст кондиций от 1476 г. содержал подробную, широкомасштабную конституционную программу шведских аристократов. Фактически этот текст являлся одним из прообразов Кальмарского рецесса 1483 г.¹¹²

Кондиции не были безоговорочными: они подлежали утверждению со стороны короля. Кристиан I не участвовал в переговорах, но пребывал в городе Роннебю – неподалеку от шведско-датской границы. Туда ему был доставлен проект условий, которые король подверг значительному редактированию¹¹³. Он удалил раздел о праве на восстание и заменил его противоположным: об обязанности жителей всех трех королевств содействовать королю в подавлении восстаний. В дополнение к параграфу о праве Государственного совета изгонять из своих рядов человека, разгласившего тайну риксрода, король оговорил за собой аналогичные полномочия в отношении советников, разглашающих тайну короля. Обязанность немедленно уплатить шведские долги была заменена обязательством по мере возможности сделать это в будущем. Важные изменения были внесены в раздел о наследовании престола. Согласно поправке, внесенной Кристианом I, решение

¹¹² Ibid. S. 8.

¹¹³ Ibid. S. 9–11; *Enemark P. Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad*. S. 86–87.

о кандидатуре преемника надлежало принимать при жизни правящего короля, а не после его смерти. Параграф о невмешательстве монарха в церковные выборы был заменен положением, согласно которому епископы, аббаты и другие прелаты после избрания должны являться к королю, представляться и приносить клятву верности. В текст кондиций было внесено еще несколько поправок, сделанных в интересах короля.

Новая редакция условий не устроила Стена Стуре и многих других шведских аристократов¹¹⁴. Летом 1477 года в послании, созданном по итогам состоявшегося в Стренгнесе риксдага, Кристиану I было категорически отказано в признании его шведским королем. Отношения между Швецией и Данией вновь резко ухудшились, и в начале 1480-х годов дело чуть было не дошло до вооруженного столкновения.

Смерть Кристиана I (1481 г.) и восшествие на датский престол его старшего сына Ханса создали возможность для нового этапа переговоров. Политическая обстановка в Северной Европе к этому времени несколько изменилась. С одной стороны, обострились противоречия между Стеном Стуре и Аксельссонами; предметом конфликта стал спор о правах на престижные, экономически и стратегически значимые лены в Восточной

¹¹⁴ *Carlsson G. Kalmar recess 1483. S. 12.*

Финляндии¹¹⁵. Поэтому в шведской аристократии не было единства, и датский король мог рассчитывать на поддержку Аксельссонов. С другой стороны, ухудшились отношения Дании с норвежскими аристократами, которые имели немало претензий к датской короне и в связи с этим стремились к сближению со шведскими магнатами¹¹⁶.

Вопрос о восстановлении унии был вынесен на совещание скандинавских аристократов летом 1482 г. Местом встречи был вновь избран Кальмар; норвежцы заявили, что для них это крайне неудобно, и потребовали, чтобы совещание проводилось в городе Нью Лёдесе — то есть не на юго-востоке, а на юго-западе Скандинавского полуострова. Требование не было удовлетворено, и норвежская делегация на переговоры не прибыла.

Встреча приняла характер двусторонних шведско-датских переговоров. Было принято решение о возобновлении тройственной унии и выработан (преимущественно на основе шведских требований) проект нового союзного договора. Прообразом соглашения явились кондиции 1476 года. Кроме того, были частично учтены поправки, сделанные в Роннебю Кристианом I, приняты во внимание норвежские и датские требования, а также использованы тексты более ранних

¹¹⁵ См.: *Palme S.-U. Sten Sture den äldre. S. 92.*

¹¹⁶ См.: *Carlsson G. Kalmar recess 1483. S. 17.*

соглашений, в том числе, по всей видимости, союзного договора 1397 года¹¹⁷.

Из проекта союзного договора от 1482 г.

...король должен править этими тремя королевствами, замками, городами, землями и ленами согласно писаным законам, привилегиям, вольностям и добрым древним обычаям каждого из королевств...

Также король не должен принимать иноземцев в свой совет и не должен жаловать им земли и лены ...

Также ни одно королевство не должно отстраниться от другого, вступив с ним в распрю или ссору; но что постигнет одно из них – будь то война либо какое-нибудь иное злодеяние... то должно постигнуть все [три] страны. И каждое из королевств должно прийти другому на помощь... но таким образом, чтобы указанные королевства полностью блюли права друг друга и оказывали друг другу надлежащий почет...

Также к[ороль], должен проводить один год в Швеции, другой – в Дании, третий – в Норвегии...

Также к[ороль], к чести и достоинству означенных королевств, да обеспечит... чтобы Уппсальский и Копенгагенский университеты на вечные времена обладали надлежащими полномочиями.

...И полностью, во всех отношениях как сказано выше, между жителями всех этих трех королевств, чьими бы союзниками они ранее

¹¹⁷ Подробно см.: *Carlsson G. Kalmar recess 1483. S. 20–29.*

ни являлись, должен быть взаимно прощен обоюдный ущерб... Если же, да не будет на то воля Божья, какой-либо государь, к[ороль] или королева, или кто-либо другой дерзнет поступить... вопреки вышесказанному, то государственные советники, епископы, прелаты, рыцари, свены, бюргеры торговых городов и простой народ всех трех королевств да будут обязаны, ради своей чести и в силу присяги, оказать сопротивление тем, кто нарушит вышесказанное, и эти действия никоим образом не будут с их стороны правонарушением против к[ороля], короны или кого-либо еще.

...Также к[ороль] должен с совета и согласия всего риксрода посылать от каждого королевства троих членов риксрода — одного епископа и двух представителей рыцарства — на ежегодные встречи... Там должны обсуждаться, ежели возникнут, важные вопросы касательно событий, могущих привести к раздорам и беспорядкам как внутри королевств, так и между ними, и должны приниматься решения о мерах, ведущих к восстановлению согласия между королевствами и спокойствия внутри них.

Также если случится, да не будет на то воля Божья, что кто-то один или множество людей поднимут восстание против к[ороля] или королевства или тех, кто был единодушно избран риксродом на должность регентов, то все жители королевства, и богатые, и бедные, ради своей чести, жизни и владений должны со всей преданностью посодействовать тому, чтобы усмирить и пресечь это восстание и свершить правосудие над теми, кто его поднял, согласно тому, что предписывает закон. Если же случится так, что жители этого королевства не смогут

подавить восстание своими силами, то другие два королевства ради своей чести должны всеми силами, со всей преданностью помочь усмирить и пресечь это бедствие.

Равным образом, король не должен творить беззаконие или насилие над лицами духовными и светскими, богатыми и бедными в отношении их жизни, здоровья или имущества, и не должен заключать людей в темницу, если только виновность обвиняемого не доказана в судебном порядке в той стране, где было совершено преступление.

Если же король поступит вопреки вышесказанному, то да будут все достойные люди этих трех королевств обязаны его на этот счет вразумить. Если же, да не будет на то воля Божья, он не даст себя вразумить, тогда жители всех этих трех королевств, ради своей чести, должны со всей преданностью способствовать пресечению соответствующих его действий...

Однако вопрос о фактическом возобновлении унии требовал участия делегатов всех трех королевств. Была назначена новая встреча скандинавских магнатов в Хальмстаде в январе 1483 года, на которую прибыл король Ханс. Но на сей раз на переговоры не явилась шведская делегация. Поводом (или причиной) неявки стал приступ глазной болезни, случившийся (или якобы случившийся) со Стеном Стуре, когда он и остальные шведские делегаты уже находились в пути.

Переговоры приняли двусторонний характер. Их результатом явилось создание Хальмстадского рецесса (1 февраля 1483 г.) —

договора об условиях признания Ханса норвежским монархом. В значительной степени документ был основан на проекте союзного договора 1482 г., однако в большей степени защищал интересы датской короны и норвежских аристократов¹¹⁸. Вопрос о возведении Ханса на шведский престол остался открытым. Для его решения было назначено очередное кальмарское совещание, которое началось в конце августа 1483 г.

Результатом совещания стал датированный 7 сентября документ — Кальмарский рецесс 1483 г. Многие из его положений в той или иной редакции имелись и в более ранних постановлениях и проектах — кондициях 1476 г., проекте 1482 г., Хальмстадском рецессе. Это относится, например, к обязательствам править в соответствии с местными законами и обычаями, не отдавать без крайней необходимости в залог замки, города и лены, не вмешиваться в церковные выборы, не сокращать имущество и доходы короны.

Вместе с тем наряду со множеством положений, уже ставших традиционными для межскандинавских соглашений, в Кальмарский рецесс вошли и новые пункты. Так, в соответствии с Ландслагом, в текст рецесса было включено требование: в каждой шведской области должна иметься комиссия-нэмд, обеспечивающая исполнение судебных приговоров.

¹¹⁸ *Carlsson G. Kalmar recess 1483. S. 34–35.*

Значительно расширились права фрельсе, связанные с укреплением усадеб: такие усадьбы-крепости, согласно рецессу, нельзя отбирать у владельцев; на их территорию можно не допускать короля; в них дозволено временно укрываться, спасаясь от королевского гнева. Королю запрещалось неуважительно отзываться о подданных и публично обвинять их в чем-либо, если вина не доказана в судебном порядке. В текст были включены и другие новшества, в той или иной степени отражающие интересы фрельсе и других социальных групп Швеции.

Из Кальмарского рецесса

Мы, Ханс, Божьей милостью король Дании, Норвегии... избранный король Швеции... объявляем, что за ту любовь и добрую волю, которую нам изъявили эти вышеуказанные три королевства, мы обещаем и клянемся... блюсти все нижеследующие положения и статьи.

Прежде всего, мы желаем и должны превыше всех вещей любить Бога и святую церковь и крепить право ее служителей...

Также мы должны править этими тремя королевствами, замками, городами, землями и ленами согласно писаным законам, хоннфестнингам, постановлениям, вольностям, привилегиям и добрым древним обычаям...

Также мы не должны принимать в свой совет иноземцев и жаловать им земли, замки и лены, за исключением тех иноземцев, которые ныне в чести. И мы должны править

нашими королевствами и нашими усадьбами при посредстве достойных местных уроженцев...

Также в отношении того, что от Норвежского королевства в прошедшие годы... было отторгнуто — будь то земли, замки, города, доходы, рента или что бы то ни было, мы, ради Бога и нашей королевской клятвы, должны, употребив все силы, обеспечить, чтобы все это безусловно и полностью, при первой же возможности... вернулось к норвежской короне; также и Шведскому королевству помочь в законном порядке вернуть Готланд, Скордаль и Сурте...

Если же мы или кто-либо другой, да не будет на то Божья воля, дерзнет поступить или распорядиться вопреки вышесказанному, то государственные советники, епископы, прелаты, рыцари и свены, бюргеры торговых городов и простой народ всех трех королевств да будут обязаны, ради своей чести и в силу присяги, оказать сопротивление нам или соответствующему человеку, который не хочет соблюдать вышесказанное. И эти их действия ни в коем отношении не будут с их стороны преступлением против нас, короны или кого-либо другого. И сверх вышеперечисленного, все пленные со всех сторон должны быть освобождены и отпущены. А если случится, да не будет на то воля Божья, что кто-либо один или множество людей поднимут восстание или взбунтуются против нас или против какого-либо королевства, или против того, кого члены риксрода единодушно изберут правителем королевства по смерти короля, то мы и все жители королевства, и богатые, и бедные, ради своей чести, жизни и владений

должны со всей преданностью посодействовать тому, чтобы усмирить и пресечь это восстание и свершить правосудие над теми, кто его поднял, согласно тому, что предписывает закон.

...Если же мы поступим вопреки вышесказанному, то да будут все достойные люди этих трех королевств обязаны нас на этот счет вразумить. Если же, да не будет на то воля Божия, мы не дадим себя вразумить, тогда жители всех трех королевств ради своей чести должны со всей преданностью способствовать пресечению соответствующих наших действий. И это не будет с их стороны нарушением клятвы верности, которую они нам принесли, поскольку, если мы совершим такой произвол и беззаконие, это будет и преступлением против нашей королевской присяги и чести; и как все обязаны блюсти право, так и все обязаны добиваться правосудия от нас и нашего риксрода, если кто-то имеет к нам иск в судебном порядке.

Также мы не должны облагать народ или торговые города в каком-либо из королевств налогом или повинностью иначе как с совета всего риксрода, с дозволения епископов, прелатов и рыцарства и с одобрения представителей народа, согласно закону.

Кальмарский рецесс по форме не являлся межгосударственным договором¹¹⁹. Он но-

¹¹⁹ В обоих экземплярах — шведском и датском — стороны перечислены в одинаковом порядке: сначала шведы, потом датчане. Это являлось нарушением традиции: следовало, чтобы в шведском

сил характер официального совместного заявления, созданного в двух вариантах — на шведском и датском языках — и подлежащего утверждению со стороны монарха. Однако король Ханс не ратифицировал рецесс. Причина заключалась, по-видимому, отчасти в нежелании суверена решать в судебном порядке спор о правах на Готланд, отчасти в общем недовольстве короля выгодными для шведов условиями, сформулированными в документе¹²⁰. На очередных шведско-датских переговорах в Кальмаре в 1484 г. был заключен лишь договор о вечном мире; вопрос о возведении Ханса на шведский престол положительного разрешения не получил.

Речь о Кальмарском рецессе как своего рода политической конституции Швеции вновь зашла десятилетие спустя, когда обострились противоречия между Стеном Стуре

экземпляре на первом месте стояли шведы, а в датском — датчане. Традиция нарушена и при упоминании договаривающихся королевств (в обоих текстах Швеция всегда упомянута первой) и при скреплении печатями (в обоих случаях шведские печати стоят первыми). При заключении международного соглашения полагалось совершить обмен экземплярами. Данное правило также не было соблюдено: шведский экземпляр остался в Швеции, а датский в Дании. См. коммент. У.-С. Рюдберга к тексту источника: *Sveriges Traktater*. Bd. III. S. 371.

¹²⁰ См.: *Carlsson G. Kalmar recess 1483*. S. 41–60.

старшим и аристократами-оппозиционерами, сделавшими ставку на восстановление унии. В мае 1494 года уполномоченные от шведского риксрода и представители короля Ханса заключили соглашение о переговорах на предмет вступления Кальмарского рецесса в силу. Летом того же года риксрод Швеции потребовал, чтобы Стен Стуре соблюдал Кальмарский рецесс в том объеме, в каком его должен соблюдать король, а также лично возвел датского монарха на шведский престол.

В ответ в феврале 1495 г. Стен Стуре заявил лидеру оппозиции архиепископу Якобу Ульфссону, что никогда не одобрял упомянутый рецесс и скрепил его печатью, лишь подчинившись решению большинства. Весной правитель провел в Линчёпинге всеобщее собрание с участием представителей бондов всех областей, включая далекарлийцев, а также бюргеров и горняков. Делегаты заявили, что не желают иметь в Швеции иноземного государя. Аристократам пришлось временно отступить¹²¹.

В 1497 г. отношения правителя и сплотившихся вокруг архиепископа оппозиционеров вновь обострились. Противники регента потребовали его отставки. Правитель отвечал, что избран на должность с одобрения

¹²¹ Carlsson G. Kalmar recess 1483. S. 50–53; Rosén J. Svensk historia. S. 325–326.

представителей сословий и только в таком же порядке он может быть смещен¹²².

Конфликт опиравшегося на народ регента и его противников-аристократов вскоре вылился в вооруженную борьбу. Войска Стена Стуре сожгли и разграбили несколько церковных владений, в том числе принадлежащих архиепископу, а также осадили замок Альмарестэкет, где укрылись архиепископ и светские оппозиционеры. В ответ архиепископ отлучил правителя от церкви. В этих условиях вторжение короля Ханса в Швецию приняло форму защиты интересов духовенства.

Датский монарх нанес поражение войскам Стена Стуре и был коронован на условиях всеобщей амнистии и соблюдения Кальмарского рецесса. В действительности некоторые важные положения рецесса король в дальнейшем нарушил. Одним из нарушений являлось провозглашение сына короля – принца Кристиана наследником шведского престола с условием, что верховные права на замковые лены перейдут к нему тотчас же после смерти отца.

Вскоре после прихода Ханса к власти в рядах магнатов, в том числе бывших союзников датского короля, возникло недовольство монархом. Аристократы надеялись, что король щедро наделит их ленными

¹²² *Enemark P. Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad. S. 104.*

пожалованиями, однако надежды не оправдались. В 1501 году вспыхнуло восстание, возглавленное Стеном Стуре старшим и его бывшим противником Сванте Нильссоном. Ханс был свергнут со шведского престола под предлогом того, что не соблюдал Кальмарский рецесс, обложил Швецию налогами и насаждал в ней датских фогдов. Восстание, принявшее характер крупномасштабной войны, привело к освобождению от датчан почти всей Швеции.

В дальнейшем Кальмарский рецесс не рассматривался шведами и датчанами как основополагающий политический документ. Содержание рецесса во многом не устраивало как шведских правителей, так и датских королей: и те, и другие стремились к усилению своей власти и не хотели считаться с ее ограничениями.

Кальмарский рецесс стал частью истории, вехой в скандинавской политико-правовой мысли. Для нас он интересен как документ, в котором изложена политическая программа скандинавской (особенно шведской) аристократии и отражены требования других сословных групп, а также государственные интересы Швеции и других северных стран.

Глава VII

Стокгольмская кровавая баня

Стокгольмская кровавая баня — расправа, учиненная в ноябре 1520 года королем Кристианом II над шведскими оппозиционерами, — стала одним из самых драматичных событий не только скандинавской, но и вообще европейской истории. Она произвела глубокое впечатление на современников, а впоследствии широко обсуждалась историками.

Ноябрьские события явились итогом противостояния последних королей унии и шведских регентов, которые добивались усиления своей власти и контроля над ресурсами Швеции и во многом в связи с указанными целями взяли курс на достижение независимости Швеции от Дании.

В 1501 году Стен Стуре старший объявил о разрыве с королем Хансом. Его политику продолжил регент Сванте Нильссон (1504–1511). В свою очередь, Ханс при широкой международной поддержке добивался восстановления своих прав на шведский престол.

Согласно достигнутой в мае 1504 г. договоренности, противоречия надлежало разре-

шить на встрече шведских, датских и норвежских делегатов в Кальмаре, назначенной на июнь 1505 г. Однако шведские делегаты на переговоры не явились.

Тогда король устроил в Кальмаре судебное разбирательство. Суд, который состоял из членов государственных советов Дании и Норвегии, признал покойного Стена Стуре старшего, правящего регента Сванте Нильссона, а также нескольких сторонников этих правителей виновными в мятеже против законного монарха. Владения подсудимых подлежали конфискации; короля следовало восстановить на шведском престоле.

По просьбе датских и норвежских аристократов приговор был утвержден императором Священной Римской империи, который призвал весь христианский мир к торговой блокаде и политической изоляции мятежного Шведского королевства.

Но вскоре между шведами и датчанами возобновились переговоры. Датская сторона предложила три возможных условия примирения: 1) реставрация Ханса; 2) признание шведским королем наследника датского престола Кристиана (будущего короля Кристиана II); 3) уплата ежегодной дани в пользу датской короны. Для достижения мирного соглашения шведы должны были соблюсти одно из перечисленных условий.

Одновременно с этими событиями (и во многом в связи с ними) обострились проти-

воречия между Сванте Нильссоном и аристократами, которых возглавляли архиепископ Якоб Ульфссон и два светских магната — Эрик Турессон и Эрик Тролле. Их сторонники, в отличие от регента и его сподвижников, склонялись к компромиссу с датским королем. Во многом благодаря архиепископу Якобу и его сторонникам 17 августа 1509 г. в Копенгагене был заключен мир между Швецией и Данией. Шведы признали права Ханса на престол и вплоть до утверждения Ханса или Кристиана в королевских полномочиях обязались платить дань.

Спустя некоторое время в рядах шведских аристократов возникли разногласия относительно того, следует ли соблюдать условия мира. Сванте Нильссон заявил: шведские представители нарушили инструкции и заключили мир на невыгодных условиях.

Противники соблюдения мира, очевидно, учитывали благоприятные внешнеполитические изменения. Противоречия между городами вендской Ганзы и королем Хансом, который стремился к контролю над балтийскими морскими путями и покровительствовал голландцам — конкурентам ганзейцев, привели к тому, что вендские города с апреля 1510 г. объявили датскому королю войну.

Через некоторое время, в мае-июне 1510 года, Сванте Нильссону и его ближайшим сторонникам удалось склонить на свою сторону шведский риксрод, добившись отка-

за от уплаты дани королю Хансу. Военные действия между Швецией и Данией возобновились и в течение почти двух лет шли с переменным успехом.

Вскоре достигли кульминации противоречия между Сванте Нильссоном и шведскими оппозиционерами. В 1511 году риксрод потребовал отставки герра Сванте, обвинив в нарушении обязательств, в произволе при распределении ленов и в обложении народа незаконными поборами. Однако регента поддержали союзники – бюргеры Стокгольма и бонды Даларны. Для разрешения конфликта было назначено совещание, которое должно было состояться в январе 1512 г. Однако за несколько дней до совещания Сванте Нильссон внезапно скончался.

После смерти регента началась борьба, предметом которой являлось избрание нового правителя. Сподвижники Сванте Нильссона поддержали кандидатуру его сына – двадцатилетнего Стена Свантессона (Стена Стуре младшего), который опирался на верных ленников и замковых фогдов, а также проводил традиционную для шведских регентов агитацию в народных массах. Оппозиция сделала ставку на одного из своих лидеров – аристократа Эрика Тролле.

В прямой связи с предвыборной борьбой магнаты – сторонники Тролле – заключили летом 1512 г. в Мальмё новый мирный договор с Данией, пообещав соблюсти

договоренности, достигнутые ранее в Копенгагене. Оппозиционеры связали себя круговой порукой, обязавшись сообща, в том числе, если потребуется, вооруженным путем, добиваться соблюдения условий шведско-датского соглашения, а также привилегий и прав риксрода¹²³.

Политическая борьба в Швеции, чуть не перешедшая в конфронтацию, завершилась компромиссом. В июле 1512 г. Стен Стуре младший был провозглашен регентом на условии уступок магнатам. Члены риксрода получили значительные полномочия в вопросе распределения замковых ленов; духовенству было обещано невмешательство светской власти в назначение на церковные должности. Правитель обязался соблюдать договоренности, достигнутые в Мальмё.

В действительности Стен Свантессон продолжил политику отца, не желая идти навстречу датчанам. Дважды, в 1513 и 1515 годах, возобновлявшиеся шведско-датские переговоры увенчались лишь соглашениями о перемирии. В 1517 году на очередных переговорах шведские делегаты заявили: правитель Швеции не намерен соблюдать договоренности, достигнутые в Мальмё. Вскоре король Кристиан II (сменивший на датском троне умершего в 1513 г. отца), заключив союз со Священной

¹²³ См.: Sveriges traktater / Utg. O. S. Rydberg. Stockholm, 1895. S. 570–578.

Римской империей и Россией, возобновил военные действия против Швеции.

К тому времени в Швеции произошли важные изменения. В 1514 году престарелый архиепископ Якоб Ульфссон сложил полномочия и пожелал, чтобы преемником стал молодой настоятель линчёпингского кафедрального собора Густав Тролле – сын Эрика Тролле, соперника Стена Стуре в борьбе за власть.

Регент получил от Якоба Ульфссона обещание: новый архиепископ будет лоялен по отношению к правителю. В действительности новоизбранный архиепископ, заранее осуществив приготовления¹²⁴, пошел на столкновение со Стеном Стуре. Конфликт архиепископа и правителя (одним из поводов к которому послужил спор о правах на замковый лен Альмарестэкет) носил политический характер.

¹²⁴ От папы Льва X, рукоположившего Тролле, архиепископ получил разрешение отпускать грех кровопролития священнослужителям Уппсальского и Абовского диоцезов (под предлогом близости этих епархий к Руси и, соответственно, опасности нападения со стороны русских). Папа также дозволил архиепископу держать под своим личным командованием вооруженный отряд в 400 человек, дабы защищать и отвоевывать у светской власти церковную собственность. Кроме того, Густав Тролле заручился подтверждением прав Уппсальского архиепископства на замковый лен Альмарестэкет и разрешением налагать отлучение на тех, кто вознамерится попать эти права.

Стен Стуре конфисковал собственность, относящуюся к спорному лену, а осенью 1516 г. начал осаду замка Альмаре-Стэкет, где пребывал архиепископ. В связи с этим лундский архиепископ Биргер Гуннарсен (по праву примаса Швеции – номинального главы фактически самостоятельной шведской церкви) 2 июля 1517 года отлучил от церкви Стена Стуре и его сторонников и потребовал, чтобы жители Швеции признали власть Кристиана II. Начатые датским королем военные действия приобрели характер защиты прав церкви.

Поход Кристиана II на Швецию, предпринятый летом 1517 года, закончился неудачей: датские войска потерпели поражение от шведов в сражении близ Вэдлы, к северу от Стокгольма. Воспользовавшись успехом, Стен Стуре и его сторонники созвали риксдаг, на который был вынесен вопрос о судьбе Густава Тrolле. 23 ноября 1517 г. собрание приняло решение, грубо попирающее нормы канонического права: низложить мятежного архиепископа и сравнять с землей замок Альмаре-Стэкет.

В итоговом постановлении участники обязались сообща нести ответственность за решения – даже если последуют санкции со стороны римской церкви. Замок Альмаре-Стэкет был захвачен войсками регента и разрушен. Архиепископа заключили в тюрьму и заставили обратиться к папе с просьбой о сложении полномочий.

На некоторое время номинальным главой шведской церкви стал папский легат Джан-анджело Арчимбольди, прибывший в Швецию отчасти с миротворческой миссией, отчасти для продажи индульгенций. По просьбе Стена Стуре Арчимбольди согласился выполнять обязанности архиепископа и обещал регенту добиться, чтобы папа утвердил отставку Тролле. После этого по соглашению регента и легата Арчимбольди надлежало официально стать архиепископом. Было оговорено: правитель будет взимать в свою пользу все архиепископские доходы и из них выплачивать главе шведской церкви ежегодное содержание.

Почти в то же время, летом-осенью 1518 года, состоялся второй поход Кристиана II на Швецию, также окончившийся неудачно для датского короля. Нанеся поражение датским войскам, Стен Стуре вынудил короля снять осаду Стокгольма и заключить перемирие. Вскоре король отплыл в Данию и в нарушение перемирия увез шестерых заложников, в том числе молодого дворянина Густава Эрикссона (Васу) – впоследствии короля Швеции.

Ситуация, таким образом, складывалась благоприятно для шведского правителя. Положение изменилось, когда папа Лев X, получив письменную жалобу от Густава Тролле, поручил расследование итальянскому епископу Иерониму Гинуччи. Основываясь на результатах расследования, папа потребовал, чтобы Стен Стуре и его сподвижники освободили

Густава Тrolле, вернули церкви имущество и явились в Рим, дабы держать ответ.

Так были сведены на нет соглашения, достигнутые между шведским правителем и Джананджело Арчимбольди. Более того, датские духовные лица — архиепископ Лундский и епископ Роскильльский — отлучили от церкви Стена Стуре и его сторонников, а также наложили на Швецию интердикт (запрет на совершение богослужений). Датский король получил еще более широкие возможности, чтобы действовать в качестве защитника интересов и прав церкви.

В январе 1520 г. армия Кристиана II под командованием военачальника Отте Крумпе вторглась в Швецию по суше, с юга. Стен Стуре, возглавлявший войска, вышедшие навстречу датской армии, был ранен и спустя некоторое время, 3 февраля 1520 года, скончался по дороге в Стокгольм, куда его везли в санях по льду озера Меларен.

В результате этого происшествия и успехов датской армии шведская аристократия разделилась. Некоторые магнаты продолжили сопротивление, сплотившись вокруг вдовы Стена Стуре — Кристины Нильсдоттер (Юлленшерны). Значительная часть аристократов, возглавляемая стренгнесским епископом Маттиасом и светским магнатом Эриком Абрахамссоном, предпочла вступить в переговоры с датскими военачальниками и признать, на условиях амнистии, власть датского

короля, а также восстановить Густава Тролле в должности архиепископа.

Итогом переговоров явилось Уппсальское соглашение, заключенное 6 марта 1520 года. Шведские аристократы признали королем Кристиана II при условии, что тот будет править «с совета риксрода», а также блюсти законы и обычаи страны. Заключительным этапом явилась осада Стокгольма, который стал оплотом сподвижников Стена Стуре. После полугодовой осады и продолжительных переговоров 7 сентября 1520 года Стокгольм капитулировал на условиях амнистии участникам сопротивления.

Спустя месяц наступила кульминация. 1 ноября 1520 года на холме Брункеберг Кристиан II был провозглашен шведским королем. При избрании было подчеркнуто: Кристиан II получил власть над Швецией как наследный государь¹²⁵. 4 ноября 1520 г. в городской церкви Стокгольма состоялась коронация.

Спустя три дня, по истечении коронационных торжеств, в большом зале Стокгольмского замка в присутствии короля и лиц, приглашенных на коронацию, была оглашена письменная жалоба Густава Тролле. Покойный Стен Стуре и его сторонники обвинялись в ереси,

¹²⁵ То есть не как избранный в соответствии с традицией монарх, которому надлежит соблюдать содержащуюся в Ландслаге присягу и другие обязательства короля.

насилии над духовными лицами, незаконном присвоении церковного имущества и грубом нарушении папского распоряжения о прекращении богослужений в Швеции. Архиепископ потребовал огромного денежного возмещения и просил короля наказать обвиняемых.

В ответ Кристина Нильсдоттер, по-видимому, пытаясь доказать законность действий покойного мужа, предъявила акт, содержащий постановление от 23 ноября 1517 г. о коллективной ответственности за действия против Густава Тrolле. Опрометчивый поступок фру Кристины оказался роковым: грамота незамедлительно стала фигурировать как главное вещественное доказательство виновности Стена Стуре и его сподвижников.

Дальнейшие события, произошедшие в Стокгольмском замке вечером 7 ноября и утром следующего дня, освещены в немногочисленных, тенденциозных и противоречащих друг другу источниках, интерпретируются по-разному и могут быть восстановлены лишь приблизительно. По-видимому, по приказу короля группой шведских духовных лиц (при участии датского епископа Йенса Белленака) было произведено разбирательство по обвинениям, содержащимся в жалобе Густава Тrolле.

Из жалобы Густава Тrolле

...Все перечисленные в совокупности и каждый в отдельности, вкупе с умершим еретиком герром Стеном, сперва держали

меня в осаде одиннадцать недель и один год, а затем привели меня в Стокгольмскую ратушу, во всеуслышание объявили предателем, приговорили к бессрочному тюремному заключению, после чего держали под стражей два года, куда войска Вашего Величества не вступили в Швецию, после чего [Ваше Величество], как христианский государь, освободили меня из тюрьмы, что и сейчас по мне заметно. Стэкет — достойный замок святой церкви — они предали огню и сравняли с землей. Помимо этого, они изъяли из Уппсальского кафедрального собора и архиепископской усадьбы все принадлежащие мне и святой церкви драгоценности, золото, серебро, деньги, доспехи, огнестрельное и холодное оружие, скот и другое имущество...

...И всем моим клирикам, попавшим к ним в руки, — прелатам, каноникам и священникам — они оставили лишь столько, сколько те могли съесть за один раз. Также всех моих прелатов и священников всей моей епархии они... принуждали служить мессу вопреки запрету и предписаниям, исходившим от всего христианского мира.

Участники разбирательства постановили: покойный Стен Стуре и его сторонники виновны в отъявленной (т. е. очевидной, не требующей доказательства в обычном порядке) ереси. В Стокгольме состоялись массовые казни: лишились жизни более восьмидесяти человек — как ярых противников Кристиана II, так и людей, не имевших прямого отношения к оппозиции.

Ко всеобщему ужасу, первыми были казнены духовные лица: стренгнесский епископ Маттиас (авторитетный прелат, миротворец — посредник между шведами и королем) и скарский епископ Винсентиус (тоже не относившийся к числу непримиримых оппозиционеров). Казни подверглись многие дворяне и их слуги, а также множество бюргеров Стокгольма.

Тела казненных несколько дней лежали непогребенными, после чего их сожгли на костре. Тело Стена Стуре младшего было извлечено из могилы и предано огню. Спустя небольшое время по приказу короля состоялись казни в других городах и местностях Швеции и Финляндии.

Важнейшим документальным источником по истории Стокгольмской кровавой бани является датированный 8 ноября приговор (по другой версии — экспертное заключение), вынесенный четырнадцатью духовными лицами (в том числе архиепископом Густавом Тролле) покойному Стену Стуре и его сторонникам. Помимо собственно приговора, документ включает в себя дословную копию «жалобы» Густава Тролле (подлинник ее не сохранился). Источник дошел до нашего времени в виде пергаменной копии, хранящейся в Государственном архиве Дании.

В документе говорится: разбирательство имело место во исполнение предписания короля и в связи с жалобой Густава Тролле, с которой собравшихся ознакомил уппсальский

каноник местер Йен. Затем следует текст жалобы, которая, как сказано далее, за день до того была предъявлена тем же местером Йеном королю и риксроду. Сообщается, что вышеупомянутый местер Йен просил собравшихся вынести суждение: можно ли действия герра Стена и его сторонников, перечисленные в жалобе, расценить как ересь.

Документ завершается заключением, в котором говорится, что действия обвиняемых – злостное неповиновение римской церкви в вопросах, связанных с интердиктом, и клятвенное обязательство блюсти «нехристианский союз друг с другом» в случае санкций со стороны папской курии – должны по каноническому праву и по шведским законам расцениваться как отъявленная ересь.

Приговор скрепили своими печатями восемь из четырнадцати духовных лиц, от имени которых он создан; в числе привесивших печати были архиепископ Тролле, епископы Йенс Андерсен Белленак, Отте (Свинхувуд) и Ханс Браск.

Второй документ – донесение трех участников вышеупомянутого судебного разбирательства о событиях 7 и 8 ноября 1520 г. Все три автора донесения являлись членами уппсальского соборного капитула. Документ дошел до нас в двух списках, хранящихся в библиотеке Уппсальского университета и Государственном архиве Швеции.

Донесение, созданное по предписанию регента (впоследствии короля) Швеции Густава Эрикссона Васы, не датировано. По видимому, оно было написано незадолго до избрания Густава Васы королем Швеции, когда в связи с близким завершением освободительной войны и свержением Кристиана II со шведского престола создавались пропагандистские послания, где обосновывалась правомочность действий шведов. Цель донесения заключалась, таким образом, в предоставлении регенту сведений о преступлениях короля Кристиана.

В то же время из текста видно: авторы реляции стремились выгородить себя и других шведских священнослужителей — участников разбирательств 7 и 8 ноября, дабы не нести ответственность за события Стокгольмской кровавой бани. Поэтому, по справедливому мнению многих историков, донесение уппсальских каноников — источник субъективный и недостаточно достоверный.

В документе говорится: 7 ноября 1520 г. духовные лица по предписанию Густава Тролле явились в Стокгольмский замок. В час полудни ворота замка были заперты; началось судебное заседание, на котором председательствовал король. Архиепископ пожаловался Кристиану II на Стена Стуре младшего и его сторонников и потребовал компенсации ущерба, понесенного церковью и им лично. Король, не желая, чтобы приговор был

вынесен судом римской курии, убедил Густава Тролле ограничиться разбирательством в Швеции, пообещав требуемое возмещение.

Затем была предъявлена и оглашена «некая грамота», содержащая улики против лиц, скрепивших ее печатями. В ходе разбирательства люди, причастные к документу, пытались оправдаться. После наступления темноты многие из тех, кто находился в зале, были взяты под стражу.

На следующий день, в девять часов утра, духовные лица были вызваны в большой зал, где получили от епископа Белленака вопрос: следует ли людей, заключивших союз против римского папы, считать еретиками. Ученые мужи, не догадываясь, в какой связи задан вопрос, дали утвердительный ответ. В тот же день были казнены два епископа и множество других людей. Ответственность за злодеяния авторы донесения возложили на Кристиана II и его советника – вестфальского клирика Дидрика Слагека.

Из донесения каноников

...И герр Иоханес Белленаке, епископ Оденский, выйдя на середину, предложил собравшимся такой вопрос: следует ли людей, которые, скрепив себя общей клятвой, заключили между собой чрезвычайный союз против святого римского престола и наместника Христова папы, признать еретиками. На каковой вопрос ученые мужи – как сведущие в Священном Писании, так и сведущие в праве,

поразмыслив и посоветовавшись, ответили, что, согласно Евангелию и духовному праву, тот, кто будет уличен в вышеназванных действиях, должен считаться еретиком.

Сохранились еще два документальных источника, где повествуется о событиях Стокгольмской кровавой бани. Один из этих источников – датированная 9 ноября прокламация Кристиана II, адресованная жителям шведских областей¹²⁶. Предыстория расправы, содержание иска Густава Тrolле и заключения о виновности в ереси изложены близко к тексту заключения (или приговора) и отчасти в тех же выражениях.

Король сообщает: ученые мужи пришли к выводу, что герр Стен Свантессон и его приспешники причастны отъявленной ереси. В связи с этим монарх распорядился покарать виновных «так, как законы святого короля Эрика предписывают наказывать еретиков и отлученных людей». В заключительной части послания Кристиан II утверждает: если бы виновные не были казнены, существовала бы опасность отлучения от церкви всех жителей Швеции. Благодаря казням опасность удалось предотвратить.

Второй источник также создан от имени Кристиана II. Это сообщение о Стокгольмской кровавой бане, написанное в конце 1520 или

¹²⁶ Текст документа воспроизведен Л. Вейбуллем в работе: *Weibull L. Stockholms blodbad // Scand. Stockholm et al., 1928. Bd. 1. S. 13–14.*

в начале 1521 года, адресованное папе римскому¹²⁷. Там сообщается: после победы над шведскими противниками король созвал членов шведского риксрода, государственных мужей, бургомистров и родманов Стокгольма для разбирательства по вопросам, связанным с сопротивлением шведов королю. Представители архиепископов Якоба и Густава потребовали правосудия над лицами, чинившими насилие над духовенством и незаконно присвоившими церковную собственность. К ужасу короля, было предъявлено постановление от 23 ноября 1517 г., в котором шведские оппозиционеры связали себя круговой порукой и поклялись сообща отстаивать свое дело, в том числе перед лицом папы.

После оглашения документа королю пришлось покинуть зал: обнаружилось, что шведские заговорщики готовят покушение, намереваясь воспламенить запасы пороха. Слуги короля, раскрыв покушение, учинили самосуд над заговорщиками. В числе прочих, без ведома короля, были убиты епископы Маттиас и Винсентиус. Ответственность за события, приведшие к расправе, король возложил на Арчимбольди, чьи действия чуть не привели к разрыву шведской церкви

¹²⁷ Текст на латыни содержится в издании: Acta pontificum Danica. København, 1913. Vol. V. Сокращенный перевод на шведский язык приведен в работе: Weibull L. Stockholms blodbad. S. 14–16.

с римским престолом и к «схизме не меньшей, чем у наших соседей рутенов»¹²⁸.

Кроме документальных источников, существует множество повествовательных памятников, в которых излагается история Стокгольмской кровавой бани. Важнейшим из этих памятников является «Шведская хроника» Олауса Петри.

Мнение автора «Шведской хроники» относительно причин Стокгольмской кровавой бани вкратце таково. Ноябрьские события 1520 г. были отчасти вызваны затяжной враждой регента и архиепископа, не пожелавших пойти на примирение. Главным виновником трагедии явился король Кристиан II. Он сумел при помощи вероломных обещаний овладеть Стокгольмом и всей Швецией, а затем, используя в качестве предлога иск архиепископа, казнил множество людей, в том числе ни в чем не повинных.

При помощи таких действий король, по мнению Олауса Петри, хотел поработить шведов, превратить их в некое подобие прибалтийских зависимых крестьян. Расправы

¹²⁸ Рутены — обычное для латинских источников того времени наименование русских. Под «схизмой» в данном случае подразумеваются не разногласия внутри Русской православной церкви, а расхождения православного вероучения с римско-католической доктриной.

Кристиана II явились карой, которую Бог послал шведам за их грехи.

Олаус Петри о Стокгольмской кровавой бане

Следующим утром – на восьмой день после дня Всех Святых – король повелел всю трубить в трубу и во всеуслышание объявлять, чтобы никто не покидал свой дом и чтобы все оставались на своих местах. И в полдень он повелел вывести взятых по его приказанию под стражу Скарского и Стренгнесского епископов, рыцарей и их служилых людей на Стурторьет, дабы предать казни. И когда они, прибыв на площадь, стояли в оковах, а некоторые советники короля находились на балконе ратуши, Нильс Люке¹²⁹ обратился с речью к людям, стоявшим на площади, и просил не ужасаться совершаемой казни. Ибо, заявил он, его королевское Величество распорядился об этой казни, уступив мольбам архиепископа Густава, который трижды преклонил колени и просил покарать тех, кто учинил по отношению к нему произвол. И Люке изложил много подобных оправданий действиям короля.

Тогда епископ Винсентиус крикнул ему в лицо, что он лжет и что его король коварно обманул шведов. И он потребовал, чтобы остальным казнимым был предъявлен судебный приговор – дабы они знали, за что им предстоит умирать. И он обругал короля суровыми словами и заявил, что Бог накажет его

¹²⁹ Нильс Люке (Люкке) – норвежский аристократ, член Государственного совета Норвегии, приближенный Кристиана II.

за такое насилие и произвол. Также закричали закованные в кандалы Андерс Рут и Андерс Карлссон, взывая к шведам, чтобы те, видя чинимое над ними злодеяние, впредь не позволяли так постыдно обманывать себя лживыми грамотами и соглашениями и чтобы они, если могут, отомстили за это злодейство. И приведенные на казнь взывали к небесам об отмщении... И первым был казнен стренгнесский епископ Матс. Ему отрубили голову прямо перед ратушей; и отрубленную голову водрузили ему между ног — больше так не поступили ни с кем из казненных.

...На следующий день отрубили голову Кеттилю-писцу и еще шестерым или восьмерым. И тела казненных лежали на площади с четверга до субботы. И было больно и горько смотреть, как кровь вперемешку с водой и грязью, обычными в это время года, по водосточным желобам стекала с площади... Многие из казненных были схвачены в собственном доме, когда находились за работой и не ждали никакой беды. И их тотчас выводили на площадь и рубили им головы.

...В субботу, по распоряжению короля, на Сёдермальме был разведен большой костер, к которому волокли трупы и сжигали их там. Король распорядился извлечь из могилы мертвое тело герра Стена, которое более полугода пролежало в земле, вместе с телом грудного младенца, и приказал сжечь эти тела вместе с остальными.

О «Стокгольмской кровавой бане» существует обширная научная литература. Предметом дискуссии являются несколько вопросов.

Кто стал инициатором расправы – Кристиан II, Густав Тrolле или кто-либо еще? Произошла ли расправа спонтанно, или же была заранее запланирована? Каков был статус разбираательства по делу Стена Стуре и его сторонников? Был это суд или экспертиза? На основании каких правовых норм вынесено решение о виновности – особенно о приверженности к ереси? Ответы на эти вопросы различны.

К. Палудан-Мюллер считал: приговор был вынесен под нажимом со стороны короля, который желал придать расправе видимость судебного наказания. Исследователь основывал реконструкцию на донесении каноников и хронике Олауса Петри. Стокгольмская кровавая баня являлась, полагал он, импровизацией, вызванной тем, что Кристина Нильсдоттер предъявила постановление от 1517 г. До этого речь шла об удовлетворении иска прелатов о компенсации ущерба. Теперь же король и его советники получили предлог под видом суда над еретиками расправиться над противниками.

К. Эрслев отдавал предпочтение приговору и процитированной в нем жалобе как единственным в полном смысле слова документальным источником. Эрслев полагал: жалоба Тrolле была предъявлена светскому суду и предназначалась для получения компенсации. После того как всплыл акт 1517 г., дело было передано на рассмотрение церковного суда, который вынес обвинительный приговор. Расправа, возможно, планировалась, но

после обнаружения роковой грамоты приняла более крупный масштаб.

Л. Вейбулл также основывал свою версию событий на «жалобе» и приговоре, считая остальные источники тенденциозными и в значительной степени компилятивными. Теория Вейбулла заключалась в следующем. Шведских оппозиционеров нельзя было наказывать, не нарушив амнистии, объявленной Кристианом II. Обойти препятствие можно было, только обвинив указанных людей в ереси: обязательства, данные еретикам, теряли силу.

Кроме того, согласно церковным законам, имущество еретиков подлежало конфискации. Возможно, архиепископ рассчитывал, что из конфискованной собственности ему и другим прелатам будет выплачено возмещение. Однако перечисленные в жалобе Тролле действия обвиняемых по каноническому праву квалифицировались как раскол — схизма (наказанием за что являлось отлучение от церкви), но не как ересь (наказанием за которую являлась смертная казнь и сожжение на костре). Поэтому архиепископ без достаточных оснований выдвинул обвинение в отъявленной ереси, которая, в отличие от ереси обыкновенной, не требовала доказательств.

Затем обнаружился акт от 1517 года, и появилось доказательство приверженности обвиняемых ереси: начиная с XIII в. совместные клятвы и союзы подобного рода рассматривались католической церковью как еретические.

Был создан суд духовных лиц, который вынес заключение о виновности сторонников Стена Стуре и передал светским властям право вынести приговор (исполнение которого также возлагалось на эти власти). Кристиан II, таким образом, являлся не виновником, а исполнителем; ответственность за Стокгольмскую кровавую баню лежит на Густаве Тrolле и других шведских прелатах, которые возбудили процесс и вынесли обвинительное заключение.

Возражения указанной концепции последовали со стороны историков церкви. И. Брилиот усомнился в том, что в планы Густава Тrolле могло входить такое грубейшее нарушение церковного права, как казнь епископов. Кроме того, казни, сопровождавшиеся конфискацией имущества в пользу короля, не могли сами по себе привести к удовлетворению требований архиепископа и других прелатов. Поэтому весьма вероятно, что Густав Тrolле изначально не желал казни обвиняемых¹³⁰.

Что касается суда, вынесшего заключение, то в отношении него возникают сомнения. Неясно, кто созвал суд, на чем была основана его компетенция. На основании постановления 1517 года можно было вынести приговор о причастности к ереси. Но на практике соответствующие нормы канонического

¹³⁰ *Brilioth Y. Den senare medeltiden. 1274–1521 // Svenska kyrkans historia / Utg. av H. Holmquist och H. Plejel. Uppsala, 1941. Bd. II. S. 537–538.*

права к началу XVI века устарели; кроме того, в Скандинавии (где в Средние века имелось мало случаев ереси) они почти не применялись. Наконец, за вынесением заключения о виновности сразу последовало наказание, в то время как по регламенту процессов о ереси подсудимым предоставлялась возможность отклонить обвинение¹³¹.

Схожим образом рассуждал К. Пиринен¹³². Жалоба Густава Тролле была вынесена на суд короля. Выбор форума свидетельствует, что процесс о ереси в первоначальные планы прелатов не входил¹³³. Король, воспользовавшись случаем, организовал разбирательство по образцу датского «суда прелатов королевства» — высшего суда по духовным вопросам в Дании того времени¹³⁴. В ходе процесса имели место грубые нарушения канонического права. Поэтому сведущий в праве Густав Тролле не мог являться виновником расправы. Ответственность за казни лежит на Кристиане II¹³⁵.

В 1960-е — 1970-е годы внимание специалистов привлекла дискуссия Н. Скьюм-

¹³¹ Ibid. S. 540–542.

¹³² *Pirinen K. Källorna till Stockholms blodbad i kanonistisk belysning // Historisk tidskrift. Stockholm, 1955. Bd. 75. S. 537–538.*

¹³³ Ibid. S. 248.

¹³⁴ Ibid. S. 254.

¹³⁵ Ibid. S. 262.

Нильсена и К. Вейбулля. Датский историк считал, что ответственность за казни лежит на Кристиане II, приговор был вынесен королевским судом, заседание духовных лиц являлось не судом, а экспертизой; постановление заседания носило характер экспертного заключения¹³⁶.

Шведский ученый возразил: дела о ереси не находились в ведении королевского суда. Заседание 8 ноября являлось церковным судебным процессом¹³⁷. Компетенция суда основывалась на том, что судьи представляли всю церковь Швеции¹³⁸. Необычность процесса была обусловлена тем, что речь шла не просто о ереси, а о ереси членов Государственного совета и уполномоченных от всего народа. Таким образом, на рассмотрение судей было вынесено дело о беспрецедентном, одновременно религиозном и политическом преступлении особо крупного масштаба. В каноническом праве не имелось норм, регулировавших наказание за такие

¹³⁶ См. особенно: *Skyum-Nielsen N. Blodbadet i Stockholm og dets juridiske maskering. København, 1964; Idem. Blodbadet: Proces og kilder // Scandia. Stockholm et al., 1969. Bd. 35. S. 284–352.*

¹³⁷ См. особенно: *Weibull C. Gustav Trolle, Christian II och Stocjholms blodbad // Scandia. Stockholm et al., 1965. Bd. 31. S. 1–54.*

¹³⁸ *Ibid.* S. 26.

преступления¹³⁹. Поэтому суд носил экстраординарный характер и руководствовался нормами как канонического, так и светского права. Ответственность за Стокгольмскую расправу лежит на членах этого суда – шведских духовных лицах, вынесших приговор обвиняемым, а не на Кристиане II¹⁴⁰.

Многое в истории Стокгольмской кровавой бани остается загадкой. Но есть факты и соображения, которые очевидны. Независимо от степени виновности Густава Тrolле и других духовных лиц, в расправе был прежде всего заинтересован Кристиан II, для которого массовые казни являлись не только способом уничтожения и запугивания оппозиционеров, но и средством обогащения в результате конфискации имущества.

Очевидно, что юридическое разбирательство, каким бы ни являлся его статус, носило характер фарса и было произведено под нажимом со стороны короля (и, возможно, архиепископа)¹⁴¹. Роковым документом от 1517 года инициаторы расправы изначально не располагали, но знали о нем и стремились его заполучить¹⁴².

¹³⁹ Ibid. S. 24–25.

¹⁴⁰ Ibid. S. 45–50.

¹⁴¹ Ср. научно-популярный очерк: *Sundberg U. Stockholms blodbad*. Lund, 2005. S. 76–79.

¹⁴² В 1546 г. на судебном процессе по делу о владениях Густава Тrolле дворянини Эрик Рюнинг,

Вынесенный приговор и осуществленные казни следует оценивать, основываясь не только на правовых нормах, но и на социальных реалиях; изменилось соотношение сил между светскими властями и церковью, возникли новые представления о короле и его полномочиях (ранний абсолютизм), в судебной практике смешивались различные правовые нормы (в частности, применение законов о ереси к преступлениям, характеризующимся как схизма)¹⁴³.

Для Швеции Стокгольмская кровавая баня — не только трагедия. Это еще и происшествие, которое скомпрометировало Кристиана II, послужило основанием для свержения этого короля, дало толчок мощному народному движению за окончательный выход из унии. В этом смысле ноябрьские события 1520 г. — веха национальной истории.

выступая от имени Кристины Нильсдоттер в ее присутствии, заявил: после того как фру Кристина предъявила 7 ноября злополучную грамоту, архиепископ схватил ее и воскликнул: «Вот то, что мы ищем!» — *Weibull L. Kristian Erslev och Stockholms blodbad // Scandia. Stockholm et al., 1930. Bd. 3. S. 128; Idem. Christina Gyllenstierna och Stockholms blodbad // Scandia. Stockholm et al., 1969. Bd. 35. S. 276.*

¹⁴³ См.: *Gallén J. Kättare // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. København, 1965. Bd. X. Sp. 69–74.*

Послесловие

История Кальмарской унии — это история сотрудничества и противоречий. Сам по себе этот вывод очевиден. Однако природу отношений внутри унии историки разных эпох понимали по-разному. Долгое время — почти до середины XX века ученые видели в событиях Кальмарской унии историю взаимодействия государств — Дании, Швеции, Норвегии. Затем обрела популярность новая трактовка: история Кальмарской унии — прежде всего история борьбы двух политических принципов — конституционного и монархического. Ближе к концу XX века ученые стали объяснять Кальмарскую унию иначе: главное в ней — не программные расхождения, а конкретная борьба за власть между политическими группировками, которые нередко являлись международными, включали в себя магнатов разных скандинавских стран.

* * *

Интересна и поучительна последующая история отношений между Данией, Швецией

и Норвегией. Вскоре после ноябрьской трагедии вспыхнуло восстание на юге Швеции – в Смоланде, а потом на северо-западе – в Даларне. Народную войну возглавил молодой дворянин Густав Эрикссон Васа, вскоре, в 1521 г., избранный регентом Швеции. Для борьбы с датчанами Густав Васа получил военную помощь от Любека. Помощь была предоставлена в долг; Любек получил привилегии, позволявшие контролировать торговлю Швеции на Балтике. 6 июня 1523 г. на риксдаге в Стренгнесе Густав Васа (возможно, при поддержке представителей Любека) был провозглашен королем Швеции (1523–1560). Так наступил конец Кальмарской унии: тройственный союз скандинавских королевств не возобновлялся, Швеция навсегда стала самостоятельным государством.

Тем временем датские дворяне, недовольные централизаторской политикой Кристиана II, ущемлявшей их интересы, свергли этого короля – также при поддержке Любека. Кристиан II покинул Данию и обрел убежище в Нидерландах. Королем стал Фредерик I (1523–1533). Военные действия продолжались. Шведские войска заняли области в восточной Норвегии и на юге Скандинавии, попытались отвоевать остров Готланд. Мир был заключен в 1524 г. при посредничестве Любека; шведам пришлось отказаться от претензий на Готланд и другие спорные территории.

Распад Кальмарской унии оказался связан с так называемой «Графской распрей». После смерти Фредерика I в Дании возникли разногласия относительно преемника. Одним из претендентов являлся сын короля – герцог Кристиан. Но он покровительствовал протестантам, и большинство членов Государственного совета (в то время – консервативных католиков) воспротивились его избранию.

Тем временем в Любеке борьба между олигархами – католиками и демократической протестантской оппозицией завершилась победой протестантов. Новое руководство повело борьбу с конкурентами Любека – голландцами и обратилось за помощью к Дании и Швеции. Датский риксрод ответил отказом. Но многие бюргеры (особенно в крупнейших городах Копенгагене и Мальмё) – сторонники Реформации и противники католического Государственного совета – поддержали Любек.

В Данию вторглись наемные войска Любека во главе с графом Кристофером Ольденбургским, который действовал от имени короля-изгнанника Кристиана II, сохранившего притязания на датский, норвежский и шведский престол. Агрессия сопровождалась внутренней войной между сторонниками и противниками Кристиана II. Интервенты использовали народное недовольство аристократией, провоцировали восстания, убийства дворян.

Ситуацией воспользовались шведы, желая аннулировать привилегии Любека и не уплачивать остаток долга. Швеция вступила в войну на стороне герцога Кристиана, которого датские дворяне избрали королем (Кристиан III, 1535–1559). Любек потерпел поражение.

В 1536 г. Любек заключил мир с Данией и Швецией. Привилегии Любека в Швеции были аннулированы; позиции этого ганзейского города на Балтике пошатнулись. Отношения между скандинавскими королевствами на время улучшились. Это нашло отражение в договоре 1541 г. об оборонительном союзе Швеции и Дании. В тексте словно звучали отголоски Кальмарской унии: во внешней политике обе стороны обязались «быть словно единое тело».

Скандинавские монархи получили возможность сосредоточиться на внутренних проблемах, закрепить успехи, усилить свою власть. В Дании после «Графской распри» король Кристиан III произвел реформы; был поднят и вопрос о Норвегии. Королевская резолюция гласила: Норвегия должна утратить независимость, как некогда ее утратили провинции, входящие в Данию.

Норвегия номинально сохранила статус королевства, но потеряла самостоятельность и перешла под управление датской администрации. На Норвегию распространились положения о реформе датской церкви; языком

богослужения стал датский; в страну были направлены датские церковные должностные лица – суперинтенданты.

* * *

В XVII веке продолжалось как сотрудничество, так и противостояние Шведского и Датского королевств. В середине столетия отношения со Швецией являлись предметом расхождений монарха и государственного совета Дании. Схожие разногласия присутствовали в Швеции.

Магнаты обеих стран стремились к выгодным для знати отношениям, при которых споры решались путем переговоров между датскими и шведскими аристократами. Мирный процесс усиливал магнатов, служил общим сословным интересам и облегчал материальное положение, избавляя от военных расходов. Короли стремились к агрессивной политике, при которой увеличивалась армия и расширялись полномочия монарха.

В 1611 году Дания объявила войну Швеции. Датские войска захватили Кальмар – один из шведских форпостов на Балтике, овладели крепостями на североморском побережье. Но продвижение остановилось; флот датчан потерпел неудачу, пытаясь взять Стокгольм. И хотя мир в 1614 году был заключен на условиях, почетных для Дании, ресурсы этой страны истощились.

Шведы взяли реванш под занавес Тридцатилетней войны. В 1643 году шведские войска напали на Данию с суши и моря. Потерпев несколько поражений, датчане были вынуждены подписать Брёмсебрусский мир 1648 года. К Швеции отошли норвежские провинции Херьедален и Йемтланд, острова Готланд и Эзель, область Халланд на юго-западе Скандинавского полуострова. Мир в Брёмсебру знаменовал поворот в отношениях Швеции и Дании: раньше чаще приходилось обороняться Швеции; теперь Дания должна была заботиться о том, чтобы сдерживать натиск соседа.

В конце 1650-х годов вспыхнула новая война между Данией и Швецией. Причины были многочисленны. У Швеции со времен Тридцатилетней войны имелось войско в Германии, которое было нежелательно распустить, но обременительно содержать. Его надлежало использовать на чужой территории и обеспечить за счет добычи. Новые территории королевства являлись удобным плацдармом. В свою очередь, датчане стремились к реваншу. И, конечно, традиционной причиной противостояния являлось соперничество на Балтике.

В Дании начались военные приготовления. Был усилен флот, построены и реконструированы крепости, проведена реформа армии: сокращено наемное войско, а на сэкономленные средства создана армия на основе рекрутского набора. 1 июня 1657 года

король Фредерик III, объявив войну Швеции, начал наступление.

Это оказалось на руку Карлу X Густаву, получившему возможность, перейдя в контр-наступление, начать формально оборонительную, а по сути завоевательную войну. Шведы овладели Ютландским полуостровом, взяли важнейшие крепости. Морозная зима помогла шведам: армия по льду перешла проливы и овладела островами. Датчане подписали Роскильский мирный договор: к Швеции отошли значительные территории в Дании и Норвегии — в частности, весь юг Скандинавского полуострова.

Роскильский договор не обеспечил прочный мир между королевствами. Со стороны Дании он носил вынужденный, временный характер. Шведам же не терпелось поставить победную точку: сделать Балтийское море шведской внутренней акваторией и в как можно большей степени подчинить себе датчан. Вспыхнула новая война, на сей раз начатая шведами. В данном случае Швеция несомненно являлась агрессором, и Дания могла рассчитывать на международную поддержку. Шведскому королю была необходима молниеносная война, которая завершилась бы захватом Копенгагена.

Надежды шведов не сбылись. Им удалось осадить Копенгаген, но гарнизон и бюргерство города сопротивлялись организованно, умело и отважно. Бюргеров вдохновили

недавно обретенные свободы: Копенгаген стал вольным городом — особым субъектом датского королевства, бюргеры получили доступ к государственным должностям.

Осада столицы приняла затяжной характер; штурм окончился неудачей. Началась партизанская война. На сторону Дании встали Англия и Нидерланды. Швеция была вынуждена заключить новый договор, отказавшись от части территорий в Норвегии и от притязаний на контроль над Балтикой. Настоящими победителями стали Нидерланды, Англия и другие морские державы, получившие свободный доступ в Балтийское море.

Вторая половина XVII века стала для Шведского и Датского королевств временем окончательного оформления абсолютизма. В Дании в начале 1661 года был создан акт, согласно которому король Дании и Норвегии провозглашался абсолютным монархом этих стран. Акт был разослан по Дании, Норвегии и Исландии, где его скрепили подписями представители сословий. Датский монарх получил неограниченную власть. Правление Данией-Норвегией сосредоточилось в коллегиях — органах, типичных для абсолютистской системы.

Установление абсолютизма внесло ясность в официальный статус Норвегии, в котором ранее имелись спорные моменты. Теперь Норвегия стала юридически полноценным королевством — субъектом датско-норвежской наследственной монархии.

Но перемена коснулась лишь формального статуса: страна не имела автономии и управлялась из Копенгагена.

* * *

В 1660-е годы и в начале 1670-х шведские дворянские верхи стремились к миру с иностранными государствами, делали ставку на дипломатию. Как звено в этой политике рассматривался альянс с Францией. Реалии оказались иными: Швеция была втянута в войну с противниками Франции — Австрией, Нидерландами, а затем и с Данией. Шведские войска потерпели несколько поражений. Неудачи подорвали престиж Швеции, ослабили ее международные позиции.

По завершении войны последовало временное сближение бывших противников — Швеции и Дании, не доверявших могущественным союзникам и стремившихся обрести поддержку у соседей-скандинавов. Был заключен договор об оборонительном союзе, достигнута договоренность о династическом браке. Других значительных последствий это сближение не имело. Но оно показало, насколько жизнеспособной — несмотря на противоречия и конфликты — осталась идея сотрудничества скандинавских государств.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ КАЛЬМАРСКОЙ УНИИ

Акт о коронации Эрика Померанского

Мы, Якоб и Хенрик, Божьей милостью Лундский и Уппсальский архиепископы; Педер Роскильський, Кнут Линчөпингский, Тетс Оденсский, Турд Стренгнесский, Бу Орхусский, что в Ютландии; Торстен Скарский, Нильс Вестеросский, что в Швеции; Педер Бёрглумский, Хеминг Векшенский, Йенс Оркнейский — тою же милостью епископы; Аренд, настоятель собора в Осло, Андерс, настоятель кафедрального собора в Уппсале, Олеф Пант, декан в Роскилле, Брюньольф, настоятель кафедрального собора в Скаре и мастер Педер Люкке, архидиакон в Роскилле; Карл Тофтский, Йенс Андерссон¹, Стен Бенгтссон, Эренгисл Нильссон, Йонес

¹ Вторые имена — патронимы датских, шведских и норвежских магнатов — приведены в унифицированном виде: в подлиннике с окончанием на -son, в русском переводе — сон.

Рут, Туре Бенгтссон, Микель Рут, Арвид Бенгтссон, Фольмар Якобссон, Нильс Иварссон, Альгут Магнуссон, Андерс Якобсон, Йенс Дуже, Магнус Хаконссон, Притберн ван Подбуск, Юхан Скарпенберг, Педер Бассе, Отте Йенссон, Филпус Карлссон, Юхан Олафссон, Бьерн Олафссон, Ханнес ван Подбуск, Карл Карлссон, Йон Якобссон, Педер Нильссон Агартский, Нильс Эренгислассон, Йенс Нильссон Авентсбергский, Якоб Аксельссон, Стиг Ауэссон, Сорте Скониинг, Абрам Брудерссон, Аксель Педерссон, Магнус Мунк, Бернеке Скинкель, Амунд Больт, Гуте Эрикссон, Йон Мартенссон, Йон Дарре, Альф Харильссон, Эндрит Эрландссон, Гульбранд Эллингссон, Хакон Топ, Йорт Йортссон, Сиварт Больт, Торальт Сивартссон и Йон Хинрикссон, рыцари; Аксель Кетильссон, Карл Карлссон, Готскальк Бенгтссон и Аслак Бьернссон, свены — советники и [государственные] мужи нашего государя, короля Эрика, и трех его королевств — Дании, Швеции и Норвегии, вместе со многими другими епископами, прелатами, рыцарями и свенами, живущими в указанных трех королевствах — Дании, Швеции и Норвегии, настоящим нашим открытым письмом объявляем всем ныне живущим и потомкам, что в связи с тем, что выше-названный наш дражайший государь король Эрик во всех вышеперечисленных трех королевствах — Дании, Швеции и Норвегии, и в каждом из них в отдельности, ранее был

по Божьей милости провозглашен с любовью, по доброй воле и с согласия жителей всех этих трех королевств – епископов, прелатов, клириков, рыцарей и простого люда, нашим и их, и всех этих трех королевств законным государем и королем, и поскольку это было во имя Господа произведено так, как то предписано, то все мы, вышепоименованные, вместе со многими другими мужами этих королевств, с добровольного согласия и совета мужей этих вышеуказанных трех королевств – епископов, прелатов, клириков, рыцарей и простого люда, и действуя от имени указанных трех королевств, здесь, в Кальмаре, в прошедшее воскресенье Святой Троицы присутствовали и осуществили коронацию вышеуказанного нашего государя короля Эрика, когда он Божьей милостью был коронован во имя Отца и Сына и Святого Духа, с Божьей помощью став, таким образом, коронованным королем всех трех означенных королевств – Дании, Швеции и Норвегии, со всеми почестями и полномочиями, которые коронованным королям издревле причитаются и подобают как в духовных, так и в мирских делах. Теперь, поскольку Бог и мы, и все жители вышеназванных королевств так поступили и волеизъявили, во всех отношениях, как описано выше, и таким образом во славу Бога признали и провозгласили вышеупомянутого короля Эрика нашим законным государем и коронованным королем этих

трех королевств — Дании, Швеции и Норвегии, то все мы во всех этих трех королевствах желаем с верностью и любовью оказывать вышеназванному нашему государю все то, что нам подобает оказывать нашему законному государю и коронованному королю; также и он да окажет нам все, что ему подобает оказывать. В отношении же замков, крепостей, земель и ленов и всех подобных вещей, каковы бы они ни были и как бы ни назывались, которые вышеназванный наш государь король Эрик и сестра его бабки, наша милостивая госпожа королева Маргарета вверили нам и вверят впредь, мы все, во всех вышеуказанных королевствах, желаем, как при их жизни, так и после их смерти, отплатить той службой, которую они нам вверили, которую вверят впредь и за которую мы желаем держать ответ перед Богом и людьми. Отныне Бог да воздаст нашей дорогой госпоже королеве Маргарете всяческим добром: она так обращалась с нами во всех этих трех королевствах и так правила этими вышеуказанными королевствами, что все мы, жители указанных трех королевств, ни в чем ее не виним. Бог да уготовит ей Царствие Небесное за то, как она обращалась с нами; мы же от души благодарим ее за все добро. И с Божьей помощью, дабы все вышеперечисленные статьи во имя Бога блюлись дословно, нерушимо и прочно, и для большей сохранности всех этих вышеперечисленных

статей мы, все вышепоименованные, сознательно и по доброй воле привесили свои печати к этой грамоте, писанной в Кальмаре от Рождества Господа нашего в тысячный, трехсотый, без половины пятижды двадцатый и в седьмой год, в ту пятницу, которая следовала за днем святого Кнута — короля и мученика.

Договор об унии Дании, Швеции и Норвегии

Всем, кто услышит или увидит эту грамоту, как ныне живущим, так и потомкам, да будет известно, что после того, как всеми тремя нижеследующими королевствами — Данией, Швецией и Норвегией — с истинным единодушием, согласием, любовью и по доброй воле каждого королевства, с совета, одобрения и согласия высокородной правительницы, нашей милостивой госпожи королевы Маргреты, а также с добровольного и полного согласия всех трех королевств, епископов и клириков, рыцарей и свенов и всего народа каждого королевства высокородный и досточтимый господин, наш милостивый государь, король Эрик был провозглашен, избран и утвержден над всеми тремя королевствами законным государем и королем, а затем, в воскресенье Святой Троицы во имя Отца и Сына и Святого Духа здесь, в Кальмаре, с согласия и совета всех достойных людей этих королевств — как

клириков, так и мирян, был коронован и возведен на престол указанных трех королевств с почетом, как в духовных, так и в мирских делах подобающим законно коронованному королю, дабы править и властвовать над этими тремя королевствами — Данией, Швецией и Норвегией, здесь в названное время и в указанном месте было обсуждено и заключено соглашение о крепком и нерушимом согласии, мире и союзе, с совета и одобрения нашего вышеназванного государя короля Эрика и нашей вышеназванной госпожи королевы Маргреты и с истинно единогодушного одобрения и согласия всех советников и государственных мужей всех трех королевств было постановлено следующее.

[1] Прежде всего, что отныне указанные три королевства должны иметь означенного короля, а именно короля Эрика, в течение его жизни. Затем эти три королевства навечно должны иметь одного короля, и не более, над всеми тремя королевствами, дабы те, если Богу будет угодно, никогда более не разделялись. Затем, после смерти этого короля, над всеми тремя королевствами должен быть избран и провозглашен один король и не более, и ни одно королевство не должно провозглашать или избирать короля иначе как с полного согласия и единогодушного одобрения всех трех королевств. Если Бог даст этому королю или его преемникам сына, одного или нескольких, тогда один, и не

более, должен быть избран и провозглашен королем над всеми тремя королевствами; остальные братья должны быть пожалованы и наделены другой властью в королевствах; а с дочерьми, если таковые у него будут, да поступят так, как предписывает закон. И пусть будет избран лишь один из сыновей короля, если Богу будет угодно, чтобы при наличии такового его избрали эти три королевства; и пусть, как сказано выше, он один и никто более, станет королем. Если король, да не будет на то воля Божья, умрет бездетным, тогда советники и [государственные] мужи этих королевств должны выбрать другого, которого Бог ниспошлет им своей милостью, того, кого с истинного согласия всех трех королевств по наилучшему своему разумению сочтут перед Богом достойнейшим, мудрейшим и полезнейшим для королевств. И пусть никто этому не противодействует и не вводит никакого иного порядка, отличного от вышеизложенного.

[2] И все три королевства должны пребывать в согласии и любви, так чтобы одно не отходило от другого из-за каких-нибудь разногласий или раздора, но если одно из этих королевств постигнет война или какое-либо нападение иноземцев, то она должна постигнуть все три, и каждое из них должно прийти на помощь другому со всей преданностью и всеми силами, однако таким образом, чтобы каждое королевство оставалось в своем

законе и праве и король довольствовался тем, что ему надлежит иметь.

[3] Отныне король должен править в своем королевстве Дании замками и крепостями, блюсти законы и отправлять правосудие в соответствии с тем, что там является законами, правом и тем, как следует поступать королю; таким же образом и в Швеции и Норвегии — в соответствии с их законами, правом и тем, как там следует поступать королю; и не должен никакой закон или право одного королевства вводиться в другом, те, которые там ранее не были законом или правом, но пусть король и каждое королевство остаются в своих законах и праве, как было сказано выше и как надлежит тому быть впредь.

[4] Если же случится так, что на какое бы то ни было из этих королевств обрушится война, с каким бы из них это ни произошло, два других королевства, когда король или уполномоченные им должностные лица предпишут, должны со всеми силами и полной преданностью прийти на помощь и защиту этому королевству туда, куда будет предписано, как на суше, так и на море, и каждое королевство должно оказывать помощь другому, как надлежит, без какого-либо недружелюбия, но так, что если одно или два королевства придут на помощь другому, тогда в этом королевстве государственные должностные лица должны снабдить их провиантом и фуражом по мере нужды, предоставить им содержание

и обеспечить, чтобы стране и народу не чинился ущерб; кроме того, король должен нести расходы по вознаграждению за службу, обеспечить возмещение ущерба и выкуп пленных или удовлетворение каких-либо других нужд, и пусть в этом случае государственные должностные лица или народ не жалуются и не ропщут. И если все королевства или какое-либо из них постигнет война с иноземным войском, тогда никто там не должен отговариваться, что обязан нести службу лишь в пределах своей страны; все мы решили и согласились, что каждый из нас должен помогать другому и следовать в то королевство, которое в этом нуждается, поскольку все три королевства находятся теперь и должны находиться впредь под властью одного короля и государя и быть едины, словно одно королевство.

[5] Настоящим вся вражда и распри, которые между королевствами велись долгое время, прекращаются и никогда более не должны возобновляться, и никогда впредь одно королевство не должно воевать с другим или предпринимать что-то, от чего может произойти война или ссора, но да будут все как одно королевство под одним королем, как сказано выше. И пусть каждый, высокий и низкий, пребудет в праве и законе и довольствуется законами и правом, и не притесняет кого-либо другого насилием, или другим беззаконием, или какой-либо несправедливостью и не угнетает того, кто стоит

ниже его; но все должны быть покорны Богу и нашему господину королю, и все должны подчиняться его повелениям, как то надлежит, и [повиноваться] должностным лицам, уполномоченным им действовать от его имени; а также должны предавать суду тех, кто преступит это.

[6] Если кто-то в каком-либо королевстве объявлен вне закона или бежал в другое королевство, будучи изгнан за свои преступления, тот должен быть объявлен вне закона как в одном королевстве, так и в другом, и никто не должен оказывать ему покровительство или защищать; но там, где ему будет предъявлено обвинение, пусть его судят соответственно его преступлениям и как предписывает право.

[7] Также если будут вестись какие-либо переговоры или обсуждаться какие-нибудь дела с иностранными государями, городами или их посланниками к нашему государю королю, в каком бы королевстве он тогда ни находился, он и те его советники, которые там будут присутствовать, но [обязательно] по сколько-то от каждого королевства, да имеют власть действовать и заключать соглашения от имени указанных трех королевств наиболее угодным Богу, разумнейшим и полезнейшим для нашего государя короля и этих трех королевств образом.

[8] Также все эти перечисленные положения должны выполняться так, как сказано

выше, и их следует толковать и понимать таким образом, чтобы это было сделано к славе Господа Бога и нашего государя короля и к пользе, выгоде и миру королевств, и чтобы каждый жил в законе и праве; и да будет так, что если кто-либо захочет это преступить, то все в этих трех королевствах помогут нашему государю королю и его должностным лицам, которых он назначит, с доброй верой и всеми силами пресечь это и исправить по справедливости и как надлежит.

[9] Отныне наша госпожа королева Маргрета должна владеть и править в течение жизни беспрепятственно со всеми без исключения королевскими правами по своей воле всем тем, что ее отец и ее сын пожаловали ей и передали во время своей жизни и по завещанию; также и в Швеции — своим утренним даром² и другими владениями, относительно которых государственные мужи Швеции договорились с ней и дали ей согласие на то, чтобы она ими управляла; также и своим утренним даром в Норвегии и тем, что ее супруг король Хакон и ее сын король Олаф пожаловали там ей и передали

² Утренний дар — имущество, которое, согласно распространенному у германских народов обычаю, муж давал жене после первой брачной ночи. «Утренний дар» Маргреты в Швеции — владения, которые она получила от шведских магнатов как родственница-опекунша короля.

как во время своей жизни, так и по завещанию; и она может сделать выполнимое завещание³, но так, чтобы с ее смертью соответствующие земли и замки возвратились свободно и безусловно к королю, за исключением денег и имущества из того вышеперечисленного, что ей передано и пожаловано, которые она, как сказано выше, передаст по своему выполнимому завещанию, каковое должно быть строго соблюдено; то, что она уже ранее передала, подарила, выплатила или пожаловала в лен в этих трех королевствах во славу Господа Бога⁴, а также своим друзьям и слугам, останется прочным и неизменным, в том виде, в каком это совершено; король и государственные мужи в этих трех королевствах должны беспрекословно, если будет необходимость, помогать ей владеть вышеперечисленным, оберегать и защищать, в доброй вере, в течение ее жизни. Если же кто-то попытается попортить ее права в отношении того, что перечислено выше, или в этой связи будет делать что-либо против нее, вредить или препятствовать каким-либо образом, тогда все мы желаем в доброй вере всеми силами оказаться полезными ей в том, чтобы защитить ее права от тех, кто это делает, и желаем, чтобы она с Божьей помощью

³ Т. е, очевидно, сделать необходимые распоряжения, которые затем будут исполнены.

⁴ Т. е. церкви.

и с помощью тех, кто ей хочет помочь, защитила себя и оградила себя от хулы.

Для большей защиты всех вышеперечисленных положений, в знак того, что они с Божьей помощью навечно станут неизменными, прочными и нерушимыми во всех отношениях и во всех пунктах, которые перечислены выше, и что будут изданы грамоты на пергамене, по две для каждого королевства, то есть Дании, Швеции и Норвегии, содержащие все то же, во всех пунктах, что здесь перечислено, и они будут скреплены печатями нашего государя короля и нашей государыни королевы, и членов государственных советов, и [государственных] мужей, и торговых городов всех трех королевств, Дании, Швеции и Норвегии, и все эти положения обсуждены и утверждены, и должны выполняться во всех отношениях, как предписано выше, мы, Якоб и Хенрик, Божьей милостью архиепископы Лундский и Уппсальский, Педер и Кнут, тою же милостью епископы Роскильский и Линчёпингский, Карл Тофтский, Йенс Андерссон, Стен Бенгтссон, Йенс Рут, Туре Бенгтссон, Фольмар Якобссон, Эренгисл, Педер Нильссон Агартский и Альгут Магнуссон, рыцари, Арендт, настоятель кафедрального собора в Осло, Амунд Болът, Альф Харильссон и Гуте Эрикссон, рыцари, по доброй воле привесили наши печати к этой грамоте. Писано в Кальмаре в год Господень 1397-й, в день блаженной девы Маргариты, и проч.

Проект нового союзного договора
(около 1436 г.) по Санкт-Петербургской
рукописи

Уния

*Между всеми тремя королевствами,
заключенная при коронации короля
Эрика Померанского в год 1394-й⁵*

Мы, Ханс Лаксман Лундский, Улоф Упсальский, Аслак Нидаросский, Божьей милостью архиепископы, Аксель Педерссон, член риксрода [Дании, Кристиерн Нильссон, член риксрода]⁶ Швеции, Эндред Эрландссон, [член риксрода] Норвегии [и проч.]: так должны быть перечислены все, кто прибудет на встречу и примет это постановление. В первую очередь надлежит провозгласить следующее. Многие из нас помнят, и все достоверно знают, что высокородная государыня Маргарета, дочь Вальдемара, короля данов, благодаря своему уму и с помощью всемогущего Бога объединила эти три королевства, и привела к миру, покою и согласию; и нам пристало молиться о ее душе, [что мы охотно делаем; и просим мы всемогущего Бога

⁵ Как и в ряде других рукописей, проект от 1436 года в данном случае ошибочно принят за договор об унии, заключенный в конце XIV века. См. наст. изд. гл. V.

⁶ Вставки даны по рукописи В 9 Государственного архива Швеции в издании У. С. Рюдберга.

помиловать ее душу]; Бог да явит ей свою милость. Смиренными молитвами и благими деяниями по отношению к жителям каждого из трех королевств она добилась, чтобы король Эрик, наш милостивый государь, был признан, избран и провозглашен полномочным королем всех трех королевств [во всех местах, где, согласно древним обычаям, полагается провозглашать короля, и был коронован в Кальмаре на престол всех трех королевств]. И мы с радостью изъявляем желание, чтобы он был нашим полновластным королем, и в течение всей жизни пользовался всеми королевскими правами, и в свою очередь обеспечил, чтобы в отношении всех нас и каждого в отдельности соблюдались закон и право, как надлежит и как сказано ниже. И пред нашим милостивым королем и пред нами налицо скрепленные печатями грамоты и предварительное соглашение между вышеуказанной благородной госпожой и лучшими людьми королевства. И все они тогда сочли за благо и договорились — она с ними и они с ней — что эти три королевства навсегда, на вечные времена будут едины, и над всеми тремя королевствами будет один король. И это произошло в то время, когда наш милостивый государь — король был коронован в Кальмаре. Теперь наш милостивый государь, вышеуказанный король, и все мы сочли за благо, договорились и постановили — он с нами и мы с ним, — что нет ничего лучшего

для общего блага, чем следовать тому же порядку, на пользу всех королевств. И мы все вместе, как за себя, здесь присутствующих, так и за будущие поколения, обязуемся неизменно, во вечные времена, пребывать вместе под властью одного короля, о чем мы и заключаем соглашение во имя Иисуса Христа — с тем первостепенным условием, что каждое королевство пребудет в своем законе и праве и сохранит свои привилегии, вольности и древние обычаи, а также свое название.

О королевской власти

Ни один король да не имеет власти вводить в каком-либо королевстве другие законы и право без согласия и доброй воли жителей соответствующего королевства. И пусть отныне и вовеки будет обычаем и обязанностью каждого короля, правящего всеми тремя королевствами, назначать в каждом из этих королевств дротса и марска, таких, которых сочтут наиболее подходящими члены риксрода, и наделять их такими полномочиями, которые им подобают и которые указаны ниже.

Дротс должен в отношении всех судебных дел обладать такой властью, какую имеет сам король, когда присутствует лично. Он должен стоять выше всех других судей, пресекать насилие и беззаконие и оказывать поддержку и помощь тем, кто терпит

несправедливость. Помимо этого, дротсу надлежит иметь следующие полномочия: когда король присутствует лично, дротс должен делать устные предупреждения королю, если тот в чем-то нарушит свою клятву и обязательства.

Должностные обязанности марска заключаются в следующем. В первую очередь он обязан помогать дротсу как заместителю короля, крепить закон и право и вершить суд над теми, кто творит произвол, и не позволять, чтобы они оставались безнаказанными. В случае, если (упаси Боже) [королевство постигнет] война, он должен являться начальником над всеми, кто выступит на защиту королевства, и повелевать ими, согласуясь с достойными людьми и государственными советниками, которые будут присутствовать, и с помощью короля и достойных людей вершить суд над виновными — теми, которые не желают поступать так, как надлежит и как им предписано.

Также королю надлежит в каждом из трех королевств иметь гофмейстера по следующим важным причинам. Прежде всего, потому, что когда король приезжает в то королевство, в котором ему надлежит пребывать, то весьма приличествует, чтобы его встретил гофмейстер, представляющий указанное королевство, и управлял королевской усадьбой, как требует его должность, по обычаям королевства и в добром согласии. Ведь он, как

никто другой, знаком с положением дел и знает местных жителей лучше, чем иноземцы.

Остальных должностных лиц, служащих в королевской усадьбе, король, если ему угодно, может назначать из всех трех королевств по своему усмотрению. Ведь справедливо, чтобы они представляли все три королевства — в особенности потому, что таким образом ни одно из королевств не сможет, например, пожаловаться, что какое-то из королевств в большей чести, чем другое. И королю надлежит в каждом из своих королевств иметь по одному верховному канцлеру с печатью для надлежащих дел. Также в каждом из трех королевств он должен иметь придворного канцлера — прежде всего, потому, что тот знает положение вещей, язык и прочее, что относится к делу. И да будет обычаем и обязанностью короля посещать ежегодно все свои королевства, чтобы исполнять королевские обязанности: править народом, обеспечивать законность и разумный порядок, [вершить правосудие, карать тех, кто преступает закон и ведет себя безрассудно], и помогать тем, кто безвинно терпит насилие и произвол.

Относительно сроков его пребывания в каждом из королевств мы договорились так. Поскольку королевств три, и год насчитывает двенадцать месяцев, пусть король поступает следующим образом: проводит по четыре месяца в каждом из королевств — может быть,

меньше, может быть, больше, в зависимости от обстоятельств; а летом ли, зимой ли — это как ему заблагорассудится. Так или иначе, он должен твердо следовать указанному предписанию. Исключение должны составлять те случаи, когда возникают значительные препятствия, вызванные государственными или какими-либо иными осложнениями; при этом должно быть очевидно, что король не пренебрегает указанной обязанностью по собственному произволу.

Когда он пожелает таким образом ехать из одного королевства в другое, он должен брать с собой по три советника от каждого королевства по следующим причинам. Прежде всего, на тот случай, если ему придут известия из двух других королевств, пока он находится в третьем. Особенно же — на тот случай, если придут высокопоставленные лица или их посланники в связи с какими-то делами, касающимися всех трех королевств⁷. Тогда он, например, сможет дать прибывшим более уместный ответ.

Если (избави Боже) случится так, что одно из этих трех королевств постигнет война, или нападет какой-нибудь иноземный государь, тогда одно королевство должно прийти

⁷ В ряде списков фраза звучит иначе: «Особенно на тот случай, если возникнут какие-то дела или придут иноземные государи или их посланники».

на помощь другому, чтобы, как подобает, сообща дать отпор, как если бы они являлись одним королевством — смотря по тому, насколько необходима помощь и насколько велики силы противника.

Если подобное произойдет, государственные советники всех королевств должны обсудить, какую помощь надлежит оказать и какие силы употребить, чтобы дать отпор. И договоренности, к которым они придут, надлежит твердо сообща соблюдать.

Войска того королевства, которое указанным образом придет другому на помощь, должны сами обеспечивать себя провиантом, пока не придут в то королевство, которому необходима помощь. А король и достойные люди того королевства, которое нуждается в помощи, должны обсудить вопросы о провизии и других подобных вещах и обеспечивать войска все время, пока необходима их помощь; и король должен возместить означенному королевству ущерб как подобает. И король не должен начинать войну за пределами страны иначе как с согласия всех трех королевств; и то, о чем они договорятся, они должны единодушно соблюдать и исполнять по отношению друг к другу.

О выборах короля

Когда, по произволению и позволению Божьему, наступит время избрать короля, нужно будет действовать нижеследующим образом.

В каком королевстве король умрет, дротс и марск того королевства должны известить все три королевства и строго предписать, чтобы нижеперечисленные лица встретились в Хальмстаде. От Швеции в совещании должны участвовать следующие: прежде всего архиепископ Уппсальский; и он должен взять с собой епископа Линчёпингского, епископа Скарского, дротса, лагмана Упланда, марска; далее, лагманов Эстерьётланда и Сёдерманланда, а также лагманов Вестерьётланда, Вестманланда и Тиухерада со всеми их разумными людьми⁸. Также и от Финляндии должен прибыть один рыцарь. И из следующих городов: Стокгольма, Висбю, Або, Кальмара, Сёдерчёпинга и Лёдесе следует пригласить на указанные выборы по одному бургомистру; и от каждой лагсаги⁹ Швеции по два одальбонда¹⁰; и проч.

От Дании — архиепископ Лундский, епископ Роскильский, епископ Рибе, дротс,

⁸ Т. е. с зажиточными и предприимчивыми крестьянами, с которыми сотрудничали власти, когда требовалась поддержка народных представителей.

⁹ Лагсага — провинция, крупная административно-правовая единица, во главе которой стоял лагман.

¹⁰ Одальбонд — лично свободный сельский домохозяин, владевший наследственной землей (одалем) и плативший налог в пользу короны.

марск и все верховные судьи областей ото всей Дании: прежде всего от Ютландии, от Сконе, от Зеландии, от Фюна и один от Лолланна¹¹. Из торговых городов следует пригласить по одному бургомистру на указанные выборы: одного из Рибе, одного из Виборга, одного из Орхуса, одного из Ольборга, одного из Оденсе, одного из Роскилле, одного из Лунда¹², одного из Мальмё, одного из Накскова; и двух одальбондов из Ютландии, двух из Сконе, двух с Зеландии и двух с Фюна.

Из Норвегии: архиепископа Нидаросского, епископа Осло, епископа Бергена, дротса и марска, настоятеля церкви Святой Марии, лагманов Трёнделага, Бергена, Тонсберга, Осло, Боргесюсслы и Викена; и двенадцать норвежских рыцарей, каких марск и дротс сочтут для того подходящими; от городов — Троннхейма, Осло, Бергена и Тонсберга на указанные выборы следует пригласить по одному родману. Двух одальбондов из Тронделага, двух от Бергенского епископства, двух от Ставангерского епископства, двух от Хаммарского епископства, двух от Боргасюсслы,

¹¹ Далее в данной рукописи пропущены установления относительно квоты рыцарства различных датских провинций.

¹² Здесь не указаны бургомистры Копенгагена и Калуннборга, которые названы в других списках данного документа.

двух от Викена. Тогда всего от каждого королевства будет присутствовать по 40 лиц духовного и светского звания. Всего же от всех трех королевств их будет сто двадцать. И они будут уполномочены избрать короля, и не следует чинить им препятствий в этом отношении ни ныне, ни впредь.

Тот, кого они изберут единодушно, должен быть королем над всеми этими тремя королевствами. И тот, кто будет избран, должен прибыть в каждое королевство, и там принести клятву, как предписывает закон, и как подобает королю, и люди королевств — ему, без промедлений с той и с другой стороны.

Если у умершего короля имеется законнорожденный сын — он должен быть избран в первую очередь, если участники выборов могут засвидетельствовать перед Богом, что он пригоден для правления и что его избрание, например, не причинит вред государственным мужам и прочим жителям королевства.

Если у короля имеется больше чем один сын, тогда пусть королем станет тот, кого они пожелают избрать, независимо от того, старший это сын или младший; а остальных детей следует наделить другой властью и ленами в королевстве, как надлежит; таким образом они могли бы являться наместниками короля и нести службу королевству; и распоряжения членов нашего совета относительно того, чем их наделят, должны соблюдаться впредь.

Если у короля есть законная дочь, ей следует подыскать супруга как подобает.

Если случится, что король умрет, не оставив законнорожденного сына, тогда те сто двадцать человек, которым надлежит осуществлять выборы, должны избрать короля по своему усмотрению. И будет полезнее, если они выберут кого-либо из местных жителей, чем какого-либо иноземного государя. Выборы же следует осуществлять нижеследующим образом: надлежит бросить жребий, из какого королевства надлежит избрать короля.

Жребий же следует бросить таким способом. Нужно написать название каждого из королевств на листках одинакового размера и положить листки, не отдавая ни одному из них предпочтения, перед ребенком 7 лет от роду. Какой листок возьмет в руки ребенок, из такого королевства и надлежит избрать короля. И такой порядок предназначен для того, чтобы не было оснований думать, что какое-то из королевств в большем пренебрежении, чем другие. И по этой причине, выборы надлежит произвести указанным 120 представителям всех трех королевств, как сказано ниже. И каждый разумный человек должен иметь в виду: короля нельзя провозглашать, пока не соберутся все представители от всех трех королевств: только тогда¹³ надлежит провозгла-

¹³ Т. е. только когда они все придут.

свить короля. И когда вышеназванные 120 соберутся для указанных выборов, как сказано выше, тогда в первую очередь архиепископы каждого из королевств должны поклясться, что желают осуществить выбор без пристрастия и корысти, строго по совести, на пользу жителей королевств. И когда вышеназванные епископы принесут клятву, тогда они должны принять присягу у всех остальных, кому надлежит осуществить выборы: каждый — у жителей своего королевства.

Если произойдет так, что они не смогут прийти к согласию относительно выборов — в таком случае все же нельзя остаться без короля. При подобных обстоятельствах впредь надлежит поступать так: соответствующие сорок человек от каждого королевства должны избрать из своего числа четверых — двух лиц духовного звания и двух светского, самых мудрых и видных, каких они знают, из указанных 120, чтобы всего их было 12, и эти 12 тотчас должны вновь принести присягу, и затем собраться в одном помещении, и не разлучаться, пока не придут к единому мнению. И как они договорятся, так и будет.

Тот, кто будет приговорен к изгнанию в Швеции, лишен мира в Дании, объявлен вне закона в Норвегии — никогда не должен обрести мир в указанных трех королевствах.

Относительно пошлин, монеты и прочих подобных дел государственной важности, которые было бы слишком долго перечислять

в этой грамоте и которые не могут быть здесь поименованы, пока они по истечении необходимого времени не будут обозначены особо: мы оставляем подобные вопросы на усмотрение короля и государственных советников каждого королевства, чтобы они распоряжались, смотря по обстоятельствам, в которых находятся королевства, таким образом, какой посчитают наиболее полезным, принимая решения, которые по совести сочтут необходимыми и за которые они ответят перед Богом.

Это постановление принято советниками королевы Маргареты и утверждено всеми тремя королевствами в правление короля Эрика, как сказано выше.

Кальмарский рецесс 1483 г.¹⁴

Во имя Господа, аминь. Мы, Хенрик, Божьей милостью епископ Линчёпингский; Стен Стуре Грипсхольмский, правитель Шведского королевства; Ивар Аксельссон; Аке Йонссон, лагман Сёдерманланда; Туре Турессон, лагман Эланда; Ханс Акессон, лагман Нэрке, рыцари; Арвид Тролле Бергкварский, лагман Эстерьётланда; Карл Бенгтссон, Магнус Карлссон, Нильс Клауссон, Эрьян Акессон, Сванте Нильссон и Арвид Кнутссон, лагман Тиухерада, вэпнары, члены Государственного совета Швеции, уполномоченные всем

¹⁴ Публикуется в сокращении.

риксродом Швеции и всеми жителями этого королевства, объявляем и уведомляем всех, что мы здесь, в Кальмаре, провели переговоры с досточтимым отцом Карлом, епископом Оденским; герром Клаусом Рённовом, герром Эриком Удсенем, герром Эггердом Крумедике и герром Эскиллем Гёйе, рыцарями, полномочными посланниками датских государственных советников высокородного государя короля Ханса, представлявшими Датское и Норвежское королевства, относительно договора о едином государе и короле над этими тремя королевствами, который мы год назад огласили и обсудили, что подробно отражено в заключенных на этот предмет соглашениях и совместных постановлениях; каковой договор подлежал заключению в Хальмстаде в прошедший двадцатый день от Рождества, что не было осуществлено ввиду некоторых значительных препятствий. Посему мы ныне здесь договорились, во имя Святой Троицы, будучи на то уполномочены и действуя от имени всех жителей Шведского королевства, с вышеназванными членами риксрода Дании, что в соответствии с заключенным между этими тремя королевствами любовным и братским союзом, который мы ранее скрепили клятвами, грамотами и печатями и согласно которому они должны навеки соединиться в вечном мире, любви и союзе под властью одного государя и короля, что вышеупомянутый

высокородный государь король Ханс должен быть всецело признан государем и королем Шведского королевства, с тем условием и предписанием, что вышеупомянутый высокородный государь король Ханс должен одобрить, утвердить и исполнить все статьи и пункты, которые он, находясь в Хальмстаде, обещал исполнить Шведскому, Датскому и Норвежскому королевствам и всем их жителям, скрепив это обещание своей клятвой и печатью. Каковые статьи мы одобряем и утверждаем во всех пунктах, внеся в них некоторые усовершенствования, ради выгоды и пользы для Шведского королевства. И он должен вновь нам и всем жителям Шведского королевства клятвенно обязаться исполнить и полностью безоговорочно соблюсти все нижеперечисленные статьи и все, что эти статьи и договоренности предписывают и содержат, скрепив это обязательство своей клятвой, малой печатью, монаршей печатью Его Величества, а также печатями высокородной государыни к[оролевы] Доротеи и его дорогого брата герцога Фредерика. И вышеупомянутый король Ханс должен при этом лично присутствовать в предстоящий день Успения Богородицы, а также послать нескольких уполномоченных от датского и норвежского риксродов на встречу с членами риксрода Швеции здесь в Кальмаре, дабы заключить окончательный договор о том, что ранее обсуждалось в отношении

Готланда¹⁵, Скордаля и Сурте¹⁶, в соответствии с буквой и содержанием вышеупомянутых соглашений, а равным образом, чтобы удовлетворить, ежели таковые имеются, иски Датского и Норвежского королевств к Шведскому королевству. Каковые статьи суть нижеследующие.

Мы, Ханс, Божьей милостью король Дании, Норвегии, вендов и гетов, избранный король Швеции, герцог Шлезвигский, герцог Голштинский, Штормарнский и Дитмаршенский, граф Ольденбургский и Дельменхорстский, объявляем, что за ту любовь и добрую волю, которую нам изъявили эти вышеуказанные три королевства, мы обещаем и клянемся, ради нашей королевской присяги, чести, истины и доброй веры, прочно и нерушимо блюсти все нижеследующие положения и статьи.

Прежде всего, мы желаем и должны превыше всех вещей любить Бога и святую

¹⁵ Остров Готланд примерно с XI века подчинялся шведской короне, но сохранял автономию. В 1361 году был завоеван датским королем Вальдемаром Аттердагом, в 1394 — захвачен пиратами, подчинявшимися Альбрехту Мекленбургскому, в 1398 г. перешел во владение Тевтонского ордена. В 1408 г. Готланд выкупила Маргрета I, не сделав распоряжений относительно государственной принадлежности острова. В связи с этим Готланд являлся предметом споров между Швецией и Данией.

¹⁶ Пограничные владения на юго-западе Скандинавского полуострова.

церковь и крепить право ее служителей, а также утвердить и нерушимо, во всех пунктах, блюсти все их привилегии, вольности, установления, хоннфестнинги и добрые древние обычаи, которые они безусловнейшим образом¹⁷ получили от святой римской церкви, папы, святых отцов, ранее правивших христианских королей, государей и государынь.

Также мы должны править этими тремя королевствами, замками, городами, землями и ленами согласно писаным законам, хоннфестнингам, постановлениям, вольностям, привилегиям и добрым древним обычаям, как то предписывает наша королевская присяга и как сказано ниже.

Также мы не должны принимать в свой совет иноземцев и жаловать им земли, замки и лены, за исключением тех иноземцев, которые ныне в чести. И мы должны править нашими королевствами и нашими усадьбами при посредстве достойных местных уроженцев – тех, кто родился и проживает в соответствующем королевстве, и никоим образом не вверять эти королевства и усадьбы людям чрезмерно низкого происхождения; и никому не жаловать и ни у кого не отбирать замки или лены иначе как с совета наиболее

¹⁷ Т. е. без ограничений и оговорок (которые могли бы использоваться как предлог для вмешательства светской власти в дела церкви).

высокопоставленных и наиболее достойных членов риксрода в той местности, где расположены эти замки [и лены]; и объявлять им, по какой причине кто-либо лишен лена, и те выскажут свое мнение и дадут по этому поводу совет, такой, какой они пожелают дать от имени всего риксрода соответствующего королевства.

Также мы отныне не должны отдавать в залог или отчуждать замки, торговые города, земли или лены указанных королевств, иначе как с совета и согласия всего риксрода и к большой пользе для соответствующего королевства.

Также мы желаем и должны обеспечить, чтобы наши охранные грамоты, кому бы мы их ни дали, имели силу и чтобы все могли мирно въезжать в наши земли и проплывать через наши воды, если только это не ведет к ущербу для наших пошлин и законно причитающихся сборов; и мы не должны отказывать в наших охранных грамотах никому из тех, кто пожелает их получить.

Также мы не желаем и не должны позволять никому другому от нашего имени посредством посланий, направленных в Рим, препятствовать избранию епископов или других прелатов, присваивать себе право их назначения, как внутри страны, так и за ее пределами, а также вверять кому-либо распоряжение доходами церкви, сколько-либо нарушая право и вольность церкви; но да будет каждая

церковь¹⁸ и монастырь довольствоваться правом свободного выбора. Если же случится, что на то¹⁹ была или будет дана грамота или привилегия, она отныне не имеет силы и не должна употребляться. Исключение должны составлять те доходы, на которые мы и корона имеем право патроната²⁰. И никто не должен получать церковные лены и доходные должности, кроме пригодных для того уроженцев соответствующего королевства.

Также мы ни в одном из этих королевств не должны иметь права сокращать принадлежащие короне земли, лены, города, замки, или усадьбы, или земельные владения, число ландбу короны или размер годовой ренты.

Также в отношении того, что от Норвежского королевства в прошедшие годы, особенно в правление высокородного государя короля Кристиана — нашего дорогого отца, — было отторгнуто — будь то земли,

¹⁸ Здесь: епархия. Речь идет о праве избрания епископа соборным капитулом.

¹⁹ На вмешательство в избрание высших духовных лиц и на налогообложение церковных доходов.

²⁰ *Jus patronatus*. В Германии и скандинавских странах это право восходило к древним ранне-средневековым традициям. Католическая церковь, которая отстаивала свою свободу от светского вмешательства, признавала право патроната как добровольную уступку в благодарность за благодеяния (например, основание церкви). Об этом праве патроната здесь идет речь.

замки, города, доходы, рента или что бы то ни было, мы, ради Бога и нашей королевской клятвы, должны, употребив все силы, обеспечить, чтобы все это безусловно и полностью, при первой же возможности, с совета членов риксродов [трех] королевств вернулось к норвежской короне; также и Шведскому королевству помочь в законном порядке вернуть Готланд, Скордаль и Сурте, когда они провозгласят нас в Швеции государем и королем; также и Датскому или Норвежскому королевству, если у них есть какой-либо иск к Шведскому королевству в отношении земельных владений, как-то, например, относительно Бохусских пошлин²¹ и других законных владений и прав королевства.

Также мы обещаем ради нашей христианской веры, королевской присяги, чести и истины, что мы и наша дорогая мать королева Доротея, и наш брат герцог Фредерик, и наши дети, наследники или другие последующие родичи, как соотечественники, так и иноземцы, во вечные времена не будем иметь права в судебном порядке или каким-либо иным образом возбуждать иск, предъявлять

²¹ Торговые пошлины, взимаемые в крепости Бохус на юго-западе Скандинавского полуострова. Обладание этой крепостью давало возможность в значительной степени контролировать шведскую торговлю, осуществляемую через североморское побережье.

обвинение, чинить ущерб или вступать в распрю с высокочтимым, высокородным и могущественным рыцарем, герром Стеном Стуре — правителем Шведского королевства, герром Нильсом Стуре, герром Иваром Аксельссоном или каким-либо их наследником, или какими-либо другими жителями или союзниками Шведского королевства, духовными или светскими, бедными или богатыми по поводу какого-либо ущерба, который был причинен выше-названному высокородному государю, нашему дорогому отцу и нашей дорогой теще в отношении замков, городов, земель или ленов, а также людей путем разбоя, смертоубийства либо поджога, или по поводу любого иного ущерба, причиненного на суше и на воде. <...> Также полностью исчерпанным с обеих сторон и во всех отношениях должно считаться то, что произошло между нами и жителями Норвежского королевства со времени смерти нашего дорогого отца по настоящее время.

Если же мы или кто-либо другой, да не будет на то Божья воля, дерзнет поступить или распорядиться вопреки вышесказанному, то государственные советники, епископы, прелаты, рыцари и свены, бюргеры торговых городов и простой народ всех трех королевств да будут обязаны, ради своей чести и в силу присяги, оказать сопротивление нам или соответствующему человеку, который не хочет соблюдать вышесказанное. И эти их действия ни в коем отношении не будут с их стороны

преступлением против нас, короны или кого-либо другого. И сверх вышеперечисленного, все пленные со всех сторон должны быть освобождены и отпущены. А если случится, да не будет на то воля Божья, что кто-либо один или множество людей поднимут восстание или взбунтуются против нас или против какого-либо королевства, или против того, кого члены риксрода единодушно изберут правителем королевства по смерти короля, то мы и все жители королевства, и богатые, и бедные, ради своей чести, жизни и владений должны со всей преданностью посодествовать тому, чтобы усмирить и пресечь это восстание и свершить правосудие над теми, кто его поднял, согласно тому, что предписывает закон. Если же случится так, что жители этого королевства не смогут подавить это восстание своими силами, то другие два королевства ради своей чести должны всеми имеющимися силами, со всей преданностью помочь усмирить и пресечь это бедствие. Равным образом, мы не должны творить беззаконие или насилие над лицами духовными и светскими, богатыми и бедными, в отношении их жизни, чести, здоровья, имущества или денег, и не должны заключать кого-либо в башню или темницу, если виновность обвиняемого не доказана в судебном порядке в той стране, где было совершено преступление; и при этом государственные мужи той местности, где это произошло, должны быть

уполномочены по делам чести и права в отношении тех, кому мы предъявим обвинение, и не должны дозволить, чтобы мы творили по отношению к ответчику или ответчикам произвол вопреки закону и праву. Если же мы поступим вопреки вышесказанному, то да будут все достойные люди этих трех королевств обязаны нас на этот счет вразумить. Если же, да не будет на то воля Божия, мы не дадим себя вразумить, тогда жители всех трех королевств ради своей чести должны со всей преданностью способствовать пресечению соответствующих наших действий. И это не будет с их стороны нарушением клятвы верности, которую они нам принесли, поскольку, если мы совершим такой произвол и беззаконие, это будет и преступлением против нашей королевской присяги и чести; и как все обязаны блюсти право, так и все обязаны добиваться правосудия от нас и нашего риксрода, если кто-то имеет к нам иск в судебном порядке.

Также мы обещаем нашей грамотой нерушимо блюсти, приложив все возможные усилия, нижеследующие статьи.

Прежде всего, что мы желаем и должны оказывать своим советникам, рыцарству, достойным людям духовного и светского звания надлежащий почет и уважение, и не позволять, чтобы по отношению к кому-либо из них, каждому в его звании, чинился какой-либо произвол вопреки закону и праву, и не верить никаким домыслам, возводимым

против кого-либо, если только обвинитель не захочет явиться лично и в отношении этого домысла не будет произведено разбирательство членами риксрода. И мы не должны невежливо отзываться о ком бы то ни было, особенно же о наших советниках, и не должны клеветать ни на кого из них в присутствии наших придворных и служителей, если вина этого человека нам с очевидностью не доказана. Если же кто-либо из наших советников или какой-либо достойный человек нанесет нам ущерб, мы желаем предъявить ему обвинение перед нашими советниками.

Также мы не должны облагать народ или торговые города в каком-либо из королевств налогом или повинностью иначе как с совета всего риксрода, с дозволения епископов, прелатов и рыцарства и с одобрения представителей народа, согласно закону.

Также все пошлины в Шведском королевстве должны, как бы то ни делалось раньше, взиматься серебром, дабы поддержать на должном уровне монету; и в связи с этим ни один фогд или служащий да не будет иметь права взимать в счет пошлины сукно, соль, хмель либо другие товары или движимое имущество, но пусть взимает лишь серебром для удовлетворения потребности в монете. И мы не должны иметь права изменять монету или снижать ее действительную стоимость иначе как с совета всего риксрода соответствующего королевства. И с совета всего риксрода

Норвегии мы позволяем, чтобы монета [в этой стране] чеканилась в Тронхейме согласно привилегии Нидаросского кафедрального собора, а также в Бергене и Осло, в соответствии с расположением областей этого королевства — [итого] в трех городах, и имела то же достоинство, что и датская монета. И мы не должны позволять, чтобы мелкая монета чеканилась в большем количестве, чем то оговорено в грамоте монетных дел мастера.

Также мы ни в одном из королевств не должны налагать запрет [на вывоз товаров из страны] иначе как с совета большинства членов риксрода соответствующей страны; когда же запрет наложен, он не должен быть отменен иначе как с согласия большинства членов риксрода соответствующей страны. И ни мы сами, ни кто-либо другой не должен распоряжаться о вывозе чего-либо или кому-либо позволять вывозить что-либо, когда действует запрет; когда же запрета нет, все могут путешествовать свободно по своим делам, совершая свой оборот и проч.

Также никто не должен быть выведен нашей грамотой из-под законов страны, херадстинга, ландстинга или канцлера королевства²² в отношении дел, подлежащих их

²² Запрет на освобождение лиц от судебной ответственности перед канцлером королевства относится к Дании, поскольку именно в этой стране канцлер был наделен юридическими полномочиями.

ведению. И мы не должны выдавать охранных грамот иначе как в порядке, предусмотренном законом.

Также ни мы, ни какой бы то ни было светский судья не должен иметь право вершить правосудие по каким-либо делам, касающимся церкви, ее служителей, слуг или владений, как то оговорено правом святой церкви, ее установлениями, привилегиями, вольностями и добрыми древними обычаями, но пусть по этим делам вершит правосудие церковный суд, как то надлежит. Равно и служители церкви не должны заниматься светским судопроизводством в большей степени, чем то предписано церковными законами и привилегиями этих духовных лиц.

Также мы с совета нашего риксрода должны назначить достойных людей из числа наших советников, по возможности-справедливейших и мудрейших, для ведения судебных разбирательств [по земельным вопросам] по всему королевству. И означенные люди должны быть уполномочены для ведения разбирательств и для судопроизводства в отношении всех владений²³ короны, церкви и рыцарства. И каждый епископ в своем епископстве или же один либо два прелата его епархии должны входить в число указанных достойных людей, дабы присудить или

²³ Речь в данном случае идет о недвижимости.

отсудить что-либо у церкви или ее служителей в соответствии с законом.

Также в Швеции в каждой лагсаге, как то предписывает закон, должен иметься королевский нэмд, которому следует приводить в исполнение все судебные приговоры и, как то надлежит, вести разбирательство в случаях невыполнения решений суда.

Также мы не должны начинать войну иначе как с единодушно изъявленного совета и одобрения риксродов всех [трех] королевств и не должны вводить ни в какое из этих королевств иноземные войска за исключением тех случаев, когда это крайне необходимо для соответствующего королевства — и то с совета и одобрения риксрода этой страны.

Также ни одно королевство не должно отстраняться от другого, вступив с ним в распрю или ссору²⁴; но что постигнет одно из них — будь то война либо какое-нибудь иное злодеяние, исходящее от недобрых людей вне королевства или внутри его — то должно постигнуть все [три] страны. И каждое из королевств должно прийти другому на помощь со всей верностью и всеми силами, но таким образом, чтобы указанные королевства полностью блюли права друг друга и оказывали друг

²⁴ Текст данного параграфа по содержанию и фразеологии близок соответствующему разделу Договора о Кальмарской унии.

другу надлежащий почет. И ни одно из этих королевств не должно иметь права начинать войну на условиях данного союза иначе как с одобрения риксродов всех трех королевств. И то королевство, которое желает получить поддержку от других, должно обеспечить тем, кто придет ему на помощь, возмещение расходов, провиант и корм для лошадей. И мы возьмем на себя возмещение их ущерба, выкуп из плена, обеспечение кораблями, лошадьми и [необходимым] имуществом, куда они не вернутся в свое королевство. Если, по Божьей милости, они завоюют какие-либо земли, лены, замки или города, то таковые должны отойти к этому королевству. Если же будут взяты пленные, они должны поступить в наше распоряжение. А все, что будет захвачено сверх того — будь то корабли, лошади, личные вещи и какое бы то ни было движимое имущество — все это должно быть разделено соответственно числу [участвующих в боевых действиях] людей с обеих сторон.

Также мы, наша супруга и наши отпрыски не должны покупать или брать в залог земельные владения у рыцарства и [вообще] у фрельсисманов. Равно и податным людям запрещается брать в залог или покупать фрельсовые имения.

Также ни мы, ни наши должностные лица не должны присваивать ничего из владений церкви или клириков, плодов труда их ландбу, а также назначать или смещать ее слуг, даже

если мы имеем право патроната над данной церковью. И мы ни в коем случае не должны позволять своим фогдам, должностным лицам или кому-либо другому взыскивать и требовать с церковей, монастырей, клириков, рыцарства, их прислуги, земель и ленов какие-либо налоги, подати, корм для лошадей или йестнинг²⁵, ямскую или какую-либо иную повинность, если только мы сами или какой-либо наш важный советник либо посланник не едет по стране по делам королевства²⁶. И каждый достойный человек, будь то духовного либо светского звания, должен являться королем²⁷

²⁵ Традиционная повинность постоя-кормления короля и королевской свиты.

²⁶ Для средневекового шведского законодательства это требование являлось традиционным — со времен Статутов Альснё (ок. 1280 г.).

²⁷ Смысл этого требования, характерного для шведских аристократов конца XV — начала XVI в., заключался в том, что большинство проступков арендаторов-ландбу должны подлежать суду владельца земли, который, таким образом, получал на территории имения часть королевских полномочий — в том числе на взимание в свою пользу причитающейся монарху доли судебных штрафов. Члены привилегированного сословия считали, что имеют в пределах своих владений безусловное право на указанные полномочия. С точки зрения монархов, делегирование таких полномочий являлось, в каждом отдельном случае, следствием особой королевской милости.

над своими ландбу, за исключением тех случаев, когда штрафы за их проступки по закону идут полностью в доход короля.

Также никакой иноземец не должен быть бургомистром, родманом, таможенником, городским фогдом, камерарием в каком-либо торговом городе либо лагманом [в какой-либо из лагсаг]; но эти должности должны занимать уроженцы соответствующего королевства.

Также никто не может быть принят в риксрод, кроме благородных уроженцев соответствующего королевства из числа рыцарей и сенов, а также стольких клириков, в скольких есть необходимость и сколько их имеется для того пригодных, как то предписывает шведский закон. И [все] они должны быть приняты с совета всего риксрода и обязаны принести надлежащую клятву. Если же кто-либо из членов риксрода какого-либо из королевств, отпав от своих собратьев, без их общего согласия услужливо сообщит нам или иному лицу, не входящему в риксрод, то, что, совещаясь между собой, говорили и делали члены риксрода, то такой человек должен быть с позором изгнан из совета и никогда не может быть принят обратно.

Также государственная казна и грамоты Дании должны находиться в Калуннборгском замке. И два духовных и два светских лица, включая камермейстера, должны иметь от них ключи. И камермейстер должен быть одним из указанных четверых и должен раз

в году давать нам и [датскому] риксроду отчет о всех доходах и расходах. Так же должно быть и в Норвегии, и в Швеции, в Стокгольмском замке.

Также мы не должны вывозить или позволять вывозить из какого-либо королевства драгоценности этого королевства, грамоты или ренту. Но в каждом королевстве все, что останется от налогов, ренты и доходов короны сверх того, что требуется для приличествующего нашему королевскому достоинству содержания, должно оставаться в соответствующем королевстве и поступать там в казну для нашей пользы и для пользы королевства и никогда не должно вывозиться из страны иначе как с совета всего риксрода.

Также мы обязуемся обеспечить, чтобы наши грамоты имели силу, и не создавать грамоту против грамоты; равно как и выполнить обязательства, содержащиеся в грамотах нашего отца; и уплатить его подлежащие уплате долги в каждом королевстве из ренты соответствующего королевства, тогда, когда это будет возможно, с совета риксрода. Если же он остался должен деньги или выдал долговые обязательства за рубежом, мы желаем исполнить эти обязательства таким образом, чтобы при этом не нанести ущерба своим королевствам и их жителям и не возбудить их недовольства.

Также мы и наши должностные лица и кто бы то ни было никоим образом не должны

поступать в отношении потерпевших кораблекрушение иначе, нежели как то предписано законом.

Также все обмены земельными владениями и угодьями между церквами, короной и рыцарством, законно совершенные к настоящему времени в этих трех королевствах, должны сохранить силу, и мы должны в отношении каждого, кто к нам за тем обратится, их соблюсти и утвердить своими грамотами.

Также у нас должны иметься являющиеся уроженцами соответствующей страны гофмейстер, канцлер и всевозможные другие должностные лица и придворные, которым надлежит постоянно управлять нашей усадьбой и составлять нашу свиту, покуда мы находимся в указанной стране. Если же нам будет угодно, мы можем иметь при себе четырех придворных и столько пажей, сколько потребуется, из других королевств.

Также мы должны проводить один год в Швеции, другой — в Дании, третий — в Норвегии, если только не возникнет особой необходимости в том, чтобы мы пребывали там²⁸ дольше или чаще, и это должно иметь место с совета риксрода того королевства.

Также, когда мы переезжаем из одного королевства в другое, несколько человек из числа членов риксрода той страны, куда мы въезжаем, а также [несколько] должностных

²⁸ Т. е. в одной из этих стран.

лиц и придворных должны встречать нас у границы, а далее следовать за нами по королевству, в мире и с заложниками²⁹, согласно закону и добрым древним обычаям этого королевства. Когда же мы пожелаем покинуть это королевство, они должны следовать за нами до границы, в том же порядке, который описан выше.

Также мы не должны размещать своих придворных или пажей у епископов, в монастырях или у каких-либо достойных людей, которые держат наши замки или лены за службу или в залог; но нам следует размещать их в замках и ленах нашего фиска: наших датских придворных — в наших замках и ленах в Дании, шведских — в Швеции, норвежских — в Норвегии. И мы не должны предписывать достойным людям, которые держат за службу замки и лены, чтобы те снаряжали наших пажей, но нам следует доверить их снаряжение нашему камермейстеру в соответствующем королевстве или направить их к нашим фогдам, которые управляют замками и ленами, под отчет. И мы никоим образом не должны размещать наших служилых людей в торговых городах иначе как на условии полного возмещения расходов, кроме тех случаев, когда мы лично присутствуем — тогда пусть нас содержат

²⁹ *medh grudh och gysle*. Другой вариант перевода: «в неприкосновенности». Ср.: Королевские разделы Упландслага и Ландслага Магнуса Эрикссона.

и оказывают нам такую посильную и разумную помощь, которая подобает.

Также ради чести и для поддержания достоинства означенных трех королевств мы должны обеспечить, с совета риксродов, чтобы Уппсальский и Копенгагенский университеты в вечные времена обладали надлежащими полномочиями.

Также мы не должны утверждать старые или давать новые привилегии и вольности иноземным городам или купцам в каком-либо из этих трех королевств без совета риксрода того из этих королевств, которого касаются эти привилегии.

Также каждый достойный человек может пользоваться своим залогом³⁰ согласно содержанию полученной на то грамоты, без службы и повинностей.

Также мы желаем принять полномочия в отношении замков от наших возлюбленных Государственных советов Дании и Норвегии и обязуемся передать эти полномочия нашим достойным людям и служащим в вышеназванных двух королевствах под нашу верховную власть, а после нашей кончины — под верховную власть риксродов вышеназванных двух королевств. Если же случится так, что в отношении передачи замковых полномочий сделаны другие распоряжения, такие не должны иметь силы.

³⁰ Т. е. залоговым леном.

Также, когда нам случится переезжать из одного королевства в другое, мы желаем и должны назначить четверых членов риксрода покидаемого королевства, которые будут уполномочены в наше отсутствие обеспечить правосудие всем, кто бы за таковым ни обратился, и будут созывать риксрод ради нашей пользы и пользы королевства, когда в этом будет потребность; но при этом никто не должен быть выведен из ведения лагманстинга, херадстинга, ландстинга или канцлера королевства.

Также мы желаем назначить четверых человек из числа членов шведского риксрода — двух духовных лиц и двух мирян, и этим четверым вверить все полномочия в отношении замков в этом королевстве, дабы, когда, по воле Бога, мы покинем этот мир, эти четверо являлись попечителями королевства до тех пор, покуда советники этих трех королевств не соберутся вместе и не договорятся относительно выборов короля. И всякий раз после смерти одного из указанных четырех риксрод этой страны должен назначить нового на его место. И вышеназванные четверо должны править королевством в отсутствие короля всякий раз, когда он, покинув это королевство, переедет в другое. И что вышеназванные четверо в отсутствие короля законно присудили и содеяли, то король должен прочно и нерушимо блюсти. А если в отношении замковых полномочий будут сделаны иные

распоряжения, они не должны иметь силу; но эти полномочия следует равным образом передать вышеупомянутым четверым. И вышеназванные четверо или кто-либо один из них должен быть уполномочен в отсутствие короля созывать риксрод настолько часто, насколько в том есть потребность, ради нашей пользы и пользы нашего королевства.

Также жители всех этих трех королевств, как духовного, так и светского звания, в каком бы королевстве они ни проживали, незаконным образом лишившиеся своего имущества и владений, будь то наследные владения, залоговые, городские³¹, арендованные или взятые в залог у короны и до сих пор не получившие их обратно, должны незамедлительно обрести их вновь. И если имеются достойные мужи или женщины, которые лишились своих [владельческих] грамот в ходе этой распри, мы желаем и должны выступить их поручителем, выдав им соответствующие наши грамоты с совета и согласия нашего риксрода и в соответствии с Божьей правдой <...>.

³¹ *Köpstadagodtz*; аналогично – в датском списке документа: *Køpstedede godz*. Речь, таким образом, идет о городской недвижимости. Но, исходя из контекста данного документа и из текста проекта 1482 г., вполне можно предположить, что данная формулировка – результат неправильного прочтения изначального: *Köpe godz* – покупные владения.

Также мы должны посылать от каждого королевства троих человек — одного епископа и двух представителей рыцарства — на ежегодные встречи, которые должны происходить таким образом, чтобы эти девять участников, представляющих все три королевства, в один год собирались в Конунгсбакке, на другой — в Нюлёдесе, на третий — в Конунгахелле; по времени же эти встречи должны быть приурочены ко дню святого короля Олава³². Там должны обсуждаться, ежели возникнут, вопросы касательно событий, могущих привести к беспорядкам и раздорам между королевствами и внутри них, и должны приниматься решения о мерах, ведущих к восстановлению согласия между королевствами и спокойствия внутри них; и там же надлежит заслушивать сообщения о том, насколько данная привилегия соблюдается в королевствах во всех своих статьях и пунктах, как то надлежит.

Также если кто-то в каком-либо королевстве будет объявлен вне закона и приговорен к изгнанию за свои преступления, то он должен равным образом быть изгнан из двух других королевств. И никто не должен брать его под защиту или давать ему приют; но там, где ему будет предъявлено обвинение, над ним следует свершить правосудие в соответствии с писаными законами той страны,

³² Т. е. 29 июля.

где было совершено преступление³³. Равным образом никто не должен предоставлять прибежище и защиту кому-либо, кто к соблазну для других неразумно покинет своего господина — независимо от того, окажется ли поступивший так в пределах своего королевства или в каком-либо из двух других королевств.

Также мы не должны иметь право запрещать достойным людям [наших] королевств укреплять свои усадьбы и не должны позволять изгонять их из законных владений путем насильственного выселения или какого-либо иного произвола. Равным образом мы не должны гневаться, если нам донесут, что какой-либо достойный человек духовного или светского звания принял меры по обеспечению своей безопасности, прежде чем допустить нас или кого-либо другого в свою усадьбу. Равно мы не впадем в немилость, если кто-либо, духовного или светского звания, бедный или богатый, вызвав наш гнев, отдаст себя на милость какого-либо достойного государя или государственного мужа, дабы дожидаться своего часа и вернуться к нам с миром. Но этим правом не должны пользоваться те, кто в законном порядке объявлен вне закона и изгнан, а также те, кто не пожелал предстать перед судом риксрода, когда им кто-либо предъявил обвинение;

³³ Ср. текст Договора о Кальмарской унии.

и мы не откажем в защите³⁴ никому, кто к нам за таковой обратится <...>.

Также мы желаем дозволить, чтобы риксрод Норвегии раз в два года собирался на совещание для обсуждения государственных дел, независимо от того, находимся ли мы в это время в пределах этого королевства или вне его. И эти совещания должны происходить поочередно в Осло и в Бергене; и на них должны вершиться судебные разбирательства и выноситься приговоры по всем делам и обвинениям, которые не могли быть рассмотрены в ином порядке. И вынесенные там в законном порядке приговоры мы желаем утвердить и нерушимо блюсти. И архиепископ Тронхеймский должен быть уполномочен созывать членов риксрода на эти совещания.

Также мы должны обеспечить, чтобы часть ренты королевств выделялась на строительство и усовершенствование замков и усадеб короны, насколько в том имеется потребность <...>.

Также мы, ныне здесь собравшиеся вышеупомянутые государственные советники и полномочные представители Швеции, Дании и Норвегии, обещаем и заявляем друг другу равным образом от имени отсутствующих и присутствующих, рожденных

³⁴ В подлиннике употреблено слово – защита, гарантия неприкосновенности.

и нерожденных, клянясь нашей христианской верой, честью и истиной, что мы со всей верностью и преданностью будем содействовать друг другу в каждом из королевств, дабы эти вышеперечисленные статьи и каждая из них в отдельности блюлись нерушимо, без препятствий, возражений или каких-либо уверток, во всех отношениях, как сказано выше. Для окончательного утверждения и большей сохранности всех этих статей, в ознаменование того, что заключен вышеуказанный договор, мы привешиваем свои печати под этой грамотой, созданной в Кальмаре, в год от Рождества Господня 1483-й, в канун Рождества Богородицы.

Источники по истории «Стокгольмской кровавой бани»

Приговор Герру Стену и его сторонникам

Мы, Густав, божьей милостью архиепископ Уппсальский и проч.; Йенс Оденский, Ханс Линчёпингский, Отте Вестеросский, тою же милостью епископы; местер Йерен Турессон, настоятель Уппсальского кафедрального собора; Вернер, архидиакон Линчёпингский; Ларенс Андреэ, архидиакон Стренгнесский; Йенс, декан Скарский; доктор Педер Галле, схоластик Уппсальский; доктор Эрик Гетинг, официалий Уппсальский; доктор Ларенс из стокгольмской братии ордена

проповедников; местер Маттиас; местер Хенрик, уппсальский каноник, и местер Свен, скарский каноник, объявляем, что в год от Рождества Господня 1520-й, в четверг после дня Всех Святых мы по предписанию и воле нашего дражайшего, милостивейшего государя короля Кристиана и проч. собрались в большом зале Стокгольмского замка. И предстал пред нашим судом почтенный человек – местер Йен, уппсальский каноник, и предъявил письменную жалобу на умершего герра Стена Свантессона и на других лиц, перечисленных в этой жалобе, каковая дословно здесь приводится.

Властительный государь, герр Кристиан, Божьей милостью король Швеции, Дании, Норвегии и проч., дражайший, милостивый государь! Я, Густав, Божьим произволением недостойный архиепископ Уппсальский, напоминаю Вашему Величеству о королевской клятве, которую Ваша милость принесли в моем лице святой церкви в прошедшее воскресенье, когда я, недостойный, миропомазал Вашу милость и увенчал шведской короной. Ваша милость обещали помочь мне, а также архиепископу Якобу, Вестеросскому епископу Отте, нашим церквам, клирикам и всему христианскому миру возбудить судебное дело против нижеследующих отъявленных еретиков, из которых первый – умерший еретик герр Стен, [остальные же] – фру Сигрид, фру Кристин, Монс Грен,

Микель Нильссон, Эрик Рюнинг, Кристиерн Бенгтссон, Улоф Вальрам, Эрик Кусе, Клаус Кюле, Улоф Бьёрнссон, Бенгт Эрикссон, Эрик Нильссон, Эскиль Нильссон, Педер-портной, Иоаким Брагде, Свен Хёк, Педер-кузнец, бургомистры и родманы [Стокгольма] и [сам] город Стокгольм. Каковых я всех в равной мере считаю причастными к ереси. И я ни в коем случае не пойду на мировую с такими отъявленными еретиками, открыто посягнувшими на все христианство своими непристойными и недостойными деяниями. Все перечисленные в совокупности и каждый в отдельности, вкупе с умершим еретиком герром Стеном, сперва держали меня в осаде одиннадцать недель и один год, а затем привели меня в Стокгольмскую ратушу, во всеуслышанье объявили предателем, приговорили к бессрочному тюремному заключению, после чего держали под стражей два года, пока войска Вашего Величества не вступили в Швецию, после чего [Ваше Величество], как христианский государь, освободили меня из тюрьмы, воссоединили меня с церковью и вернули мне мои привилегии. Также эти люди мучили меня в тюрьме смертными муками, что и сейчас по мне заметно. Стэкет – достойный замок святой церкви – они предали огню и сравняли с землей. Помимо этого, они изъяли из Уппсальского кафедрального собора и [архи]епископской усадьбы все принадлежащие мне и святой

церкви драгоценности, золото, серебро, деньги, доспехи, огнестрельное и холодное оружие, скот и [другое] имущество; каковые драгоценности, золото, серебро, деньги, другое имущество, скот и рента, оценивается, по неизменно добросовестным подсчетам, в более чем шестьсот тысяч марок чистого серебра. Ущерб же, нанесенный Стэкету и моей персоне, я оцениваю, по неизменно справедливым исчислениям, в четыреста тысяч марок чистого серебра. Также они захватили моего дорогого господина, герра архиепископа Якоба в усадьбе Арнё, и связанным доставили в Стокгольм, как какого-нибудь вора или злоумышленника. А усадьбу Арнё они ограбили и предали огню, изъяв оттуда золото, серебро, наличные деньги и скот совокупной стоимостью более шести тысяч марок чистого серебра; и невозможно восстановить усадьбу, стоимость которой составляла две тысячи марок чистого серебра. Возмещение же за его унижение и тюремное заключение должно составлять, по неизменно справедливым оценкам, сто тысяч марок чистого серебра. Также они на второй день Пасхи захватили епископа Отте в его кафедральном соборе и отволокли из церкви в замок, словно какого-нибудь вора или злоумышленника, и держали его в замке под стражей, покуда войска Вашей милости не взяли замок с бою и не вызволили епископа, после чего [Ваша милость] воссоединили его с его церковью

и вернули ему его привилегии, как то подобает христианскому государю и королю. Моего уппсальского каноника местера Йена они три года держали в заключении в Стокгольмском замке, грабительски обобрали, отобрав все, что он имел, а также присвоили его ренту за четыре года. Также всех моих клириков, попавших к ним в руки: прелатов, каноников, викариев и священников в Уппсале, а равно и в сельской местности — они унизили, обобрали и ограбили, отобрав все какое ни на есть их имущество. И всем моим клирикам, попавшим к ним в руки: прелатам, каноникам и священникам — они оставили лишь столько, сколько те могли съесть за один раз. Также всех моих прелатов и священников моей епархии, а равным образом прелатов, каноников и священников Вестеросской епархии они, в то время как я и епископ Отте находились в заключении, принуждали служить мессу вопреки запрету и предписаниям, исходившим от всего христианского мира. Властительный государь и христианский король, помогите нам и всему христианскому миру совершить правосудие над вышеназванными отъявленными еретиками и вернуть наши владения и владения святой церкви, а также получить возмещение ущерба, перечисленного выше. И я прошу содержать всех означенных лиц под стражей до тех пор, пока ваша Милость не установит, каким приговором ваша Милость обязаны нам в отношении

них. За какую кару, которой ваше Величество подвергнет таких отъявленных еретиков, Вы получите награду от Бога и похвалу от всего христианского мира.

Каковая письменная жалоба за день до того была предъявлена местером Йеном вышеупомянутому нашему дражайшему милостивейшему государю и всему риксроду в присутствии большинства тех, кто перечислен в вышеназванной жалобе. И при том, что злодеяния, в которых там обвинялись умерший герр Стен и вышеупомянутые его сторонники, могли быть вполне доказуемы сами по себе (поскольку о них все знали), эти злодеяния были к тому же во всеуслышанье подтверждены собственным признанием этих людей и предъявленной ими грамотой. И вышеназванный местер Йен просил нас решить в судебном порядке, не являются ли означенные преступления отъявленной ересью по отношению к римской церкви. Тогда мы приняли это дело к рассмотрению и тщательно расследовали его по всем пунктам. И выяснилось, что герр Стен и его вышеперечисленные приспешники в течение многих лет были заклеяны величайшим отлучением святой церкви и при том упорствовали и злобствовали, не желая принять к исполнению или ко вниманию советы или увещевания, будь то от нас или от других епископов и прелатов королевства, или же от тех судей, которых наш святейший отец, римский папа, особо уполномочил

для рассмотрения данного дела, а напротив, принуждали, унижали и ущемляли тех, кто, подчиняясь означенному нашему святейшему отцу – римскому папе, желали исполнить интердикт и запрет [на богослужение]. Сверх того, они также приняли постановление, скрепив его клятвами и печатями, что я, вышеназванный архиепископ Густав, никогда не верну себе свободу и архиепископский престол, а пребуду в вечном заключении. И более того: они обязались твердо блюсти таковой нехристианский союз друг с другом, какое бы ни последовало после этого отлучение или интердикт со стороны Римской курии. В каковых вышеперечисленных действиях многократно здесь упомянутый герр Стен и другие вышеназванные лица, которые добровольно, без принуждения, вступили с ним в вышеназванный нехристианский союз, явно вышли из повиновения святой римской церкви – что мы, согласно церковным, цесарским и шведским законам, не можем расценить иначе как отъявленную ересь; и как он, так и они должны рассматриваться как еретики и называться еретиками. Для большего свидетельства того, что мы так разобрали дело и вынесли такой приговор, мы, вышеназванные архиепископ и епископы, и все вышеназванные [духовные лица], привесили наши печати к этой грамоте, написанной в вышеупомянутом Стокгольмском замке, в вышеуказанные год и день.

*Донесение трех членов
Уппсальского соборного капитула
о Стокгольмской кровавой бане*

Мы, нижеперечисленные: Йеран Турессон, настоятель; Педер Галле, схоластик, и Эрик Гетинг, кантор Уппсальского кафедрального собора, получив от высокородного и могущественного властителя, герра Густава Эрикссона-правителя-хёвитсмана Шведского королевства, просьбу о том, чтобы мы, достоверно свидетельствуя, сообщили о виденном или слышанном нами относительно того, что случилось в Стокгольмском замке (ибо мы, в числе прочего, были вынуждены лицезреть ужасное и достойное горести смертоубийство, совершенное с неслыханной и невиданной жестокостью над духовными и светскими господами, а также над другими достойными людьми, которые все воистину заслуживают доброй памяти), согласно тому, что нам известно, во всех отношениях и во всех подробностях, сообщаем как явную несомненную правду нижеследующее.

В год после Рождества Господня 1520-й, в день октября месяца двадцать восьмой мы, вышеназванные, вместе со многими другими людьми прибыли в Стокгольм по предписанию архиепископа Густава, дабы помогать архиепископу и прислуживать ему во время мессы, как того требует обычай в отношении коронации монарха; каковое богослужение

имело место в воскресенье после дня всех Святых, пришедшееся на четвертый день ноября. И вышеназванный архиепископ Густав пригласил нас последовать за ним в замок в следующую среду, что мы и сделали в указанный день в полдень, и пробыли в замке в ожидании, покуда часы не пробили один час пополудни. Затем под каким-то коварно изобретенным предлогом, которого мы понять не могли, были заперты ворота замка, и взаперти оказались почти все дворяне — жены и мужи, епископы и прелаты почти со всего королевства, а также бюргеры, родманы, бургомистры и слуги всех вышеуказанных господ; и никого не выпускали наружу, а впускали лишь людей снаружи внутрь, и мы не могли уразуметь, для чего это было сделано.

В конце концов в большом зале началось заседание суда с королем во главе. Тогда явился архиепископ Густав и в весьма сильных выражениях пожаловался на тех, кто обременил Уппсальский кафедральный собор в то время, когда был осажден Стэкет, и на тех, кто разрушил этот замок, и проч.: прежде всего на герра Стена — тогдашнего правителя королевства, на его вдову фру Кристину и на тех, кто им помогал и их поддерживал в вышеназванных делах — чьи имена архиепископ велел предъявить королю и во всеуслышанье объявить в его присутствии, желая, чтобы король, в соответствии со своей

королевской присягой, которую он принес, когда короновался, сделал бы во имя Бога и справедливости так, чтобы церковь и архиепископ получили полное возмещение за произвол и ущерб, которые им многократно пришлось претерпеть. На что король изрек следующее: «Герт архиепископ! Угодно ли Вам кончить дело миром, в соответствии с решением, которое вынесет совет достойных людей, разобрав это дело, и проч., или же Вы настаиваете на сугубо судебном разбирательстве?» В ответ архиепископ горячо просил, чтобы присутствующих арестовали и каждый из них полностью возместил ему причиненный ущерб. Этого он и добивался от короля, в то же время не возражая против того, чтобы шло разбирательство по данному делу, которое еще ранее от имени архиепископа было возбуждено в Риме. Однако король не желал, чтобы в Риме велось разбирательство или был вынесен приговор по указанному делу. Поэтому он попросил архиепископа, чтобы оно было расследовано и решено внутри королевства, и пообещал, что тот получит полное возмещение за ущерб и произвол. Этим архиепископ и удовлетворился.

После этого королю была предъявлена и зачитана некая грамота, дословное содержание которой мы не стремились уловить. Однако затем по вопросам, которые задавал король, мы догадались, что указанная

грамота содержала улику против присутствовавших духовных господ и светских дворян, которые скрепили печатями эту грамоту. И первым спросили епископа Линчёпингского, скрепил ли он своей печатью указанную грамоту. На что он ответил утвердительно; однако он пожелал предохранить себя от грядущего приговора. Он объявил, что ранее изготовил письменное заявление об оправдании своих действий, и это заявление было извлечено на свет и во всеуслышанье зачитано. Затем король задал всем епископам и членам риксрода тот же вопрос, каждому в свой черед — и каждый пытался оправдаться и обосновать свои действия. Посему после множества отговорок, в том числе сомнительных — а отговорок было великое множество — мы, видит Бог, перестали следить за тем, что там говорилось и обсуждалось, сочтя, что нас это не касается, отошли [в сторону] и принялись говорить о том, что ворота заперты и столько людей мучаются взаперти. Посему мы стали размышлять, как бы оттуда выбраться — ибо некоторые из нас были этим обстоятельством сильно напуганы.

Спустя небольшое время король покинул зал, а совет остался заседать, чиня разбирательство и вынося решения по различным вопросам, вплоть до наступления темноты. Тогда были внесены свечи — и, подобно Иуде Искарриоту, замыслившему предать Христа и отдать его в руки стражи, вошли по приказу

немилосерднейшего короля Клаус Билле и Сёрен Норбю со светильниками и факелами, со множеством вооруженных людей, шедших впереди и позади них, и стали оглядывать зал и усердно искать тех, кого следовало схватить и увести. Сперва они вызвали наружу епископов и нескольких дворян, а затем в великом множестве увели в башню как благородных, так и простых женщин и мужчин, обреченных на прискорбную казнь, которая, как хорошо известно, случилась на другой день. После этого те, кто остался в зале, были настолько объаты ужасом, что уж не чаяли себе мира и покоя, но уподобились стаду овец, обреченных на заклание³⁵. После того как многих увели из зала, и наступила ночь, и часы показывали десять, все прелаты, каноники и священнослужители какого бы то ни было звания были вызваны наружу; никого другого при этом не выпускали. Затем епископов, прелатов и священнослужителей согнали в неприглядную тесную комнату — за исключением епископов Стренгнесского и Скарского (Бог да помилует их души), которых препроводили в другое помещение и которых мы с тех пор не видели в этом мире и надеемся увидеть на небесах, когда настанет час воздаяния за то, что тогда совершилось. И в упомянутой

³⁵ Аллюзия на библейский стих: «Но за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание» «Пс. 43: 23; ср. Рим. 8: 36).

комнате мы провели ту ночь в скорби, печали, слезах, терпя холод и многие иные телесные муки — как воистину по сей день помнят все, кто находился там.

На следующий день, в четверг, на восьмой день после праздника Всех Святых, когда часы показывали девять утра, все епископы, прелаты, каноники, члены монастырской братии и все, какие имелись, ученые люди были созваны в тот большой зал, который прошедшим вечером покинули. И герр Йоханнес Белленаке, епископ Оденсский, выйдя на середину, предложил собравшимся такой вопрос: следует ли людей, которые, скрепив себя общей клятвой, заключили между собой чрезвычайный союз против святого римского престола и наместника Христова папы, признать еретиками. На каковой вопрос ученые мужи — как сведущие в Священном Писании, так и сведущие в праве, поразмыслив и посоветовавшись, ответили, что, согласно Евангелию и духовному праву, тот, кто будет уличен в вышеназванных действиях, должен считаться еретиком. И это мнение высказали сперва епископы, затем прелаты, каноники, члены монастырской братии и все [лица] какого бы то ни было [духовного] звания. Но какое вероломство, коварство и жестокость таились в этом вопросе и какое зло король и его советники замыслили в сердцах своих, задавая его — того, да будет свидетелем Бог, который ведает все сердца и мысли, мы тогда

уразуметь не могли. И, насколько мы поняли, ни за вопросом, ни за ответом не последовало никакого приговора. И да будет Бог свидетелем, что мы в то время не могли понять, с какой целью нам задали вышеупомянутый вопрос. Затем всем собравшимся было велено вернуться в ту тесную комнату, в которой они до того содержались взаперти.

В тот же день, сразу после трапезы, прошедшей в скорби и печали, вошел гонец и объявил, что епископов Стренгнесского и Скарского, отданных в руки злодеям, под стражей вывели из замка. Услышав это, мы затряслись от страха и были объаты ужасом. Тогда епископ Белленаке, присутствовавший среди собравшихся, сказал: «Не может быть, чтобы Его королевское Величество осмелился причинить зло таким людям, а посему этим домыслам и сплетням не следует верить». От такого уверения наши сердца, объаты ужасом, получили некоторое облегчение. Но вскоре мы вновь услышали ту же самую весть. И епископ Белленаке [опять] заявил, что воистину того не может быть. В третий раз пришел немец по имени мастер Хенрик — единственный [добропорядочный] человек, доселе находившийся вблизи епископов, и, со слезами на глазах взывая к нам, объявил, что уже вот-вот будут их шеи простерты под мечом. Тут мы все преисполнились неопишуемого горя и ужаса и вместе побежали, возглавляемые

епископами, дабы предстать пред королем и отвратить его от такого недостойного и жестокого деяния, которое он задолго до того замыслил.

Тогда навстречу нам вышел немилосердный и кровожадный местер Дирик, преисполненный всевозможного коварства и злодейства (он-то и был вместе с немилосерднейшим королем творцом и виновником всего вышеописанного и случившегося зла), и произнес на своем немецком наречии, а затем повторил по-латыни слова, которые он бросил в лицо епископам: «Смотрите хорошенько, да призадумайтесь — как бы вас не постигла та же участь, что и тех злодеев», и проч. Когда мы это услышали, то все до единого были объаты неопикуемой печалью и ужасом и не осмеливались следовать дальше, получив запрещение от упомянутого местера Дирика, и сообща вернулись в ту самую комнату, в которой ранее находились, и там пробыли до наступления следующего дня, слезно моля Бога в великой духовной нужде своей, чтобы Бог сподобился избавить нас от грозившей нам позорнейшей гибели — ибо мы опасались, что нам суждено претерпеть ее вместе с остальными. Каковое избавление и имело место в наступивший день, когда часы показывали один час пополудни; тогда мы покинули замок, воздавая хвалу Богу и его святым, спасшим нас от немилосердия наижесточайшего из королей.

Но какому же немилосердному поруганию проклятые руки и недостойные уста палачей и слуг жесточайшего короля предавали невинных во всех отношениях досточтимых отцов — незаконно пострадавших господ и епископов! И других достойных людей, рыцарей, бургомистров и видных бюргеров, заслуживших честь и почет, они, всячески издеваясь, вывели на казнь, как невинных овец, обреченных на заклание³⁶. Под конец им отрубили головы — и однако же творимое над ними зло не окончилось даже на том, что их мертвые тела лежали сваленными в грязи, смешавшейся с их собственной кровью. Их еще и намеренно обрекли недостойному захоронению, предав огню тела означенных людей, а равно и останки могущественнейшего государя — герра Сте-на, который задолго до того был похоронен по обычаю святой церкви. Также и ребенка указанного государя, умершего самое большее восьми дней от роду, они извлекли из могилы и с не менее великим бесчестьем сожгли. Что же случилось сверх того, что здесь записано, могут дополнить те, кто в то время заседал в совете и в суде и, будучи особо для того избран, участвовал в свершении всевозможных дел.

³⁶ См. примеч. 35 на с. 242 наст. изд.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

- Хроника Эрика / Пер. А. Ю. Желтухина. Послесл. и коммент. А. Ю. Желтухина и А. А. Сванидзе. 2-е изд. М., 1999.
- Diplomatariun Norvegicum // Saml. og utg. af Chr. C. A. Lange og C. R. Unger. V Saml. Christiania, 1861.
- Sveriges traktater med främmande makter / Utg. O. S. Rydberg. III. Stockholm, 1895.
- Liv-, Esth- und Churländisches Urkundenbuch. VIII–IX. Riga, Reval, Moskau, 1884.
- Huitfeldt A. Danmark Riges Krønike. Chronologia III. København, 1977.
- Svenska medeltidsregister. Förteckning över urkunder till Sveriges historia 1434–1441. Stockholm, 1937.
- Akter rörande ärkebiskopsvalet i Uppsala 1432 / Utg. A. Lindblom. Uppsala, 1903.
- Olai Ericus* Chronica regni gothorum / Textkritische Ausgabe von E. Heuman und J. Öberg. I. Stockholm, 1993.
- Finlands medeltidsurkunder / Samlade och i tryck utgifna af Finlands statsarkiv genom Reinh. Hausen. III. 1431–1450. Helsingfors, 1921.

- Handlingar rörande Skandinaviens historia. 8. Stockholm, 1820.
- Historiska handlingar. 7. Stockholm, 1870.
- Vadstenadiariet. Latinsk text med översättning och kommentar / Utg. C. Gejrot. Stockholm, 1996. S. 206.
- Korner H. Die Chronica Novella / Hrgst. von J. Schwalm. Göttingen, 1895.
- Magnus Olaus Historia om de nordiska folken. II. Komm. J. Granlund. [Stockholm], 1976.
- Magnus Johannes Gothorum sveorumque historia. [Wittenberg], 1617.

Литература

- Сванидзе А. А. Понимание свободы и законности в шведском обществе XV в. (к трактовке восстания 1434–1436 гг.) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1987. С. 139–146.
- Сванидзе А. А. Северная Европа в XII–XV вв. // История Европы. II. Средневековая Европа. М., 1992. С. 405–430.
- Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. М., 1980.
- Сванидзе А. А. Требования шведских крестьян в восстании XV века // Социальные движения в Средневековье. М., 2001. С. 58–63.
- Сванидзе А. А. Швеция в период Кальмарской унии. Начало сословной монархии (конец XIV – начало XVI в.) // История Швеции. М., 1974. С. 114–128.
- Сванидзе А. А. Эпоха уний в Северной Европе // «Средние века». 1987. Вып. 50. С. 91–112.

- Andersson I.* Källstudier till Sveriges historia. Lund, 1928.
- Bøgh A.* «Med Guds og Sankt Eriks hjælp». Sociale oprør i Sverige-Finland 1432–1438 // Til kamp for friheden. Sociale oprør i nordisk middelalder. Ålborg, 1988. S. 138–165.
- Brilioth Y.* Den senare medeltiden. 1274–1521 // Svenska kyrkans historia / Utg. av H. Holmquist och H. Plejel. Uppsala, 1941. Bd. II.
- Carlsson G.* Arboga möte 1435 // Historisk tidskrift. # 56. Stockholm, 1936. S. 1–49.
- Carlsson G.* Engelbrekt Engelbrektsson // Svenskt biografiskt lexikon. 13. Stockholm, 1950. S. 572–589.
- Carlsson G.* Engelbrekt som helgon // Kyrkohistorisk årsskrift. 21, 1920–1921. S. 236–243.
- Carlsson G.* Kalmar recess 1483.
- Carlsson G.* Kalmarunionen. Till frågan om rättsgiltigheten av 1397 års unionsavtal // Historisk Tidsskrift. 15. Arg. Stockholm, 1931. S. 405–481.
- Carlsson G.* Pa tröskeln till Kalmarunionen // Historisk tidskrift. Stockholm, 1964. N 3. S. 264–269.
- Christensen A. E.* Erik af Pommerens danske kongemagt // Scandia. Stockholm, 1951/1952. B. 21. S. 44–60.
- Christensen A. E.* Kalmarunionen og nordisk politik. Copenhagen, 1980.
- Enemark P.* Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad. København, 1979.
- Gallen J.* Kättare // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. København, 1965. Bd. X. Sp. 69–74.
- Helle K.* Norge blir en stat. 1130–1319. 3 opplag. Oslo, 1993.

- Johannesson K.* Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982.
- Koht H.* Dronning Margareta og Kalmarunionen. Oslo, 1956.
- Larsson L.-O.* Engelbrekt Engelbrectsson och 1430-talets svenska uppror. Stockholm, 1984.
- Lindkvist T., Ågren K.* Sveriges medeltid. Stockholm, 1985.
- Lönnroth E.* Från svensk medeltid. Stockholm, 1959.
- Lönnroth E.* Sverige och Kalmarunionen 1397–1457. Göteborg, 1934.
- Lönnroth E.* Unionsdokumenten i Kalmar 1397 // Scandia. Stockholm, 1958. B. 24. S. 32–67.
- Olesen J. E.* Rigsråd, kongemagt, union. 1434–1449. Aarhus, 1980.
- Palme S.-U.* Sten Sture den äldre. Stockholm, 1950.
- Palme S.-U.* Till den statsrättsliga tolkningen av 1397 års acta // Scandia. Stockholm, 1951. B. 20.
- Paulsson G.* Studier i Strängnäs martyrologiet // Historia och samhälle. Studier tillägnade Jerker Rosén. Malmö, 1975. S. 22–37.
- Pirinen K.* Källorna till Stockholms blodbad i kanonistisk belysning // Historisk tidskrift. Stockholm, 1955. Årg. 75. S. 537–538.
- Reinholdsson P.* Uppror eller resningar? Samhällsorganisation och konflikt i senmedeltidens Sverige. Uppsala, 1998.
- Sawyer B., Sawyer P.* Medieval Scandinavia. Minneapolis, London, 1993.
- Schück H.* Drottning Margareta och Norges och Sveriges statsakter / Nordiska historikermötet // Historiallinen arkisto. Helsingfors, 1968. 63. S. 33–42.
- Schück Henrik* Engelbrekt. Stockholm, 1915.

- Schück Henrik* Svensk litteraturhistoria. I. Stockholm, 1890.
- Schück Herman* Ecclesia Lincopensis. Stockholm, 1959.
- Schück Herman* Engelbrektskrönikan. Tillkomsten och författaren. Stockholm, 1994.
- Schück Herman* I Vadstena 16 augusti 1434 // Historisk tidskrift. 1985. S. 135–149.
- Sjödell U.* Historiker inför Kalmarunionen. Lund, 1981.
- Skyum-Nielsen N.* Blodbadet i Stockholm og dets juridiske maskering. København, 1964.
- Skyum-Nielsen N.* Blodbadet: Proces og kilder // Scandia. Stockholm et al., 1969. Bd. 35. S. 284–352.
- Skyum-Nielsen N.* Ett vetenskapligt falsum i debatten om Kalmarunionen // Scandia. Stockholm, 1960. B. 26. S. 1–40.
- Söderlind N.* Striden om Uppsala ärkebiskopsstol åren 1432–1435 // Kyrkohistorisk årsskrift. Årg. 32. Uppsala; Stockholm, 1932. S. 1–104.
- Sundberg U.* Stockholms blodbad. Lund, 2005.
- Weibull C.* Gustav Trolle, Christian II och Stockholms blodbad // Scandia. Stockholm, 1965. S. 1–54.
- Weibull L.* Christina Gyllenstierna och Stockholms blodbad // Scandia. Stockholm, 1969. S. 272–283.
- Weibull L.* Kristian Erslev och Stockholms blodbad // Scandia. Stockholm, 1930. Bd. 3. S. 117–139.
- Weibull L.* Stockholms blodbad // Scandia. Stockholm, 1928. Bd. 1. S. 1–83.
- Weibull L.* 1397 års unionsbrev och dess rättsgiltighet // Scandia. Stockholm; København; Oslo, 1931. B. 4. S. 115–142.
- Westin G. T.* Historieskrivaren Olaus Petri. Lund, 1946.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Накануне Кальмарской унии	7
Глава II. Договор об унии	14
Глава III. Первые правители унии	42
Глава IV. Восстание Энгельбректа	53
Глава V. Проект нового договора: попытка усовершенствовать унию	107
Глава VI. Сотрудничество и противостояние	114
Глава VII. Стокгольмская кровавая баня ..	141
Послесловие	169
Приложение. Документы Кальмарской унии	178
Акт о коронации Эрика Померанского ..	178
Договор об унии Дании, Швеции и Норвегии	182
Проект нового союзного договора (около 1436 г.) по Санкт-Петербургской рукописи	191
Источники по истории «Стокгольмской кровавой бани»	230
Источники и литература	246

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Щеглов Андрей Джолинардович

«НАВЕКИ ВМЕСТЕ»

Швеция, Дания и Норвегия

в XIV–XV веках

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 21.06.25
Формат 10,0×18,0 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиагор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

В истории Дании, Швеции и Норвегии период с конца XIV по начало XVI века — особое время. Формально сохраняя самоуправление, эти королевства заключили союз под властью общего монарха. Соглашение было составлено в 1397 году в городе Кальмаре; отсюда название — Кальмарская уния. На практике между королевствами возникли сложные, противоречивые отношения, где имели место и сотрудничество, и борьба. Подробности этих отношений являются предметом научных споров. Кальмарская уния интересна документами, многие из которых порой отражают не только программы элиты, но и чаяния народа. Наконец, Кальмарская уния заключает в себе моменты, важные для понимания средневековой истории; при этом она имеет индивидуальный, неповторимый колорит. В данной книге рассмотрены этапы унии, проанализированы источники — документы и хроники, даны обзоры научных дискуссий. В приложении содержатся выполненные автором переводы документов Кальмарской унии.